

ВАРНА

Альманах «Варха» #6 (осень 2019 г. | 18+)

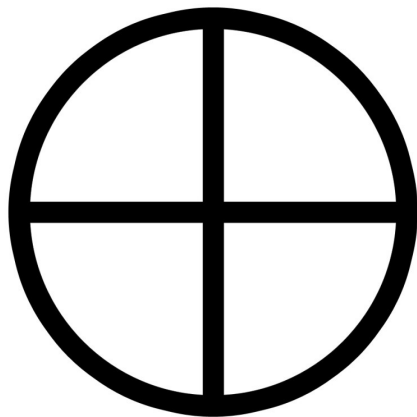


Традиция | Философия
Трибуна | Поэзия

WARHA

Альманах

Философия и метафизика
Традиция и традиционализм
Трибуна
Поэзия



Выпуск #6

SVARTE PUBLISHING

2019 era vulgaris

Warha — также известна как руна R/y в исландском футарке или k в англо-саксонском футарке — в языческом традиционализме означает смерть либо конец, в том числе время Конца Мира.

Выражаем глубокую благодарность

Александру Карпову,

Алексею Просекову,

Даниле Свартову

за поддержку в выпуске альманаха.

А также всем,

кто помог нам в этом году осуществить всё задуманное.

Альманах Warha #6. Традиция. Философия. Трибуна. Поэзия.

Материалы использованы с разрешения авторов и переводчиков.

Обложка: Ярославна Коновалова, проект Veneden

Издающий редактор: Askr Svarte (Е. Нечкасов)

(Разрешается использование и цитирование текста и фрагментов при сохранении целостности и неизменности и с указанием автора и ссылкой на издание)

Альманах издается сообществом Svarte Aske — Темный Ясень

г. Новосибирск, 2019 г. е. v.

www.AskrSvarte.org | www.Polemos.ru



Содержание выпуска

ФИЛОСОФИЯ И МЕТАФИЗИКА

Askar Svarte: Богословие Павла Флоренского	7
Askar Svarte: Комментарий к лекции Г. Н. Базлова «О языческой и христианской фольклорной архаике»	40
Askar Svarte: Против техники и капитала	48
Кирилл Евсеев: Августин дарящий прогресс	61
Елена Эленуар: Формы сакрального в философии Жоржа Батая и Мишеля Фуко	74

ТРАДИЦИЯ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ

Людвиг Клагес: Почему, поднимая покрывало Изиды, находят погибель?	83
Бела Хамваш: Рене Генон и метафизика общества.....	96
Ананда Кумарасвами: Игра и серьезность	107
Юлиус Эвола: Пришествие «пятого сословия»	110
Велеслав: Мировое Древо и Сакральная География.....	115
Вальдр: Кто есть Регины?.....	117
Крок Новиков: Шуйный путь через повседневность.....	122
Крок Новиков: Кто приходит на капище?	123
Крок Новиков: Заметки	125
Чеслав Вятч: Манипуляции страха.....	127
Чеслав Вятч: Справедливость и карма.....	131
Триймбака Калагни: Квантовая концепция сознания и индийская метафизика	134
Триймбака Калагни: Ограниченность неограниченностью .	137
Триймбака Калагни: Сакральная сексуальность	139
Елена Эленуар: «Сверхчеловек» Ницше и тантрическое Дживанмукти	142
Askar Svarte: Быль из Храма Морены.....	145
Askar Svarte: Быль: Время и темнота.....	147

ТРИБУНА

Заметки о страхе и бесстрашии.....	153
Основы вероучения римской религии.....	159
Языческий вопрос русского патриотизма (тезисы).....	166
Askr Svarte: интервью журналу Ginnungagap	174
Интервью с язычником из Росгвардии.....	192
Интервью с Массимо Нобили	199
Развитие идеологии неоязычества в современной России: на примере концепции «Шуйного Пути».....	205

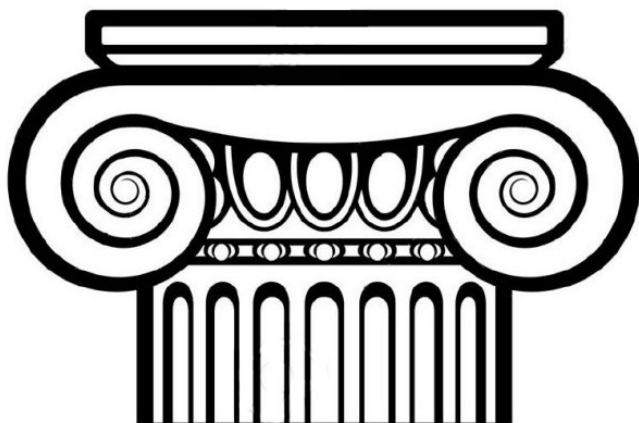
ПОЭЗИЯ

Владимир Акулинин	223
Сергей Гражданкин	226
Сергей Жигалкин.....	228
Крив	231
Вячеслав Ларин.....	234
Крок Новиков.....	236
Чеслав Вятич.....	238
Вальдр.....	241
Махавира	244
Наталия Прокуратова: Рассказы	246

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ванюшкина Виктория: Записи разных лет	257
Авторы и переводчики	305

ФИЛОСОФИЯ
И
МЕТАФИЗИКА



Askr Svarte:

Богословие Павла Флоренского

*(продолжение цикла «Полемика язычества и христианства»,
начатого в альманахе Warha #5)*

Casus Флоренского

Тема богословия священника Павла Флоренского актуализировалась накануне нашего внезапного визита в Софрониеву пустынь под городом Арзамасом. Настоятель пустыни протоиерей Владимир Цветков, который считает П. Флоренского своим духовным учителем, предложил взять его теологию за основу для беседы о метафизике язычества и христианства¹. Стоит признать, что теология Флоренского, изложенная в его фундаментальной работе «Столп и утверждение истины», действительно предлагает богатую фактуру как для полемики, так и для обнаружения пространства диалога в сферах высокой метафизики и теологии на основе языческого традиционализма.

Священник Павел Флоренский (1882–1937) — выдающийся богослов и философ первой половины XX в., сильно повлиявший на религиозную мысль. Более того — плодотворный ученый, математик и физик, работавший инженером в ранние годы советской власти. Позднее Павел Флоренский попал в опалу, сменил несколько лагерей содержания, в числе которых известный Соловецкий лагерь, где он работал в химической промышленности. Был расстрелян советской властью в 1937 г.

В своем богословии Флоренский часто цитирует не только святых отцов Церкви и философов, но и современных ему светских ученых, а также мистиков и оккультистов других религий и учений. Это новаторство продиктовано широтой взглядов Флоренского и его ориентацией на единство мистико-религиозного опыта. В основе богословия Флоренского лежат неоплатонизм и хенология — учение о Едином. Здесь мы сразу можем локализовать его философию в поле теологического дво-

¹ Видеозапись беседы доступна на YouTube: <https://youtu.be/ZUOGshKSYAc>

еверия², когда за фасадом ортодоксального (или пограничного с ортодоксией) языка и дискурса Церкви скрываются и выражаются вполне языческие идеи «эллинской мудрости» Платона и неоплатоников.

Ключевая работа Флоренского — диссертация «Столп и утверждение истины», состоящая из цикла «писем» и рассуждений на темы богословия, обожения, теодицеи, сущности Троицы и т. д. Но также известно, что ранее Флоренский планировал защищать диссертацию по Ямвлиху — выдающемуся неоплатонику из Сирии. В центре работы Ямвлиха стоял синтез неоплатонизма, пифагорейства и языческой теургии и практики; он стремился к созданию целостной всеобъемлющей системы от теории (созерцания высших сфер) до магии и практики. Такая сфера изначальных интересов подталкивает критиков Флоренского к утверждениям, что дух античности ему де-факто оказался ближе духа христианства. Здесь стоит отметить такой немаловажный фактор, как дух времени, в котором творил Павел Флоренский. Он был современником Серебряного века европейской культуры, одной из особенностей которого в России стал живой интерес к языческой тематике на разных уровнях и в разных направлениях: от фольклористики и народничества в сторону русского язычества до глубокой философии и мистики под знаком Диониса и при влиянии Ф. Ницше. Среди многих, кто так или иначе обращался к язычеству в своем творчестве и мышлении, стоит отметить А. Блока, С. Есенина, Н. Клюева, В. Хлебникова, писателя и философа Д. Мережковского (и его идею «Третьего Завета» между язычеством и христианством), Вяч. Ив. Иванова («Дионис и прадионисийство») и др.

Богословское двоеверие Флоренского, который был знаком с многими современниками-поэтами и философами, вполне вписывается в царивший *Zeitgeist*; Серебряный век вынашивал в своем чреве совсем иной вектор (точнее, спектр возможностей) развития русской мысли, культуры и истории, нежели православно-царский или светско-советский проекты. Можно было бы предположить, что, свершись некий случай в становлении

² См.: Svarte Askr. Polemos: Языческий традиционализм. 2016.

Павла Флоренского, мы бы имели не крупного богослова православия, но глубокого неоплатонического мистика.

Поэтому идеи Флоренского интересны для изучения язычниками как мысли влиятельного оппонента и иллюстрация того, как языческая мудрость «переваривает» ограниченность креационизма, а христианское мышление ищет разрешения и спасения от апорий собственной догматики в эллинской мудрости и мистицизме.

Но тем не менее некоторые суждения Флоренского о язычестве, философии и теологии порой граничат с вульгарным невежеством в этом вопросе и модернизмом. Отчасти это объясняется влиянием религиоведческой науки в его эпоху, которая всецело находилась под властью теорий эволюционизма, позитивизма и не могла предоставить релевантные оценки иным культурам и религиям; с другой стороны, сыграло роль «личное уравнение» автора: православный богослов и одновременно успешный ученый естественно-математического профиля, Флоренский неизбежно был аффектирован двумя этими составляющими, которые вносили искажения в его восприятие язычества как такового. Именно этим нюансам мы и посвятим наши полемические замечания к «Столпу и утверждению истины» священника Флоренского.

Теологические замечания к письмам

Письма II и III

Во втором письме Флоренский приводит три вида самоочевидных суждений об истине, выделяя самоочевидность чувственного опыта, самоочевидность интеллектуальную и самоочевидность мистической интуиции. О последнем — мистическом — суждении он пишет следующее: «И, наконец, самоочевидность интуиции может быть самоочевидностью интуиции мистической; получается критерий истины, как он разумеется большинством мистиков (особенно индусских): “Достоверно все то, что остается, когда отваяно все неприводимое к восприятию

субъект-объекта, достоверно лишь восприятие субъект-объекта, в котором нет расщепления на субъект и объект”»³.

Здесь Флоренский затрагивает тему апофатического познания и духовного восхождения адепта (если мы говорим о ряде даршан в Индии) к высшему уровню тождества сознания адепта и сознания Божества (атман есть брахман), хотя критерий «достоверности» терминологически тут не совсем корректен. Действительно, практикуя жесткую аскезу, особенно в школах под зонтичным термином «Вамачары» (Путилевой Руки), адепт по мере восхождения через преодоление освобождается от различных отождествлений с феноменами и эго, доходя до высшего состояния наполнения Божественным или, иными словами, раскрытия в себе Бога (Шивы, Брахмы). Это та точка, где нет расщепления на субъект и объект; от метафизической формулы «я есть это» отсекаются края, остается лишь чистое присутствие. Но из этой же точки присутствия черпается и «достоверность» того, что ранее осталось отброшенным на пути восхождения. То есть пока адепт совершает духовное восхождение к Богу, он отбрасывает феномены, переживания, привязанности и эго как субъект-объектные иллюзии (Майя), освобождаясь для Божественного в себе. Но, достигнув его, он преодолевает в том числе и иллюзию самой Майи, т. е., как говорят некоторые школы высшей Адвайты, Майя — это тоже проявление Божества, и сущность иллюзии заключается в том, что ее по сути нет — есть только восприятие «иллюзии» как иллюзии. Направляя взгляд от адепта к Богу, человек видит лестницу препятствий и испытаний, глядя же от Бога к миру, реализованный адепт не видит двойственности и/или проблемы в наличии двойственности, так как ее природа амбивалентно реально-иллюзорная. Так как мир есть манифестация Божественного начала, то даже дуализм в нем носит его отпечаток, и для взирающего из Истока на Проявление все зримое освящается. Постигание конечной недвойственности не превращает черное в белое, не отменяет и не устраняет ужасных явлений, но превосходит их и объемлет сво-

³ Здесь и далее цит. По: Флоренский П. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 25.

ей открытостью, давая вещам и феноменам быть такими, какие они есть.

Важно также заметить, что в религиоведении считается, что суфийская практика «погашения я» (фана), когда адепт умиряет себя и становится проникаемым для света Бога, как и практика исихазма, восходит к индуистским аскетическим практикам и медитациям.

Непосредственную данность опыта, любого из трех видов, Флоренский в силу провозглашенной самоочевидности сводит до логического тождества $A = A$.

Далее, в том же письме: « $A = A$. Этим сказано все; а именно: “Знание ограничено суждениями условными” или, попросту: “Молчи, говорю тебе!”». Механически затыкая рот, эта формула обрекает на пребывание в конечном и, следовательно, случайном. Она заранее утверждает раздельность и эгоистическую обособленность последних элементов сущего, разрывая тем всякую разумную связь между ними. На вопрос “Почему?”, “На каком основании?” она повторяет: “*Sic et non aliter* — Так и не иначе”, обрывая вопрошающего, но не умея ни удовлетворить его, ни научить самоограничению. Всякое философское построение этого типа дается по парадигме следующего разговора моего со старухой-служанкой:

Я: Что такое солнце?

Она: Солнышко.

Я: Нет, что оно такое?

Она: Солнце и есть.

Я: А почему оно светит?

Она: Да так; солнце и есть солнце, потому и светит. Светит и светит. Посмотри, вон какое солнышко...

Я: А почему?

Она: Господи, Павел Александрович, словно я знаю! Вы грамотный народ, ученый, а мы — неучены»⁴.

Далее Флоренский навязывает проблематику сухого и костного закона тождества $A = A$ как сущности познания и восприятия мира в целом. Забегая вперед, следует сказать, что такое познание Флоренский оставляет для всех неправославных,

⁴ Флоренский П. Столп и утверждение истины... С. 26.

еще не принявших особого христианского мышления, сущность которого он излагает в дальнейшем касательно мышления о Троице (письмо III).

Тем не менее решительно нельзя согласиться с голословным отождествлением нехристианского мышления со структурой $A = A$. Данный закон тождества, конечно же, имеет свое место и сферу применения в реальном мире, но его уровень и область крайне узки и ограничены материальным срезом самой этой реальности. Иначе говоря, это взгляд через замочную скважину, а точнее — взор на мир через щель между полом (слепой хорой-материей неоплатоников) и дверью (открытым холистским языческим мировосприятием и мышлением).

Выбирая дискурсивный путь рассуждений, Флоренский пишет о законе тождества как об основе мышления и восприятия мира: «Каждое A , исключая все прочие элементы, исключается всеми ими; ведь если каждый из них для A есть только не- A , то и A супротив не- A есть только не-не- A . Под углом зрения закона тождества все бытие, желая утверждать себя, на деле только изничтоживает себя, делаясь совокупностью таких элементов, из которых каждый есть центр отрицаний, и притом только отрицаний; таким образом, все бытие является сплошным отрицанием, одним великим “Не”. Закон тождества есть дух смерти, пустоты и ничтожества».

С этим может согласиться и язычник. Но мы не можем согласиться с тем, что языческое мышление и есть мышление формулой $A = A$ и что оно исчерпывается им. Данный закон повелевает царить в сфере математической, физикалистской и доказательной позитивистской науки Нового времени. С точки зрения Традиции восхождение и утверждение такой парадигмы мышления говорит об остывании и окостенении мироздания, о наступлении эсхатологических времен (Железный век, Кали-юга), когда изначальная полнота манифестации сакрального редуцируется до механического мира физических законов и логики.

В сфере морали закон $A = A$ Флоренский отождествляет с эгоизмом «Я» в его радикальных формах — как ненависть к другому, т. е. к любому не- A . Этот важный нюанс и экстраполяция логики на отношения с Другим в дальнейшем будут ключом

для понимания самой сущности креационизма и его отношений с иными (языческими) традициями.

Язычество — это манифестационизм и холизм. Сущность манифестационизма заключается в том, что мир устроен как проявление (лат. *manifestare*) Божественного начала, творение космоса, порядка, природы и человека из самого себя. Божественный исток есть сакральное, есть Единое в неоплатонизме. В разных традициях у разных народов множество Богов имеют либо совсем автономную «персональную» природу, либо на уровне метафизики трактуются как лики (аватары) верховного Божества (например, в индуизме).

Базовой установкой языческого мышления можно назвать символ/холизм. Символ не противоположен знаку с одним четким означающим, но превосходит его в своей экзистенциальной полноте. Символ более объемлющ, его формула — это всегда $A = A + \text{что-то еще}$ [*возможность этого «еще»*]. Символ нанизан на эйдетическую нить семантических значений, его герменевтика широка. Тождество $A = A$ — лишь частный случай совпадения или толкования символа в культуре и более узком контексте. Змея — это и конкретное пресмыкающееся, т. е. из семантического многообразия змеи-символа подсвечивается одна конкретная сторона значения; но в другом месте змея — это, например, Йормунганд — мировой Змей, олицетворение хтонических сил и эсхатологическая фигура, это другой семантический срез того же символа. Об этом же — холизм, т. е. целостность и всеохватность восприятия. Символ холистски открыт к толкованию, к спуску вниз до конвенциональных позитивистских определений вещей типа «змея — это пресмыкающееся вида...» или математических формул либо вверх к метафизическим уровням, включая аллегории⁵. Однако это не означает, что в язычестве при столкновении с любой вещью на человека обрушивается лавина всех символических значений. Принципиальна возможность распутывать клубок символа при мистическом чувстве, зове тайны и открытости бытию как таковому.

⁵ Подробнее о толковании символа как знака и означающего и проблеме реальностей см.: Svarte Ask. Приближение и окружение. 2017.

Этому близок приведенный выше диалог со служанкой, отталкиваясь от которого, далее Флоренский критикует уже познание дискурсивное, указывая, что вместо четкого ответа (дефиниции) на вопросы «что такое солнце?» или «что держит землю?»⁶ такой тип познания воронкой уходит в бездну бесконечного увиливания и перечисления различных аспектов и иносказаний, *regressus in indefinitum*. В этом случае дискурсивный путь приравнивается к полисемантике символа, который в череде своих дефиниций (*definition*; ограничение) покрывает инфиницию сакрального (*infinition*; нуминозный опыт безграничного), но Флоренский не делает здесь того жеста, который он позднее (в третьем письме) совершит относительно понимания природы Троицы. Ее он также предлагает мыслить сугубо язычески: как единство в нераздельной-но-и-неслиянной троиственности Отца, Сына и Святого Духа. В случае Троицы Флоренский подчеркивает тождество-в-нетождестве (слияние-в-разделении) как метафизическую уникальность Троицы, при этом призывая мыслить ее нелогично (как тождество), немистично (только как единство) и недискурсивно (здесь противоречие единства-множества), но схватывать как таковое, т. е. холистски — как символ. В этом ему помогает тот факт, что Троица ограничена, собственно, триадой Отца, Сына и Духа, т. е. является усеченным символом, практически $A = (A^1; A^2; A^3)$. Про языческий же символизм Флоренский утверждает, что он порождает бесконечность толкований: как бесконечное перечисление, так и бесконечное блуждание по кругу. Здесь необходимо сделать важное замечание: несмотря на то, что символ воплощает полисемантизм на различных уровнях бытия, он не подобен бесконечному выведению любых значений из любой отправной точки-слова. Символические нити связей, постоянное прячущееся за каждым тождеством «*что-то еще*» все же завязаны на исходной отправной точке символа. Солярная символика во всем ее безграничном разнообразии все же не перетекает своевольно и волюнтаристски в символику хтоническую. Вещь при всей своей экзистенциальной символической нагрузке (например, меч как символ патриархальной власти и конкретный именной меч ко-

⁶ Флоренский П. Столп и утверждение истины... С. 31.

нунга из скандинавских саг) сохраняет некие границы либо условия для метаморфоз или смещения регистров (превращение меча в серп как ритуальный перевод воинственной функции вниз — в аграрную женскую семантику). Флоренский пользуется тем, что количество «частей» или ипостасей Троицы ограничено четко, в то время как семантическое богатство языческой символики подчас не имеет обозримых чисел или границ. Но в основе того и другого лежит один и тот же принцип схватывания целостности при признании самостоятельности частей. Из этого следует, что, волюнтаристски навязав всему неправославному мышлению логику тождества $A = A$, сам богослов преодолевает ее с опорой и апологией языческого холизма. В этом прослеживается то самое теологическое «двоеверие», сильное влияние неоплатонизма, Ямвлиха на мышление Флоренского. В христианстве это называется «мистикой» и в целом допустимо, пока не переходит в маргиналии и ереси относительно ортодоксии, в реликты языческого мышления под оберткой христианского дискурса и языка.

Недостаточность пути самоочевидности и пути дискурсивного Флоренский видит в том, что они в итоге неспособны привести к конечному, полному и непротиворечивому знанию. Самоочевидность замыкается на тождестве и эгоизме, слепнет. Дискурсивное же познание уходит в *regressus in indefinitum*. В итоге, рассуждая об «Истине», мыслитель вынужден остановиться. Мистический опыт, самоочевидность и аналитическое рассуждение входят в противоречия и не позволяют вынести окончательное суждение об «Истине». Мыслитель сталкивается с апорией и эпохэ (ἐποχή; задержка) — двумя важнейшими понятиями в трудах Флоренского.

Неспособность утверждения и преодоления сомнений, противоречий приводит к эпохэ. Для Флоренского это не просто пауза, стояние в проеме, но патологическое состояние, «безумное вскидывание и корча, неистовое топтание на месте, метание из стороны в сторону — какой-то нечленораздельный философский вопль». В другом месте он пишет: «Разумное доказательство только создает во времени мечту о вечности, но никогда не дает коснуться самой вечности». Действительно, так порождается иллюзия, мираж, преследуя который в своем уме, мыслитель

никогда его не догонит, как Ахиллес не догонит черепаху в известной апории Зенона. Это чревато дурной бесконечностью и падением в бездну, «сжигающим изнутри огнем» невозможности познания «Истины» у Флоренского. Сакрального в божественном единстве — скажем мы.

Здесь также есть ремарки касательно философских стратегий мышления при столкновении с эпохэ и угрозой безумия.

Для Флоренского эпохэ — это Ад, мучение, вечное «все еще нет», вызванное апорией — неснимаемым противоречием. Но в другом месте эта же ситуация апории приводит его к необходимости совершения интеллектуального прыжка за пределы логики и рации, когда речь идет о познании Троицы в единстве и неслиянности ее частей. Попадая в ситуации апории, мыслитель оказывается перед развилкой: продолжить дискурсивный анализ и пасть жертвой сумасшествия либо совершить «прыжок» за пределы рации, к схватыванию истины как холизма, символа. Во втором случае мы видим, как апория обращается в дзенский коан, сущность которого не в том, чтобы дать правильный ответ, а в том, чтобы сломать оковы ума (дискурсивные стратегии и практики), чтобы прорваться к реальности «как она есть», испытать сатори (пробуждение). Дискурсивный анализ есть лишь путь, подводка к ситуации необходимости прыжка. $A = A$ абсолютно справедливо на своем месте и этаже реальности, самотождественные суждения не отменяются, но схватываются в общем целом озарения.

Мы можем различить типы безумия в связи со столкновением с апорией. Первый сценарий — негативный — открывает путь сумасшествию, патологии и гибели души, о чем преимущественно и пишет Флоренский. Второй — наоборот, говорит о священном безумии, аполло-дионисийском опьянении, к сожалению, чуждом авраамическому духовному опыту. Выход из апории и эпохэ есть экстазис, изумление. Оба слова указывают на «во-вне-стояние» или «из-ума-исхождение». Это один из круга равных путей к Сакральному и обожествлению в язычестве, в экстатических практиках под покровительством Диониса или германского Вотана/Одина.

Священное безумие, в отличие от профанного сумасшествия, есть опьянение Единым — тем, что приоткрывается при

схватывании в прыжке символа как инфиниции: безграничного не в своем множестве значений, но в том, что превышает и объемлет в нуминозном любую множественность. Негативным дублем «снизу» этого Единства может выступать самоочевидный моральный эгоизм, который Флоренский выводит из установки $A = A$, фактически говоря о современном «последнем» человеке.

Возвращаясь к спору Флоренского и служанки: выходит, что последняя фактически больше и искреннее открыта бытию и миру таким, каков он есть. На вопрошание «что есть солнце?» она искренне отвечает так, как оно есть: «солнышко»; «потому что светит»; «вон какое хорошее». Об этом же открытом бытию вещей восприятию пишет и Мартин Хайдеггер⁷. И только неспокойный ум богослова требует исключить «болтовню» и требует: дайте дефиницию, скажите « $A = A$ ».

Беспокойствие ума как преграда для сатори, постижения высших состояний божественности в школах адвайты или экстаза от созерцания Единого у неоплатоников, является давно известным фактом. Флоренский говорит об уповании на веру и Бога — почти аналогичные обращения мы можем увидеть и в индуистской среде, где они дополняют активную практику. Отточенный ум может быть подспорьем для штудий о тончайших нюансах апофатического богословия и приближения к Единому, где идея изумления и экстаза («прыжка веры») лежит подспудно сплошь и рядом. Для оказавшегося же «на вершине» или погружившегося в истину Сакрального предшествующие ступени восхождения и дискурсивные практики, включая апорию и эпохэ, не отменяются и не выбрасываются как предшествующие, равно как при реализации собственной Божественности (атман есть брахман / хенологический экстаз) феноменальный мир не исчезает и не противопоставляется высшему Божеству, а включается в общее единство как его закономерная и локализованная часть; проблема же эпохе не разрешается, но снимается (в гегелевском смысле). Отсюда важное определение сути индийских даршан и неоплатонических мистиков как стремления к монизму.

О монизме же Павел Флоренский в третьем письме пишет: «Отказ для Бога от монизма в мышлении и есть начало веры.

⁷ См.: Хайдеггер М. Исток художественного творения. 2008.

Монистическая непрерывность — таково зная крамольного рассудка твари, отторгающегося от своего Начала и Корня и рассыпающегося в прах самоутверждения и самоуничтожения. Дуалистическая прерывность — это зная рассудка, погубляющего себя ради своего Начала и в единении с Ним получающего свое обновление и свою крепость»⁸.

Для язычества монизм является вершиной теологической и кульминацией мифологической структуры. В ряде традиций божественный монизм выражен эксплицитно, как в метафизике индуизма (все есть проявление Брахмы или сознания Шивы, игрой Шакти). В других есть тесное к нему приближение, как в неоплатонизме или, согласно нашей герменевтике, в «Видениях Гюльви» из «Младшей Эдды» германо-скандинавской традиции⁹. Наличие в пантеоне и мифологии высшей фигуры — Бога, духа, Отца-Неба и т. д. — является одной из начальных предпосылок к монизму. В других же традициях подчас нет столь глубоко проработанной мифологии и теологии, как в ключевых индоевропейских культурах. Тем не менее они также в своем мировосприятии погружены в сакральный холизм и одухотворенность мира как целого. Монизм и есть единение и целостность, которой креационизм противопоставляет единственность Бога и онтологическое различие Творца и мира. Онтология язычества, как мы уже говорили, заключается в манифестационизме — проявленности, *creatio ex Deo*. Креационизм (авраамические религии) строится на догмате о *creatio ex Nihil* — ремесленном творении Богом мира из ничего, что подчеркивает принципиальное различие в качестве и метафизическом масштабе Бога и мира, твари. Отсюда проистекает принципиальный и неснимаемый дуализм авраамических религий с онтологическим, сакральным и моральным перекосом в сторону благодати Бога и порочности твари. Если в язычестве допустим веер мифологических и теолого-метафизических вариаций от наивного анимизма, дуализма буквального и иллюзорного (Майя; двайта-адвайта; дуализм на своем иерархическом месте), холизма и высшей недвойственности, то в креационизме такой плюрално-

⁸ Флоренский П. Столп и утверждение истины... С. 65.

⁹ См.: Svarte Askr. Приближение и окружение. 2017.

сти нет. Самые смелые мистики, через которых говорит языческое наследие эллинской или индийской мудрости, доходят до стадии непосредственной близости или «дружбы» с Богом (суфизм), но не единства.

Поэтому отрицание Флоренским монизма в пользу монотеизма и веры есть логическое следствие онтологии той религии, к которой он принадлежит и которую он отстаивает. Дуализм здесь — базовая предпосылка для всего дальнейшего движения по его преодолению и построению теодицеи. Изначальное несовершенство есть залог начала духовного подвижничества. С языческой же точки зрения несовершенство есть проявление «остывания» Космоса или сокрытия Божественного, т. е. регресса эпох по Гесиоду, наступления Рагнарека у германцев. Здесь можно встретить возражение о том, что в христианстве несовершенство человеческой природы есть следствие первородного греха в Эдеме, а задача подвижника заключается в реставрации адамического совершенства. С этим можно согласиться лишь отчасти, так как совершенство времен Эдема не идет в сравнение с совершенством Золотого века, о котором говорят мифологии народов, отголоски которого встречаются в мифах о блаженных землях или островах бессмертных, где люди живут совместно с Богами; либо с реализацией саддху внутренней Божественности, когда он становится дживанмуктой — реализованным адептом и Божеством. Блаженство Эдема и чистота Адама и Евы все равно обособлены изначальной отделенностью от Бога, они не проявления Божества, но его креатуры; сосуды, слепленные гончаром. Их блаженство — пребывание в райском саду *рядом* с Богом, но не сущностное обожение и *единение*.

Как мы уже замечали, монизм де-факто не исключает дуализма как актуального восприятия и отражения реальности на определенном онтологическом уроне или степени инициации. Здесь можно провести аналогию с дискурсивным познанием как оттачиванием ума перед необходимостью прыжка к прозрению.

Флоренский настаивает на дуализме и прерывности как залоге такого мышления, которое так или иначе обязательно зайдет в тупик эпохэ. Для язычества апория разрешается в изумлении и экстазе, Флоренский же предлагает уповать на веру и особое иррациональное, алогичное понимание (схватывание) Троицы как

триединства. Ранее мы уже определили этот гносеологический ход как усеченное язычество. Если для язычника изумление освящает все мироздание, то христианину остается только святость триединства и успокоение/блаженство в соседстве с ней, когда он входит под сень света этой «Истины», но никак не сливается с ней и, покидая ее, вновь ввергается в дуалистический мир креатуры. Отсюда — обреченность апории на сумасшествие. Столкновение с ней в первую очередь порождает адские муки эпохэ, которые отступают силой веры в Троицу. Об этом Флоренский пишет: «Свет мистиков не разрешал им ἐλπίς, да и не мог разрешить ее. Они и видя не видели. Ты спрашиваешь, почему так. Потому, что у них не было догмата Троичности, а были лишь призраки учения о троичности, не имевшие в себе соли его, сверхлогического препобеждения закона тождества»¹⁰.

Мы уже сказали достаточно о преодолении закона тождества и иррациональном изумлении в язычестве и мистике в частности. Ранее у Флоренского есть сравнение мистического пути с синицей, а дискурсивного — с журавлем. Здесь же он отрицает способность мистического озарения разрешить эпохэ. Мы же лишь напомним, что народная мудрость отдает предпочтение синице в руке.

Сама же постановка безальтернативности Троицы и веры для разрешения адских мук ума приводит нас уже к другой проблеме, связанной с христианством и креационизмом в целом. Проблема эта — признание и отношение к Другому. Для авраамических религий принципиальный и экзистенциальный Другой — это языческие традиции, их мудрость и принципиальное отличие их онтологии и структур.

Язычество выражает разной степени инклюзивность по отношению к Другому, к другим традициям. С древности нам известна практика сравнения Богов одних народов с другими, обнаружение общих черт, вследствие чего заключалось, что, например, «германцы знают нашего Меркурия как Вотана». Если допустимо использовать это слово, то языческие традиции в некоторой степени «терпимы» к культам иных Богов других народов; и тем более мы проявляем уважение к ним, будучи в

¹⁰ Флоренский П. Столп и утверждение истины... С. 106.

гостях и странствиях. Инклюзивность язычества на метафизическом уровне исходит из принципа манифестационизма. В феноменальном мире это выражается в плюральности традиций, народов и их культур, логосов и цивилизаций.

В отношении авраамических религий инклюзивность проявляется в том, что на ранних этапах христианизации Европы народы относились к Христу как к «еще одному Богу», как к Богу, который щедр на удачу для конунгов, о чем сообщает А. Гуревич¹¹. В Индии знакомство с исламом привело к тому, что вначале Аллаха приняли как еще одного Бога, и в порядке нормы было посещать мечеть по одним праздникам, а храмы Кришны — по другим. Позднее, когда ислам стал прибежищем далитов (нижней касты неприкасаемых), его статус сместился на нижний уровень в сословной и духовной иерархии.

Стоит заметить, что «терпимость», а точнее, способность в чужих Богах различать и видеть иные лики Богов собственных, в язычестве не означала повальной «толерантности». Имеются примеры очень ограниченной, минимальной инклюзивности, например, дардский народ калаши на севере Афганистана не приемлет ни в каком виде учения ислама или христианства, для них это означает буквальное уничтожение идентичности. Но, с другой стороны, они очень открыты различным шаманским и синкретическим влияниям индуизма, буддизма или учений соседних народов.

В креационизме нормативом является позиция эксклюзивности, т. е. собственной исключительности и превосходства. Авраамические религии, несмотря на свое родство от Авраама и общие онтологию и географический ареал возникновения, пребывают друг с другом в конфликтах (крестовые походы, джихад и Реконкиста). Относительно же язычества и вовсе преобладает принцип «или-или»: или язычник принимает крещение/шахаду, или его ждет смерть. Язычник — всегда «недочеловек», пока он вне лона Церкви или уммы. Истории крещения и распространения ислама показывают это наглядно; иудаизм же избрал стратегию замкнутости от всех чужаков. Подавление иных традиций в креационизме идет рука об руку с распространением своей

¹¹ См.: Гуревич А. Я. Эдда и сага. 1979.

истины и догматики. Переводя это в иную метафорическую плоскость, мы можем заметить, что это схоже с редукцией полисемантики изначального Символа до конкретного единичного знака и его означающего, точнее до трех его ипостасей в учении о триединстве.

Вопрос же истинности как таковой решается по принципу близости «своего» и неприятия «иного». Как можно было заметить ранее, когда речь идет о язычестве, и Флоренский, и иные отцы Церкви выносят отрицательные и очерняющие языческое мышление суждения, но когда речь идет об их догматике и метафизике, они нередко одобряют точно такие же логику и проявления эллинской мудрости. Если одна и та же логика применяется для объяснения понимания природы Троицы — это благо, если она же присутствует повсеместно в высших языческих учениях, то она отрицается, либо вместо нее навязывается какой-то иной логический закон мышления, например, $A = A$.

В этом кроется глубокая и принципиальная проблема креационизма — отсутствие признания Другого и отношения авраамических религий к неавраамическим традициям в русле плюральности и ансамбля цивилизаций. Вместо этого на протяжении всей истории что христианство, что ислам воплощали стратегию сведения всего многообразия к единице (ортодоксии) и универсализму («нести ни эллина, ни иудея»). Решения этой фундаментальной проблемы пока не видно.

Одним из наиболее нелицеприятных примеров захватнической политики креационизма в лице христианства является приписывание себе мудрости древних философов, таких как Гераклит и Платон — «христиане до Христа». Несмотря на то, что учение Платона и «эллинская мудрость» были преданы прямым анафемам на поместном соборе в Минах в 543 г. при императоре Юстиниане и повторно в XI в. по случаю осуждения неоплатоника Иоанна Итала, их влияние и желание приписать их философию себе в христианской среде чрезвычайно сильны. «Все лучшее до христианства — наше», гласит известная максима. Здесь мы вновь сталкиваемся с чистейшим волюнтаризмом и игнорированием различий в фундаментальных онтологических установках язычества и христианства. И если для язычества обильные инфильтрации и идеологическая «контрабанда» внутрь христиан-

ской теологии по сути есть вещь позитивная, то для самого христианства это представляет проблему (множественные смещения регистров и движение в сторону мистических маргиналий и ересей). Яркий пример из католического мира — учение Майстера Экхарта и рейнских мистиков, которые прямо указывают Плотина и Прокла своими учителями. С помощью довольно прозрачной деконструкции их идей язычники германо-скандинавской традиции могут оперировать их трактатами и выводами в свою пользу, в то время как исторически папский престол инициировал разбирательства и гонения на Экхарта.

Вспомним, что Флоренский выводил из логической самоочевидности закона $A = A$ моральный эгоизм самозамкнутого Я. В данном случае мы можем ясно увидеть, что авраамическое стремление (которое есть проявление хюбриса) редуцировать культурный плюрализм (семантический плюрализм символа) к четкому лаконичному набору догм (ипостасей в Троице; набора означаемых знака) есть еще не тождество, но стремление к названной ситуации единичности и отсутствию Другого.

Письмо VIII

«Кому как не язычникам было знать о призрачности загробного существования и о дурной бесконечности геенских мучений? Не ведая при жизни освобождения от силы этого вихря самости, от мучительной работы геенны, они с удивительной пластичностью выразили это переживание в целом ряде адских образов. “Самые наказания изображаются в таком виде, — делает наблюдение исследователь эллинских идей о загробной жизни, — что более всего остального они указывают здесь лишь на тщетность, бесплодность вечных усилий наказуемого достигнуть какой-либо важнейшей для него цели, — бесплодность, видимо, намекающая на тщетность и суетность всех вообще усилий и стремлений человека в период земного его существования”»¹².

¹² Флоренский П. Столп и утверждение истины... С. 245.

В данном отрывке Флоренский приводит описание языческого «ада» как удела всех неверующих. Отталкиваясь от того, что язычники пребывают в геенне при жизни из-за неспособности разрешить эпохэ в силу отсутствия «истины» Троицы, он экстраполирует их страдания и на загробную жизнь. Здесь опять же проявляется односторонняя ангажированность православного апологета.

Во-первых, традиции разных народов повествуют о множестве загробных миров и сценариев посмертного путешествия бессмертной души, будь то перерождение души в роду своих потомков либо ее пребывание в одном из миров после кончины тела. Германо-скандинавская традиция учит тому, что лучшие воины после смерти попадают в Вальхаллу — Зал Павших, где они пируют и сражаются, т. е. проводят время достойно и соответственно их славе, ожидая, когда наступит их час эсхатологической битвы. Богиням Фрейе и Фригг принадлежат чертоги для влюбленных и супругов. Нижний же мир, Хельхейм, представлен как место туманного уныния, где души пребывают отведенный им до нового воплощения срок. Хельхейм схож с греческим Аидом или царством Плутона.

Во-вторых, так как в язычестве нет прямых аналогов Рая и Ада христиан, царство уныния Аида/Хель походит на них лишь отчасти и не наполнено муками, истязаниями, чертями и той структурой, которую описал Данте. Более ужасные картины ада (Нараки) мы встретим в буддизме и тантризме, где душа с плохой кармой проходит долговременный путь очищения и воздаяния, после чего следует соответствующее перерождение. Эта позиция близка учению Оригена, которое также было предано анафеме. У славян, среди прочего, бытовало представление о Пекле — загробном мире, название которого говорит само за себя. Но, помимо него, были широко распространены культ предков и представление об их перерождении в роду.

В-третьих, Флоренский для иллюстрации бесконечных страданий, которые прямо аналогичны мучительному эпохэ, называет Тантала, Прометея и Сизифа. Отталкиваясь от их историй, он делает обобщение о нормативности их архетипа и страданий для всего посмертного существования язычников. Но реальность в том, что в эллинской традиции Прометей, Сизиф и

Тантал воплощают собой конкретные и уникальные типы вины и наказания; они не распространены на всех, а скорее обособлены как экстремумы посмертного страдания и назидательные фигуры. Все три несут свое, действительно схожее с эпохэ, наказание за титанические дерзновение и чрезмерность (хюбрис), за богоборчество (Прометей). Они воплощают собой природу титанизма как такового — вечное «еще нет», вечное несовершенство, вечный процесс без конца (см. спор Флоренского и служанки), вечное пребывание в Аиде, в хтонической утробе (за исключением Прометея, но его скандинавский аналог Локи как раз заточен под землей)¹³. При всей схожести титанических страданий с той картиной адских мук эпохэ, которую рисует Флоренский, все же их никак нельзя признать за всеобщую участь души после смерти.

В продолжение темы остановимся еще на двух фрагментах того же письма:

«Видел я там наконец и Ираклову силу, один лишь призрак воздушный; а сам он с богами на светлом Олимпе сладость блаженства вкушал близ супруги Гебеи, цветущей дочери Зевса от златообутой владычицы Иры...

<...>

Таким образом, уже у Гомера была смутная догадка или темное воспоминание о том, что “εἶδωλον, призрак” человека может быть в геенне, а “αὐτός, сам” он — в горнем мире. Это гомеровское различие “самого” и “призрака” имеет в себе любопытную параллель в виде различия “имени” человека и его “души”».

Здесь Флоренский противоречит сказанному им же выше: Геракл вкушает блаженство на Олимпе, вопреки декларируемой нормативности титанических страданий всех смертных. То есть он подспудно, но признает и различает несколько траекторий души после смерти. И даже тень Геракла не страдает от пыток у Гомера, но пребывает в скуке и помрачении. Разделение на «тень» и «самость», на «имя» и «душу» подводит нас к теме антропологической структуры в язычестве.

¹³ См. подробнее Сперанская Н. *Concordia discors*: внутренний конфликт античного грека. 2016.

Наглядную иллюстрацию сложности человеческого устройства дает германо-скандинавская мифология и теология¹⁴. Основные составные части человеческого естества, согласно «Старшей Эдде», таковы: Один дал человеку дыхание; Хенир — дух, а Лодур — румянец. Троица Богов одаривает перволюдей Аска и Эмблу материальными и духовными качествами. Традиция также приписывает каждому человеку «ликр» — внешний облик, который человек может менять, сродни оборотничеству. Также есть «скугья» — тень от вещи, от тела, которая обладает минимальным бытием. Теснее с жизнью человека связаны «хамингья» и «фюлгья» — духи-хранители, сродни «доле» и «недоле» в судьбе человека. Фюлгья — это спутник человека, который также может распространяться или принадлежать целому роду и наследоваться в нем после смерти своего обладателя. Так, после смерти некоторые части человека исчезают, как дыхание, тело и тень; другие — душа, фюлгья и хамингья — отправляются в соответствующий загробный мир до нового рождения либо находят себе нового достойного хозяина. Если мы говорим о знатном воине, ярле или конунге, то его загробный путь — Вальхалла, а его дух-хранитель и воплощение его удачи и славы наследуются династически, фактически как дар достойному. Здесь нет места никаким страданиям или унылому прозябанию теней в Хельхейме. Если же мужа настигает «соломенная смерть», то он не страдает так, как на это обречены титаны в Аиде, претерпевая лишь временную скудность подземного мира.

Отдельно следует остановиться и на различении имени и души человека, о чем говорит Флоренский: «Помяни, Господи, имярек и душу его». Против разделения сущности и имени выступает славянская традиция (хотя аналогичные поверия и практика встречаются и у других народов), где в рамках культа рода существует обычай давать детям либо внукам имя старшего предка, преследуя конкретную цель — через имянаречение пригласить его душу к перерождению в роду, к возвращению в явный мир и семью. Привнесенное христианством разделение по

¹⁴ См.: Клири К. Что такое руна? 2018; Svarte Askr. Приближение и окружение. 2017.

факту уничтожает основу культа рода и перерождения предков, связь с загробными мирами и покровительство мертвых над живыми потомками.

В итоге мы видим, что попытки Павла Флоренского навязать образ христианского Ада для язычества разбиваются о мифологические свидетельства разных народов, космологическую структуру языческих традиций и сложное устройство человеческого естества, вариативность его путей после смерти. Более того, подспудно он проговаривается о несовместимости православного «имяславия» и славяно-языческого родового культа, играющего важную роль в русской культуре.

Письмо IX

В девятом письме Флоренский рассуждает о языческих Богах следующим образом: «“Все полно богов — πάντα πλήρη θεῶν εἶναι” — таково основное положение язычества. Может показаться странным, но все-таки скажу, что это положение звучит безбожно и безмирно, атеистически и акосмически раз: как говорит св. Афанасий Великий, “многобожие есть безбожие, многоначалие — безначалие”»¹⁵.

Здесь священник Флоренский проявляет типичную ангажированность и необходимость «развенчать» традицию и Богов оппонентов-язычников. Так как в основе язычества лежит манифестационизм, т. е. творение мира как проявление Божественного, то аксиомой этой манифестации является ее благое начало и свобода, открытость бытию (то, что греки называли словом алетейя, ἀλήθεια). Поэтому утверждение в «акосмизме» и «безмирности» языческого многобожия можно отвергнуть решительно и без труда, ipso facto. Далее в защиту «безбожности» и «атеизма» языческого космоса Флоренский привлекает Афанасия Великого, но и он, и сам священник отказываются видеть очевидную истину в структуре языческих пантеонов у индоевропейских народов. Итак, при наличии множества Богов различных рангов (асы и ваны; олимпийцы и музы, духи, пена-

¹⁵ Флоренский П. Столп и утверждение истины... С. 275.

ты; дэвы и асуры; etc.), в пантеоне всегда выделяется один Бог-Отец, или «первый среди равных», будь то Зевс, Вотан, Брахма или Шива, Отец-Небо у кочевых народов, наиболее почитаемый дух-предок или тотем. Он и есть первоначалие, не зря он носит имя «Отца» или, как Вотан или Зевс, «Всеотца». В своей структуралистской парадигме Жорж Дюмезиль писал о триадической структуре пантеона индоевропейских Богов, которая отпечатывалась в социальной структуре обществ. Он выделял триаду: Бог-творец, Бог воинов, Бог плодородия, что отражалась в условиях: жречество, воинство, земледельцы и ремесленники. В этой триаде верховенство, как и в обществе, отводилось паре жрец (власть духовная, ближе всего к Богам) и царь, князь (власть одновременно светская и духовная, сродни египетскому представлению о воплощении Бога в фигуре фараона). Наличие иерархии напрямую указывает на наличие вершины пирамиды, т. е. на то самое первоначалие, а не на «безначалие». Более того, если присмотреться к этой структуре внимательно, к союзу жречества и аристократии, то можно увидеть ее следы в православном византийском учении о «симфонии властей» патриарха и императора. Вновь проявляют себя древние индоевропейские структуры, заложенные в глубокой языческой древности.

Перемещаясь еще на уровень выше — в область метафизической проблемы «начала», т. е. «первого» и «властного», — мы можем говорить об апофатическом Едином как изначальном истоке всей Божественности и множества Богов в целом. Оно и есть нетварный источник всего и начало начал, о нем можно говорить только в апофатическом регистре речи, и это составляет уже содержание мистических и философских учений в язычестве (Пара-Шива или Брахма Ниргуна в адвайта-веданте). Мы можем возразить Афанасию Великому, что язычество утверждает не «безначалие», а Единоначалие в двух регистрах: Бог-Отец, первый среди равных в семье Богов, и апофатическое Единое как основа манифестации Божественного.

Процитируем следующий фрагмент: «Эти многочисленные демонические существа были для античного человечества прежде всего страшны, как и сейчас страшны и демоничны они для всякого безблагодатного сознания, во всякой внехристианской религии, как страшны “духи” спиритов и тьмо-

численные “божества” северного буддизма. Страх и трепет окружали человека; сами боги были демоничны, и связь с богами, *religio*, сводилась в существе своем к *δεισιδαιμονία*, к богоили, точнее, к демонобоязненности и к вытекающим отсюда стремлениям магически заклясть недоброжелательного демона: *Timor fecit primos deos*, и древний человек втайне чувствовал, что чтит не богов, а демонов»¹⁶.

Здесь священник Павел Флоренский совершает типичную ошибку всех апологетов, в частности навязывает позднее и сугубо христианское понимание греческого слова *δαίμων* античному греку и язычеству в целом. Слово «даймон», откуда происходит позднее «демон», означает буквально «духа» или «божество». Даймон — это либо буквально один из Богов, либо, позднее, промежуточная фигура духа-покровителя, среднего или младшего Божества между человеком и трансцендентным. В целом, даймон — это проводник ума и души в высшие сферы. В таком значении верно, что древний человек чтит и Богов, и даймонов — как сущностей, что превосходят человеческий уровень бытия и возможностей. Позднее в христианском учении часть функций античного *δαίμων* взяли на себя ангелы-хранители, а вся «негативная» семантика отошла в область демонологии.

Для простолюдина, для земледельца было естественно в некоторой мере страшиться Богов и стремиться жертвоприношениями обеспечить больший урожай в году или отвести какие-либо напасти. При этом напасти и злоключения исходили от сил титанических либо от фигур низшей демонологии: лярв, «чертей», кикимор или леших, различной нежити и т. п. персонажей из фольклора. Именно с целью защиты от них люди обращались к Богам, откуда в крестьянской среде есть почитание воинственных Богов как защитников. Яркий пример — скандинавский Тор, подвески в виде Молота которого были широко распространены в Скандинавии и долго сохранялись в эпоху двоеверия. В других случаях люди договаривались и даже в некоторой степени дружили с различными существами низшей демонологии, задабривали их. Здесь для язычника существует

¹⁶ Флоренский П. Столп и утверждение истины... С. 276.

простор вариаций взаимодействия. Например, язычеству известны и формы ритуального богохульства, окруты и потех — как формы антиповедения, с помощью которого заклинались злые силы и обреталась защита. Если же язычники дрожали от страха перед Богами, то представить себе такое невозможно. К этому следует добавить, что такое скоморошье поведение и праздники, когда все переворачивалось с ног на голову, искоренялись христианством на протяжении всего Средневековья.

Наконец, лучше всего ошибочность демонизации древних Богов подчеркивает аксиома мистерий из гимна Аполлону Каллимаха:

«Кто его узрит, велик, а кто не узрит, тот жалок, —
Мы же, узревши тебя, Дальновержец, жалки не будем»¹⁷.

Кто его — Аполлона — узрит, тот велик. Нельзя представить, чтобы подобный пиетет перед Богом на самом деле был формой демонолатрии или проявлением раболепного страха перед демонами. Боги возвышают, даруют мистерии и духовное восхождение, несут порядок в мир. Природу страха перед Богами можно объяснить тем, что интенсивное переживание священного, которое происходит при эпифании Бога, выражается в виде нуминозного ужаса, о чем писал Рудольф Отто. Это не страх «раба», но энтузиазм в изначальном значении этого слова «вхождение Бога в тело» или «Богоодержимость». Но религии авраамизма знают только одну, негативную форму одержимости и всегда судят по себе.

«“Смелость человека раздражает и беспокоит демонов, они не веряются его любознательности и не любят, когда он старается открыть то, что они закрыли от его взоров златотканым покровом красоты. Даже независимый ум Аристотеля недалеко ушел от этой основной стихии древней религии: Любовь между богами и человеком, как между существами разнородными, невозможна”, — утверждает Стагирит. Любовь невоз-

¹⁷ См.: Кереньи К. Элевсин: Архетипический образ матери и дочери. 2000.

можно! — таково осознание своего богопонимания у всей древности...»¹⁸.

Первая часть цитаты полностью и дословно справедлива для христиан в случае полемики с естествознанием и науками. Стоит только «демонов» заменить на «Господа», как мы увидим классический полемический пассаж эпохи Просвещения: «Смелость человека раздражает и беспокоит Господа, Он не веряется его любознательности и не любит, когда он старается открыть то, что Он закрыл от его взоров златотканым покровом красоты».

Во второй же части Флоренский и вовсе запутался в том, где и чья теология в его философии. «Любовь между богами и человеком, как между существами разнородными, невозможна», но язычество — от детально проработанных метафизик Азии или Греции до шаманизма и родовых культов Сибири — всегда постулирует практически семейную связь между Богами и людьми. От эпитетов в виде Отец-Небо, Один-Всеотец, Мать-Земля и тому подобных до представлений о том, что человечество или конкретный род в своих корнях восходит к Богу (Сага об Инглингах). Либо же родовые культы и почитание духов особо уважаемых предков возносят их посмертный статус до богоравного. Отсюда очевидность того, что Боги и люди (в том числе в силу манифестационизма) — существа однородные, но разночинные, как Отец превыше своих детей. Про Любовь же в виде Эроса, древнего и многогранного Бога, возносящего мудрецов и практиков в высшие сферы, исчерпывающе сказано в диалоге «Пир» Платона и труде «Метафизика пола» Юлиуса Эволы. Тематикой любви и Эроса, точнее Бога Камы, пронизаны многие тексты индийского шактизма и тантр.

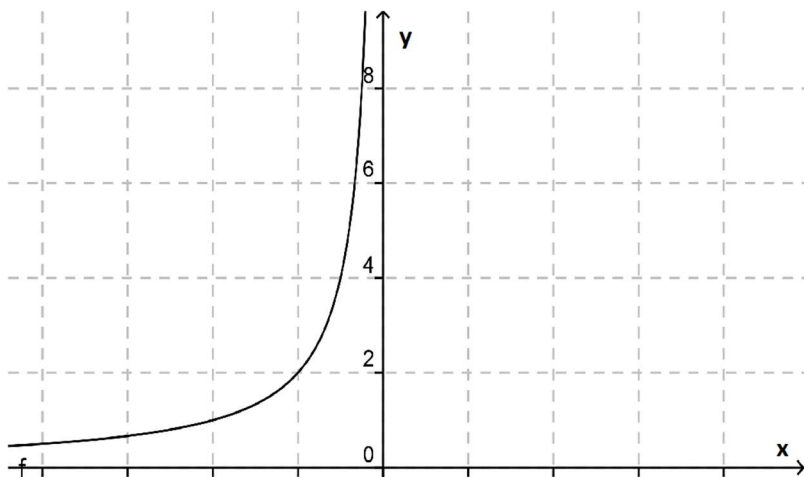
Цитата Стагирита, которую приводит Флоренский, абсолютно справедлива для креационизма — для иудаизма, христианства и ислама. Именно в этих религиях на всех уровнях постулируется качественное различие природы Творца и природы твари, человека.

Сущность самопознания монаха, аскета и человека духовного в язычестве — это трудный путь к обожествлению, к рас-

¹⁸ Флоренский П. Столп и утверждение истины... С. 278.

крытию своей Божественной природы. Сущность самопознания в креационизме — это осознание своей тварности и отличия от Бога, непреодолимой дистанции (эпохэ).

В нашей беседе об этой проблеме с о. Владимиром Цветковым в Софрониевой пустыни настоятель привел в пример следующую метафору. Обожение православного подвижника происходит по Благодати Божией, и он, возвышаясь в своей чистоте и умалении самости, своего Я, приближается к Богу так, как график гиперболы приближается к восходящей оси ординат.



Как мы знаем, график гиперболы приближается к оси ординат бесконечно, но никогда не касается и не пересекает ее; всегда остается стремящийся к нулю зазор. В духовном плане эта проблема решается таким образом, что человек восходит от тьмы греха к свету, и чем выше он поднимается, тем ярче сияет тот свет, который в итоге ослепляет и застилает наличие какой-либо дистанции между Богом и человеком. Это и есть, метафорически, обожение по Благодати, *но не по существу*.

Язычники-традиционалисты могут выдвинуть несколько тезисов в связи с этой ситуацией:

- Если человек своей праведностью и подвижничеством возвышается (спасается) и на него снисходит благодать

обожения, то почему он не может стать Богом по существу? Сродни тому, как греческий ум озарялся экстазом Единого или ум индийского йогина постигал атмана как Брахмана. Ответ лежит на поверхности: тогда Бог перестал бы быть единственным, и их стало бы как минимум двое. Но многобожие, или «грех придания Богу сотова-рищей» в исламе, недопустимо для авраамизма.

[В таком случае дуга графика перестала бы стремиться к оси ординат и выпрямилась, образовав параллельную вторую ось.]

- Почему Бог (Яхве/Элохим/Аллах) не может даровать обожение по существу в виде слияния адепта со своим естеством? Если Бог не допускает рядом с собой другого Бога, почему он тогда не принимает в лоно своей Божественности другого, как Целое принимает в себя часть?

[В таком случае дуга графика слилась бы с осью ординат и продолжила строго вертикальное движение, не пересекая ось.]

Обратимся к тому, как учит другой неоплатоник-христианин, Майстер Экхарт: «Если бы я преобразился в Боге, и Он сделал меня единым с собой, тогда, раз я в Боге живу, не было бы различий между нами... Некоторые люди воображают, что они смогут увидеть Бога — увидеть Бога, будто Он стоит там, а они здесь, но это не так. Бог и я — мы Одно. Познавая Бога, я принимаю Его в себя. Любя Бога, я проникаю в Него»¹⁹.

Здесь рейнский мистик, который тоже излагает учение о духовной аскезе и восхождении к Богу, в своих выводах оказывается более последовательным неоплатоником. В учении Экхарта и Таулера есть конечная точка слияния и спокойствия.

В такой картине мира обнаруживается то самое де-факто непреодолимое эпохэ, реальность существования которого засвечивается по мере восхождения подвижника. Но если эту картину «затемнить» метафизически, то откроется правда о несо-

¹⁹ См.: Meister Eckhart: a modern translation. N. Y.; London: Harper & Brothers Publishers. 1941.

причастности праведника Богу, вскрыется его отделенность и неспособность/нежелание авраамического Бога принять к себе кого-либо еще либо терпеть рядом с собой кого-либо еще; только стоять подле. Это «плод запретного древа», горькая правда, которую языческая мудрость открывает последователям авраамизма всех его версий. Наши Боги с нами и вокруг нас, а ваш Бог даже в самом близком приближении — всегда далек.

Забегая немного вперед, процитируем еще отрывок из «Столпа»: «Цепь преемственно следовавших философский престол умов Анаксагора, Сократа, Платона и Аристотеля близила к науке по мере постижения единобожия»²⁰.

Во-первых, ошибочно утверждение, что помыслы Сократа, Платона и Аристотеля были устремлены к единобожию. Они были детьми своего времени и народа, политеистами. Да, в философии Платона есть устремление к утверждению одной, высшей среди всех идеи — это идея Блага, но никак не Бог Авраама. Даже если говорить о последующем неоплатонизме, то и в нем множество Богов и даймонов не отрицается, но венчается обнаруженным Единым. О том, что Единое язычества и Единственный авраамизма — это две разные онтологические реальности, сказано достаточно, но в свете вышеизложенного примера отсюда вытекает следующее. Очевидно, что слияние человека с тем или иным конкретным Богом, которому он поклоняется, либо экстатическое опьянение Единым подразумевает собой монизм *arīōgī* — как высшую реальность для тех немногих подлинных философов, йогов, аскетов, монахов, которые посвящают свою жизнь Богам и священному. Без монизма нет подлинной хенологии, ибо не может быть единства там, где на всех уровнях подчеркивается онтологическое, сущностное различие Бога и твари.

Среди консервативной православной общественности иногда звучат тезисы о том, что Флоренский — это первый русский «традиционалист». Действительно, его эрудиция, ум и

²⁰ Флоренский П. Столп и утверждение истины... С. 283.

опора на эллинскую мудрость делают его подходящим кандидатом для этого. Одним из принципиальных моментов для традиционализма является негативная оценка эпохи Просвещения и Нового времени (парадигмы Модерна) в целом и научного позитивизма в частности.

О развитии наук Павел Флоренский пишет:

«В подтверждение того, что без монотеизма нет и науки, указывается пять разрядов фактов, а именно:

1) ни у одного народа не встречается развития знания при исповедании им многобожия;

2) в древней языческой Греции не было ничего подобного тому, что мы называем развитием знания; философские же идеи не производили воздействия на народ;

3) лишь только арабы приняли ислам, лишь только утвердился монотеизм, как овладело ими стремление к знанию и вскоре сделались просвещеннейшим народом тогдашнего мира;

4) рассеянные по всему лицу земли и претерпевая всевозможные бедствия и гонения, евреи однако ж везде и всегда обнаруживали стремление к знанию...;

5) что в Европе, где с введением христианства утвердился монотеизм, — началось умственное движение...»²¹.

Для любого человека очевидна ангажированность, а мстами и откровенная ложь высказываний, которые приводит священник Флоренский.

К тому историческому моменту, когда произошли библейские события и религия христианства окончательно оформилась в своей догматике, в мире успели возникнуть и погибнуть несколько «высокоразвитых» по тем временам цивилизаций, включая и Римскую Империю, современником крушения которой было христианство.

Философия возникла задолго до становления креационизма, и споры философских школ приковывали к себе большое внимание жителей полисов и Римской Империи. В них участвовали или их организовывали знатные горожане и аристократия, о чем сообщают диалоги Сократа и Платона. Выдающийся пра-

²¹ Флоренский П. Столп и утверждение истины... С. 283.

витель Марк Аврелий был философом, не говоря уже про императора Юлиана Верного.

Также не приходится много говорить и про становление прикладных ремесел, архитектуры, инженерных знаний, астрономии и т. д. Здесь нечего доказывать, история говорит сама за себя.

Все указывает и на ошибочность финального пятого тезиса. С приходом христианства в известной мере произошел цивилизационный откат по сравнению со временами расцвета Римской Империи. Лишь много позже прикладные науки вновь начали развиваться, выходя из-под догматического давления.

Справедливости ради стоит заметить, что мифологема о «мрачном Средневековье» не затрагивает областей философии и теологии, в это время движение мысли действительно не прекращалось. Вопрос же оценки этого мыслительного движения ставить не совсем корректно.

В этой главе Флоренский раскрывается как апологет деизма и прогрессизма Нового времени. Он приветствует рост наук, связывая его с монотеизмом. Действительно, влияние христианства на становление Модерна, в том числе и в сфере наук, широко известно²².

Язычество утверждает, что мир движется от Золотого века к Железному, от лучшего состояния космоса к худшему, к разладу и хаосу. Поэтому движение времени оценивается как ухудшение, как наступление Рагнарека или иного Конца. Только креационистские религии видят будущее, несмотря на пертурбации апостасии, в позитивном свете ожидания. Наше мышление времени циклично, от расцвета к увяданию, их — линейно, к позитивному будущему.

Приветствуя развитие наук, Флоренский по факту под видом «прогресса» приветствует то, что язычники считают «деградацией». И если мы обернемся назад, то увидим, как становление строгой научной картины мира в действительности обернулось истреблением всего Сакрального из мироздания. Жерт-

²² См.: Дугин А. Г. Постфилософия. 2009; Йейтс Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция. 2018; Svarte Askr. Polemos: Языческий традиционализм. 2016.

вой воспеваемой Флоренским науки оказалось и христианство в том числе, промежуточная форма деизма (де-факто ересь с точки зрения ортодоксии) не удержала напора последних людей от прыжка в бездну материи. Мир стал «расколдованным», по меткому выражению Макса Вебера.

Далее Флоренский вновь противоречит себе: «Я знаю, ты спросишь меня: “Но почему первохристиане сами не создали науки?” Потому, что им было не до того, как и вообще, вероятно, не до науки христианину, всецело отдавшемуся подвигу, хотя только он обладает нужными для истинной науки задатками. А в дальнейшем этому развитию христианской науки мешали чисто исторические причины, — те самые, которые вообще, при всяких верованиях, не давали развиваться науке»²³.

Сначала остановимся на этом фрагменте: «...хотя только он обладает нужными для истинной науки задатками». Что, с нашей точки зрения, действительно делает христианина более открытым для разного рода наук?

На уровне гносеологии на это указывает то, что христианские предания предельно историчны, они опираются и засчитывают себе в плюс максимальную реальную историчность библейских событий. Иными словами, христианство и иные авраамические религии максимально материалистичны, они нуждаются в материальном и историческом обосновании своей истории и чудес. Там, где язычник открыт чуду, для христианина важно его задокументировать, подтвердить. Это свойство «глиняного горшка» их мировоззрения, вытекающее из креационизма. Позднее, с наступлением Просвещения, Нового времени и утратой веры в Бога, этот принцип найдет свое выражение в научной картине мира, где все должно быть подкреплено опытом и материально (эмпирически и позитивистски) достоверно²⁴.

В завершение мы хотим развесить над словами Павла Флоренского несколько вопросов, которые не требуют обязательного ответа, но самим фактом постановки воплощают противоречивость и возражение его позиции:

²³ Флоренский П. Столп и утверждение истины... С. 284.

²⁴ См.: Svarte Askr. Полемика язычества и христианства: вопрос боговоплощения // Warha #5. 2018.

- Две последние цитаты противоречат друг другу. Флоренский то связывает науки с монотеизмом, то признает, что первохристиане не создали никаких наук и христианам вообще нет до этого дела.
- «Развитию христианской науки мешали чисто исторические причины, те самые, которые вообще, при всяких верованиях, не давали развиваться науке». То есть развитие наук все же не связано ни с язычеством, ни с монотеизмом, но с негативными условиями времени. Так с чем же в итоге?
- В этой же цитате важнейшее: «...не до науки христианину, всецело отдавшемуся подвигу». Но Флоренский — апологет науки и вменяет покровительство наук монотеизму как благо. Из этого следует, что сам Флоренский и иные христианские или исламские ученые не отделились духовному подвигу всецело либо оказались и вовсе ему чужды.

Из вышесказанного можно протянуть благородную руку помощи нашим оппонентам от креационизма. Ваша подлинная духовность воплощается в образе и идеале раннего христианства (период общины и катакомб), но как только раннюю Церковь наводняют толпы простолюдинов, происходит отказ от всецелого посвящения себя подвигу, начинается «воля к власти» и «воля к знанию», т. е. апостасия — отпадение от учения. Поэтому более-менее аутентичное христианство, которое более миролюбиво и способно к мирному сосуществованию, возможно в монашеской жизни, в монастырях и аскетическом подвижничестве, а не в сферах наук или политики. Тот христианин, кто «всецело отдался подвигу», будет более понятен язычнику, чем властный клирик, и точно так же такой подвижник будет ближе к Богу и спасению — главной задаче верующего.

Заключение

Мы затронули лишь малую часть богословского и философского наследия Павла Флоренского. Действительно, в его трудах собраны и затронуты разнообразные темы, которые при-

влекают многих столь разных по своим взглядам людей. Мы специально не стали углубляться в нюансы православного вероучения, потому что уже до нас существовала и критика Флоренского со стороны православных, и его апология. Мы также обошли стороной обширные экскурсы в языческую теологию и языческий традиционализм, с позиции которого мы провели наш анализ и составили критические комментарии. Для подробного ознакомления и расширения понимания нашей теологии мы рекомендуем тщательно проштудировать литературу, указанную в сносках по тексту.

Фактически же мы увидели, что в тексте борются с собой три естества одной личности: Флоренский-верующий спорит с Флоренским-ученым, математиком, опираясь в своей теологии на Флоренского-неоплатоника, язычника. Все это порой порождает клубок противоречий, облаченный в искусный и дружеский к читателю слог. По факту, конечно же, нельзя признать Флоренского и традиционалистом из-за явной апологии деизма и прогресса. Как мы замечали выше, сложись его духовный путь иначе, Россия времен Серебряного века обогатилась бы выдающимся мистиком, возможно, литератором или свободным мыслителем.

Askr Svarte

Askr Svarte:

Комментарий к лекции Г. Н. Базлова «О языческой и христианской фольклорной архаике»

(продолжение цикла «Полемика язычества и христианства», начатого в альманахе Warha #5)

Лекция Г. Н. Базлова²⁵ де-факто ставит нас перед двумя взаимосвязанными вопросами: возможно ли существование (сохранение, передача) языческой традиции в формате фольклора и двоеверия и как именно это возможно? Базлов утверждает, что это невозможно, а двоеверие — это лишь формы неканонического православия. Поскольку лекция Базлова насыщена неточностями и тяготеет к формату проповеди, мы не станем разбирать ее детально всю, но, практически в духе Архимеда, сосредоточимся на небольшом фрагменте, взяв его как точку опоры.

Лектор специально разделяет понятия «миф» и «религия», подчеркивая что «миф — это не древняя религия»²⁶. В этом он ссылается на определение А. Ф. Лосева, и на этом мы остановимся подробнее чуть ниже, предварительно прояснив роль термина «религия» в контексте лекции и нашего комментария.

Латинское слово *religare* означает — и тут созвучны позиции блаженного Августина, Лактанция и Цицерона — «связывать, соединять, собирать, восстанавливать связь между частями». Многие язычники, подчас справедливо, скептически относятся к тому, чтобы называть язычество одной из религий. Базлов не делает акцентов на этом слове, так что мы считаем себя вправе заключить, что, говоря о «религии» в этом случае, мы имеем в виду общеупотребительный, конвенциональный термин, означающий сложную систему верований в сверхъестественное (Богов или Бога), воплощенную в том числе в ритуальных практи-

²⁵ Лекция в рамках всероссийского семинара «Методика работы с фольклорно-этнографическим материалом», организованная Центром русского фольклора Государственного российского дома народного творчества им. В. Д. Поленова (9–10 февраля 2019 г.).

²⁶ Комментарии даны по аудиозаписи проповеди. К сожалению, на момент выхода альманаха запись и/или расшифровка еще не были опубликованы.

ках, обрядах, культуре народа и т. д. В таком случае язычество — это, формально и в рамках правового поля в том числе, действительно одна из форм религиозной идентичности на протяжении истории.

Отсылая к книге А. Ф. Лосева «Философия. Мифология. Культура»²⁷, Базлов определяет, что «миф — это личная история».

Во-первых, тема мифа и мифологии (преимущественно античной) является одной из ключевых для всего творчества Лосева, и в своих разных трудах он дает целый всер определенный мифа. Как замечает А. В. Метелев, для Лосева важна критика «новоевропейского рационализма и эмпиризма»²⁸. Научной картине мира Лосев как бы противопоставляет античное понимание мира через миф.

Вот, что он пишет: «Миф есть для мифологического сознания наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей степени напряженная реальность. Это совершенно необходимая категория мысли и жизни»²⁹.

И далее: «Миф есть логическая, т. е. прежде всего диалектическая, необходимая категория сознания и бытия вообще. Миф — не идеальное понятие, и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь»³⁰.

Таким образом, Лосев воспроизводит определение мифа как некоей всеобщей и тотально доминирующей реальности древнего человека. Это созвучно идее классика религиоведения М. Элиаде, который считал, что представление о сакральном является структурным компонентом человеческого сознания, а не культурным творчеством (надстройкой в марксизме)³¹. Миф

²⁷ См.: Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Мысль, 1991.

²⁸ См.: Метелев А. В. Концепция мифа А. Ф. Лосева как теоретико-методологическая основа мифологизации в процессе формирования и развития туристской дестинации // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. 2015. № 4 (2).

²⁹ См.: Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура... С. 24.

³⁰ См.: Там же. С. 27.

³¹ См.: Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Инвест-ППП, 1995; Он же. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994.

не символизирует собой что-то, но сам есть непосредственно ощущаемая действительность³².

Во-вторых, что такое «личное» в той фразе, которую упоминает Базлов? Очевидно, речь идет про одно из десятков определений мифа, которые приводит Лосев, указывая на то, что миф, в отличие от чистейшей и абстрактной догматики, носит исторический характер.

Полностью фраза звучит так: «Миф же — историзация и просто история того или другого личного бытия, вне значимости его как бытия абсолютного и даже вне его субстанциальности»³³.

Здесь важно понять, что тезис «миф — это личная история» не означает, что некоторая персона творит мифологию вокруг себя, в духе мистификаторов и нуворишей XIX–XX вв. Немецкий философ Ф. Г. Юнгер определяет мифологические сюжеты как метаисторические события, которые разворачиваются в истории в разных декорациях и эпохах. Не столько циклически (одно сменяет другое), сколько именно мета, «над»: история есть пространство воплощения мифа в целом³⁴. Таким образом, феноменальная реальность и бытие конкретного человека — это пространства раскрытия и развертывания мифологического сюжета. Миф выступает как парадигма истории, и Лосев подчеркивает это через слова «миф же — историзация и просто история...». Навстречу этому движется тезис, что миф как тотальная реальность [или: понимание мифа как такой реальности] открыт только мифологический личности, мифологическому субъекту³⁵. Миф предшествует религии, как семя — дереву³⁶.

Греческое слово *μῦθος* означает «сказывание, рассказ, предание, речение». Индоевропейские народы — преимущественно носители устной культуры передачи своей традиции, откуда в англоязычной академической науке такие понятия, как

³² См.: Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. С. 345.

³³ См.: Там же. С. 100.

³⁴ См.: Юнгер Ф. Г. Греческие мифы. М: Владимир Даль, 2006. По Юнгеру, например, одним из перманентных метаисторических мифов является война Богов и чудовищ.

³⁵ См.: Метелев А. В. Концепция мифа А. Ф. Лосева... С. 3.

³⁶ Или, используя язык неоплатонизма, как Единое и манифестация.

oral tradition и oral lore (=folk lore). Устное предание по преимуществу поэтично: эпосы, легенды, песни, заговоры, ритуальная поэзия для инвокаций, присказки и т. д., и т. п. Ergo, для индоевропейских обществ миф — это и есть вера или религия в том общепотребительном смысле, который мы обозначили выше. Да, организация и устройство языческой религии отличаются от централизованного иерархизма и догматизма (язычество вообще гетеродоксально³⁷) римско-католической или православной церквей, но последние и не являются универсальным общечеловеческим лекалом и мерилom для организации или оценки качества всех остальных религий в мире. Языческие «религии» мыслятся мифологическими в силу их органического архаического единства, пока еще не требующего religare.

Устная традиция составляет подавляющий пласт того, чем является фольклор. Христианизация европейских народов никогда не происходила одномоментно, как бы «по щелчку», как это пытается представить Базлов, а растягивалась на многие века и даже тысячелетия. Легче всего усваивались внешние формы демонстрации лояльности властям, которые насаждали новую веру. Тем более, что простой ежедневный крестьянский быт меняется очень медленно и инертно, что не способствует реформам, а наоборот, создает все условия для консервации языческого наследия «в подполе».

В работе «Образ мира в тексте и ритуале» Светлана Толстая указывает: «Важно подчеркнуть, что язычество может пониматься не только как историческая стадия мировоззрения древних славян (праславян) в период до принятия ими христианства, но и как типологически особая культурная модель, чьи формы, механизмы и семантические категории продолжали существовать и после принятия христианства (а многие из них дожили до настоящего времени). Главные черты язычества как мировоззрения — одухотворение природы (аниматизм и анимизм), культ предков и сверхъестественных сил, убеждение в их постоянном присутствии и участии в жизни людей, развитая низшая мифология, вера в возможность воздействия на положе-

³⁷ Де-факто Лосев, когда критикует догматизм с позиции апологии мифа, воспроизводит языческие по сути структуры.

ние вещей в мире средствами примитивной магии, антропоцентризм. Эти главные черты язычества в той или иной мере сохраняют все жанры и формы традиционной духовной культуры славянских народов. Именно этому общему праславянскому языческому наследию (и далее — индоевропейской языковой и культурной традиции) славянская духовная культура прежде всего обязана своим единством»³⁸.

Чтобы не останавливаться на фактологии подробно — вопросу о двоеверии в народной культуре и в христианском богословии³⁹ посвящены многие тома трудов⁴⁰.

Американский философ и крупнейший специалист по азиатским культурам Ананда Кумарасвами, исследуя первобытное мышление, делает важнейшее для нас заключение: «Пока фольклорный материал передается, он способен стать основой, на которой может быть сделана надстройка полноценного инициатического понимания»⁴¹. Проникновение же новой религии в глубинные слои народного мышления остается спорным. И здесь мы подходим к важному и самому интересному. Связь между языком и восприятием мира (шире — и с мышлением) давно замечена и стоит в центре внимания антропологов. Язычество, помимо своей этимологической связи *іа́зыкъ* — народ, фонетически и лексически подсвечивает и роль «языка», а в контексте фольклора и теории о связи языка и мышления, эта роль становится краеугольной. Мы можем сделать следующий шаг, сказав, что язычество — это не только религия как социальный институт, но это еще и язык. Французский историк и философ Ален де Бенуа, а также американский философ Коллин Клири идут дальше, утверждая, что язычество — это иная эпистема и гносеология, иные конфигурация и алгоритмы мышления⁴².

³⁸ Толстая С. Образ мира в тексте и ритуале. 2015. С. 30.

³⁹ См.: Нечкасов Е. *Polemos: Языческий традиционализм*. 2016.

⁴⁰ См., например: Введение христианства на Руси. М.: Мысль, 1987; Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси: в 2 т.; Носова Г. Язычество в православии. 1975.

⁴¹ См.: Кумарасвами А. «Восток и Запад» Беловодье, 2015, С. 84.

⁴² См.: Бенуа А. де. Как можно быть язычником. М.: Русская Правда, 2013; Клири К. Взывая к Богам. Тотенбург. 2017.

Здесь мы подходим к тому, на чем Базлов предпочитает не останавливаться подробно, потому что это нивелирует всю ценность и логику его тезисов, а именно: для язычества важно не только *что именно говорится* (упоминание имен Богов и духов), но и то, *как именно это говорится*. Под «как именно» мы подразумеваем именно язык и его структуру, язык как «операционную систему» языческого мышления.

Русский лингвист В. Колесов в своих трудах особенно подчеркивает, что базовый строй русского языка на протяжении истории несколько раз менялся (от эквиолентности через градуальность к привативности), вследствие чего менялось и мышление народа (не разово, а в протяженности). Языческое мышление Колесов отождествляет с эквиолентным (равноважным) строем языка, который он определяет как мышление через подобия и тождества.

«Самый простой способ идентификации вещи, попавшей в поле нашего зрения, — сравнить ее с другой вещью того же рода.

Таково “языческое” понимание классификации вещного мира путем попарного сравнения “тел” общего основания. Мужчина и женщина — совместно “человек”, верх и низ — совместно это пространство и простор и т. д. <...>

Древнерусская эпоха времен христианизации и долго после того, почти до XIV в., — это время господства эквиолентной оппозиции, обусловившей многие особенности нашей истории и культуры. <...>

Свет и тьма противопоставлены друг другу и воспринимались как равнозначные, одинаково существующие, не сводимые друг к другу сущности. Они объяснялись одно через другое»⁴³.

И далее о двух других режимах мышления:

«Градуальность вводила в рассмотрение идеи (представления) о вещах, а представить можно вполне фантастические предметы, лица и всякую тварь вообще в бесконечности ее проявлений.

⁴³ См.: Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мудрость слова. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 195.

Привативность же служит не образу и символу, но понятию как наиболее строгому и в научном отношении точному содержанию словесного знака».

Исследования В. Колесова доказывают, что несмотря на внешнюю христианизацию (уровень «что говорится») глубинный строй языка (уровень «как говорится») остается неизменным еще на несколько веков, да и потом не исчезает, а трансформируется в сторону восприятия платонических эйдосов (становится сначала теолого-философским, а уже потом строго научным). Именно поэтому язычество вполне успешно и долго живет в народе, особенно в крестьянской среде. Неудивительно, что игнорируя такую тему, как «язык и мышление», Базлов неосознанно проговаривается, что «люди как поняли — так и стали христианами». То есть они приняли христианство не таким, *какое оно есть в своей сути*, но поняли его именно как язычники. Аналогичный пример приводит А. Гуревич, когда описывает процесс христианизации Скандинавии. Согласно ученому, военные успехи принявших Христа конунгов демонстрировали нормативный для воинственных северян образ успешного вождя и щедрого Бога. Поэтому люди, преимущественно свободные мужчины с оружием, принимали крещение не в силу впечатлений от христианской морали, а потому что «новый» (один из многих) Бог был щедр на победы⁴⁴.

Иными словами, славяне *поняли христианство язычески*, и перемена внешних форм («что») не затронула саму глубинную сущность («как») культуры. Не затронула и быт. И это принципиально важный момент. Кумарасвами говорит, что передача фольклора — это достаточное основание для аутентичной реставрации. Мы же, будучи полностью с ним согласны, уточняем, что главный акцент здесь — на языке и мышлении. Доступ к языческому (=мифологическому или мифоцентристскому) мышлению открывает возможность реставрации чего угодно вообще. Фольклор может одновременно быть и окном в это мышление, и материалом для дальнейшей реставрации язычества как такового. Градуальный режим мышления, более

⁴⁴ См.: Гуревич А. Я. Эдда и сага. М.: Наука, 1979.

свойственный образованным слоям, язычники также могут развернуть навстречу мифу и использовать в союзнических целях.

Немного далее, рассуждая о «народном православии» и адаптации славянских языческих праздников под христианский календарь и обряды, Базлов останавливается на том факте, что в различных магических заговорах всегда упоминаются Иисус Христос, апостолы и святые. «Но как они описаны?» — задается вопросом лектор и отвечает, что «неканонично». Бог Отец, или Иисус, или Николай Чудотворец сидит на камне и железным посохом прогоняет духов болезней и т. д. То есть, *как говорит сам Григорий Базлов: «...сам язык, сам орнамент этой молитвы не из христианского канона, он уходит туда [в язычество]».*

Отталкиваясь от всего вышесказанного — комментария, безусловно, краткого и не затрагивающего важнейшие проблемы богословского двоеверия⁴⁵, — и беря в расчет признание самого Г. Н. Базлова, напротив тех вопросов, которые мы вынесли в самое начало статьи и которые очень давно обсуждаются в языческих кругах, мы можем с полным правом поставить два других:

1. Сколько вообще подлинно православного в русской устной и материальной фольклорной культуре?
2. Сколько вообще подлинно христианского в русском православии?

Askar Svarte

⁴⁵ См.: Нечкасов Е. Polemos: Языческий традиционализм. 2016; Svarte Askar. Приближение и окружение. 2017.

Askr Svarte:

Против техники и капитала

Сегодня мы поговорим о критике глобальной капиталистической системы с точки зрения экономико-политических и философских учений, которые ставят под вопрос ценность научно-технического прогресса и урбанистического развития цивилизации.

Факт, что своим бурным развитием и триумфальным шествием капитализм обязан промышленной революции XVIII–XIX вв. Она обеспечила окончательный и качественный переход от ремесленно-цехового труда к мануфактурам и заводам. Вехой и символом технического обеспечения капитализма, а также отчасти и его формулой в эпоху Модерна становится конвейер, внедренный промышленником Генри Фордом (1863–1947). Конвейер удешевил, ускорил и расширил ассортимент производимых товаров. Форд же ввел кредитование своих же рабочих, чтобы они могли покупать его автомобили, тем самым стимулируя рост потребления.

Критики капитализма жестко связывают его успех и распространение с техникой — от индустриальных станков и новой логистики до виртуальных бирж и потребления знаков, о чем писал французский философ Жан Бодрийяр (1929–2007). Чтобы понять суть критики и аргументов в данном случае, нам надо сделать краткий экскурс из экономики в поле право-консервативной мысли XX в.

Согласно основным положениям философии традиционализма Юлиуса Эволы (1898–1974), современный мир в том виде, который он приобрел в нашу эпоху, есть переворачивание с ног на голову и вырождение традиционных высших ценностей, образа жизни и устройства мира. Мир движется к упадку, а значит, то, что мы наблюдаем сегодня в виде симбиоза капитализма и технологического рывка, — это форма упадка, восстания низших сословий и утверждения их социально-экономического уклада. Для Эволы это были сословия буржуа и пролетариев, лишённые священного, чей горизонт мышления ограничен при-

былью и трудом. В этом он созвучен с известной позицией Вернера Зомбарта (1863–1941).

В своем фундаментальном анализе мировых культур немецкий философ Освальд Шпенглер (1880–1936) пришел к заключению, что живой дух и культура народа погибают, когда доходят до стадии цивилизации. Согласно историку, метафизика является высшей стадией культуры и расцветом начальной мифо-символической (архаической) стадии. С усложнением и переходом на уровень цивилизации, связанный с архетипом Фауста-инженера, культура начинает костенеть, превращаясь в статичные стерильные формы механики (инерционное остывающее движение). После стадии цивилизации культуру и народ ждут смерть и исчезновение с исторической арены.

Один из идеологов движения «консервативной революции» Фридрих Георг Юнгер (1899–1971), изучая тему техники, сближал ее сущность с духом титанов из греческой мифологии. Однажды он заметил касательно атмосферы индустриального завода и пейзажа, что техника — это одежда титанов, в звуках станков они находят покой, и он им приятен. В своей книге «Греческие мифы» Ф. Г. Юнгер наглядно показывает, что титаны — это принципиальные враги Богов и вся их сущность заключается в борьбе против сакрального порядка. Согласно автору, борьба Богов с титанами, к которым примыкает и архетип Фауста, — титаномахия — это конфликт, который является нервом всей истории человечества.

С Фридрихом Георгом соглашается и его старший брат, великий немецкий писатель и философ Эрнст Юнгер (1895–1998). В своих поздних трудах, в частности в книге «Уйти в лес», он описывает XX в. как постепенный захват человека в заложники техникой. Яркий пример — венец инженерной мысли, корабль «Титаник». Пока он на ходу, люди на палубах и в каютах мирно путешествуют через стихию океана и наслаждаются видами. Но как только корабль начинает тонуть, все пассажиры оказываются заложниками той силы, которой они верили свои жизни. Иными словами, техника обволакивает жизнь человека через потребительский комфорт и доступность ее продуктов, одновременно жестко привязывая общественное и ин-

дивидуальное благополучие народа к своему функционированию и развитию.

Это подводит нас к центральному философскому аргументу критиков технического прогресса — к проблеме влияния техники, а значит, и питающего ее капитализма, на фундаментальные основания человеческого бытия.

Этим вопросом вплотную занимался Мартин Хайдеггер (1889–1976). Согласно Хайдеггеру, сущность техники с течением истории радикально меняется. Техника, от греческого слова τέχνη, в своей изначальной сути близка к поэзии и творческому ремеслу. Это мир индивидуальных вещей и искусства, радикально отличный от потребительского конвейера продуктов. Но в современности техника от ее изначальной сути перерождается в свою извращенную пародию, в Gestell или Постав. Gestell — это чистая стихия механической и потребительской власти техники над человеком, народом и природой. Для нашей темы здесь самое важное следствие заключается в том, что происходит перемена взгляда человека на мир. Там, где человек раньше видел природу, ее красоту, романтику и священный символизм (отражение окружающей среды в культуре народа), теперь он начинает видеть источники ресурсов и сырье для товаров. Там, где раньше были мир и космос, теперь лежит объект для эксплуатации.

Широко известен пример, который приводит Хайдеггер для иллюстрации этой метаморфозы. Одна из главнейших рек Германии — воспетый в легендах Рейн, за который с германцами сражались кельты, римляне и позднее французы. Рейн, воспетый в гимнах Гельдерлина, одного из важнейших поэтов для Хайдеггера. И вот, как замечает последний, по течению реки человек сооружает гидроэлектростанцию, которая изменяет не только пейзаж, но и сущность реки. Теперь это не Рейн из «Песни о Нибелунгах», не окропленная кровью граница между германцами и кельтами/французами на западе, но придаток электростанции. Сооружение встраивает реку в себя и преобразует ее, теперь Рейн — это движитель, элемент инженерной конструкции, ему вменяется течь и вращать турбины, теперь это его «работа». Возведение гидроэлектростанции делает Рейн встроенным в ее конструкцию, превращает его из легенды в рабочего. Антитезой станции является пример моста, который соединяет

берега, «венчает» реку, но не приводит к такой негативной метаморфозе.

Пример с Рейном можно расширить на всю природу, частью которой является и человек, который в ней обитает. Земля есть кладовая полезных ископаемых, которые необходимо извлекать и использовать; реки, ветер, приливы морей и океанов должны совершать полезную работу по добыче энергии; леса — поставлять материалы, животный и растительный миры — пищу; если же земля не богата чем-либо, то она всегда может использоваться (=должна предоставить) как пространство для складов, логистики и отходов. Даже человек и народы оцениваются и ранжируются согласно экономическим показателям, «лошадиной мощностью» труда, ценами и наборами услуг.

Еще одно следствие и критический аргумент против капиталистической транснациональной экспансии и глобального распределения сфер труда — это внедрение единых стандартов, параметров, алгоритмов и ритмов производства и логистики. Иными словами, симбиоз капитализма и техники является двигателем глобализации и унификации культур и ценностей. Различия между народами, самобытность их традиций, ценностей, эстетики, культуры, языка и т. д. уничтожаются или деформируются в пользу единой постбуржуазной матрицы, ценностей, единого стекляннно-бетонного стиля мегаполисов, стандартов сервиса и услуг, наборов меню или стандартов производства ISO. Это справедливо не только для стран, которые стали жертвами колониальной экспансии, но и для самой Европы: унификация стандартов и революция стилей оставили глубокое и разрастающееся пятно в культуре, эстетике и ценностях Старого Света.

Наконец, переход от критической антипрогрессистской теории к экономическим реалиям XX–XXI вв. совершает французский идеолог «новых правых» Ален де Бенуа (р. 1943) в своем трактате «Вперед, к прекращению роста!». В нем он накрепко связывает чрезмерное производство и эксплуатацию природных ресурсов с гиперпотреблением товаров населением. Для него это процессы, которые замкнуты сами на себя: одно стимулирует другое, стремясь стать монотонным нарастающим процессом. Мы часто встречаем такие процессы и функции как иллюстрации роста показателей на графиках. Монотонный про-

цесс является идеалистическим выражением прогрессистских стремлений: постоянный, устойчивый, неограниченный и необратимый рост и экспансия.

Исследователь монотонных процессов Грегори Бейтсон (1904–1980) указывает, что в реальной жизни монотонные процессы смертоносны и приводят к гибели жизненных систем и механизмов. Например, постоянное наращивание давления пара в котле паровоза приведет к разбалансировке механизмов и взрыву; нарастающая частота вибрации элементов в конструкциях приведет к разрушительному резонансу. Поэтому капиталистической системе нужны «клапаны сброса пара» — циклические экономические кризисы, войны и планетарная экспансия — для сброса излишков продукции на новые рынки и иные народы, которые должны стать новыми потребителями.

Продолжая эту линию, Ален де Бенуа с опорой на релевантные статистические данные по XX в., указывает, что нарастающее потребление и эксплуатация ресурсов планеты ведут к неизбежному и необратимому не только экологическому, но, как следствие, и социально-политическому кризису. Проблема заключается не только в том, что планета имеет свои границы и конечный объем ресурсов и еще не захваченных рынков, но и в том, что маховик производства и прогресса по своей сущности не знает остановки и замедления. Это тут же ведет к кризису. Согласно расчетам, которые приводит Ален де Бенуа, для того чтобы поддерживать текущий рост потребления в пересчете на прогнозируемый рост населения Земли и потребления в развивающихся странах, промышленности потребуется еще семь таких планет, как Земля, только для выкачивания из них всех ресурсов.

Наиболее последовательным критиком современной потребительской цивилизации, акцентирующим проблему потребления и уничтожения экологии, является финский мыслитель Каарло Пентти Линкола (р. 1932). Один из важнейших пунктов его критики — чрезмерный рост населения планеты. К этому добавляется еще одна проблема, которую де Бенуа определяет как изменение сознания людей. Для него снижение эксплуатации природных ресурсов и снижение потребления — это политическая программа. Но он справедливо замечает, что как толь-

ко любой политик у власти озвучит эти тезисы, его тут же сметет либо другое государство, либо само население.

И это принципиально важно. Если вспомнить проблему Севера и Юга, более известную как проблему разрыва между доходами и потреблением развитых стран Севера и развивающихся/бедных стран Юга, то помимо самого экономического дисбаланса есть неявный нюанс. Он заключается в том, что бедное население Юга, при всем своем катастрофическом положении, все равно хочет получать доход и потреблять так и в таком же объеме, как это делает богатый Север. То есть у условных «низов» нет никакой фундаментальной критики и протеста против сложившегося статус-кво, против глобальной Системы. (За исключением радикальных исламистов, но и то там скорее речь идет о коррекции товаров и объемов потребления, а не об отказе как таковом.) Идеология потребления проникла так глубоко в человеческое сознание, что постановка его под вопрос сама по себе вызывает отторжение не только у богатых, но и у среднего и низшего классов.

Ситуацию никак не спасает и обозначенный Жаном Бодрийяром переход к потреблению виртуальных знаков: товарных марок, брендов, рекламной мифологии, маркетинговых трюков и символов статусного потребления. Так как покупка бренда А, вместо бренда В не отменяет того факта, что торговые марки в конечном счете проставлены на все тех же реальных предметах, пусть они визуальны и функционально практически не отличаются друг от друга.

Широкий набор теорий и практик, которые активно противостоят названным тенденциям, принято объединять под зонтичным термином «примитивизм». Но этот термин объективно неудачен, так как в нашем обыденном мышлении все, что маркируется словом «примитивный», носит отрицательный характер по сравнению со словом «прогрессивный», которое мы ошибочно, в рамках мышления Модерна, отождествляем с понятиями «лучший» и «совершенный».

Русскому писателю и философу Льву Толстому (1828–1910) принадлежит более удачный термин «опрошение», которому частично созвучно американское понятие *plain people* — скромные люди. Но в целом, можно просто говорить о критиче-

ской и альтернативной теориях, позициях и практиках, выступающих против симбиоза капитала и техники.

Здесь существуют две линии:

1. Левый примитивизм, или анархо-примитивизм, который в совокупности объединяет левые утопические идеи об абсолютном равенстве, отсутствии собственности, государства, насилия и эксплуатации не только людей, но и животных, растений и т. д. Постулируется полная толерантность примитивистских коммун. В дополнение к этому декларируется максимальный отказ от цивилизации как таковой вплоть до утверждений американского антрополога Джона Зерзана (р. 1943) о том, что человеку следует отказаться от символической культуры языка и письма и соответствующего «мессианства», вернувшись в лоно природы как одна из развитых популяций животных. В чем-то позиция левых примитивистов близка доведенному до крайности образу «благородного дикаря» Жан-Жака Руссо (1712–1778).

2. Правый примитивизм ставит во главу угла реставрацию священного и аутентичности образа жизни, которые были утрачены в ходе исторической деградации. Не отрицается сословная иерархия обществ, наличие оружия, собственности (как частной, так и общинной) и государственности; постулируются классические аристократические ценности. Идеалами выступают общества и уровень развития Античности, Средневековья или кочевые общества Турана. В Америке также популярен образ времен Фронтiera — эпохи покорения новых земель в центре континента.

Но несмотря на ретроспективный взгляд правые критики прогресса признают невозможность романтического возврата в прошлое. Ключевой точкой здесь является отказ от текущего статус-кво, от современной дегенерации, обеспеченной глобальными финансами и механизмами отчуждения. Это путь к свободе, в том числе к свободе от обволакивающего комфорта. Лучше жить труднее и «беднее», чем существовать, не имея подлинной Жизни и идеалов.

Общим пунктом является призыв к деурбанизации, устранению крупных мегаполисов и городов. Города — это места концентрации такой массы людей, которую становится невозможно прокормить и обеспечить, используя близлежащие поля,

пашни и леса. Город способствует развитию торгашества и кредитных отношений. Ergo, город — это *arriori* место развития и укоренения буржуазии и будущего пролетариата, т. е. тех типов, которые являются выпадением и вырождением из базовой сословной структуры индоевропейских обществ.

Экономической базой таких обществ являются аграрные и пермакультуры, скотоводство и охота. Последние больше свойственны правым, в то время как левые примитивисты, следуя за принципом ненасилия, делают ставку на собирательство, плоть до фриганизма. Но это своего рода исторически сложившийся «стандарт», который существует и в рамках капиталистической системы, помноженный на конвейерные инновации на массовых птицефермах, скотобойнях или в виде выращиваемых ГМО-культур. То есть это вторжение негативной техники в сферу натурального хозяйства, когда без автоматических поилок, кормилок, доилок или высокотехнологичных кормов и удобрений эти животные и растительные культуры просто умирают или не развиваются должным образом (вспомним образ заложников на «Титанике» Э. Юнгера).

Нас же больше всего интересуют те экономические отношения, ритуалы, правила и аргументы, к которым апеллируют и которые практикуют традиционалисты — сторонники опрощения, дабы избежать появления и укрепления капитала как такового.

Почему и куда деваются те излишки урожая, добычи, ремесла и товаров, которые в капиталистической системе становятся тем самым «капиталом», который можно вложить в банк, в бизнес, приумножить и снова пустить в дело?

Для этого нам необходимо обратиться к трем авторам XX в., которые исследовали культуры и экономические отношения архаических обществ: к социологу Марселю Моссу (1872–1950) и экономике дара; к социологу Жоржу Батаю (1897–1962) и экономике потлача и к антропологу Роберту Герцу (1881–1915) и экономике похорон. Все они изучали архаические общества на примере народов Океании и Полинезии, индейцах Северной и Южной Америки, и народах Азии. Но при этом, опираясь на историю и этнографию, указывали, что аналогичные практики были известны и у европейских народов и индоевропейцев в целом.

В известной работе «Эссе о даре» М. Мосс наглядно показывает сложнейшее устройство статусно-экономических отношений дарения у народов Полинезии. Он указывает, что накопление продуктов, добычи, ремесленных изделий и каких-то ценных товаров от торговли с колонистами происходит с одной важной целью: с тем чтобы в правильную дату и/или при встрече с флотом более знатного племени совершить массовый и безвозмездный акт раздаривания всего богатства или самых ценных вещей.

Среди народов Полинезии с периодичностью от года до двух происходят большие встречи племен, в ходе которых все накопленное богатство сложным образом дарится всем вокруг. Подарки распределяются согласно статусу тех, кому их дарят, и сложному регламенту ответных подарков тому, кто дарил первым. При этом условная «рыночная» ценность тех или иных вещей не зафиксирована и может варьироваться в реальном времени прямо в процессе предложения даров от рыбака к местному вождю, и наоборот. Случается так, что бедняки в ходе большого праздника получают сказочное богатство, а зажиточные соплеменники раздают свое имущество буквально без остатка. Но это перераспределение никогда не является окончательным, так как большие коллективы местных индейцев тщательно запоминают цепочку и статусную структуру: кто, кому и сколько подарил. Чтобы на следующем большом празднике даров произошла справедливая, но при этом такая же нарочито-чрезмерная ротация подарков. Богатство здесь нужно не для хранения капитала, а для того чтобы от него избавиться.

И здесь в дело вступают традиционные сакральные представления о подарках, которые равно распространены и среди древних индоевропейских народов. Мосс указывает, что полинезийцы знают, что каждый подарок, каждая вещь обладает особым духом, который связывает ее с местом рождения и предыдущим владельцем. Когда какой-то индеец получает в дар богатство, он получает в нагрузку еще и целую коллекцию духов вещей. И эти духи должны вернуться назад, к своему дарителю, по сложной родо-племенной, географической (некоторые духи могут путешествовать только на запад, другие только на восток) и статусной цепочке обратных подарков. Если дух вещи не «пересекает» на обратный подарок и не вернется домой, то он станет чинить не-

приятности и проявлять себя демонически. То есть условно приобретенный в подарок «капитал» несет на себе отпечаток темного демонизма вещей. Избавиться от большого количества продуктов и вещей означает отдать долги не только людям, но и духам, т. е. очиститься. Отголоском подобных представлений в европейских традициях являются практики ответного дарения и ритуальное очищение подарков из далеких земель.

На этом примере мы можем видеть, как сама сакральная традиция народа препятствует появлению свободного «капитала», который можно было бы куда-то «вложить» и преумножить просто ради умножения богатства.

Тему демонической окраски продуктов и вещей продолжает развивать Ж. Батай, который особое внимание уделял практике ритуального уничтожения чрезмерных излишков. В центре его внимания находилась практика потлача, которую он обнаружил у североамериканских индейцев и следы которой мы находим повсеместно на нашем континенте. Потлач также известен в Океании и Полинезии. Согласно описанию, суть потлача заключается в том, чтобы уничтожить те чрезмерные излишки достатка, которые уже невозможно или некому отдарить в ходе большого праздника. Речь идет о буквальном сжигании или утоплении вещей и ритуальном чрезмерном поедании (многодневные пиршества для всех) даров земли и охоты.

Архаические общества не могли допустить, чтобы среди них оставалась какая-то часть их трудов, которая никому не может быть отдана. Тогда она становилась «проклятой частью» и должна была быть ритуально уничтожена, чтобы не создавать угрозы обществу. Здесь приоткрывается хозяйственная логика традиционных обществ относительно накопления: оставить себе, своей общине *надо не как можно больше, а ровно столько, сколько будет достаточно.*

Интересный пример потлача мы встречаем у горного народа калаша, проживающего на севере Пакистана. Согласно традициям этого народа, чтобы получить высокий статус и авторитет в обществе, а также соответствующие регалии и право установки священных фамильных резных досок (джестак), мужчина должен устроить огромный, насколько это возможно, пир. Пиршество продолжается несколько дней, на него зовут даже

жителей соседних деревень, а за все платит и всех угощает их устроитель. В итоге у мужчины, который устраивает праздник, может не остаться вообще ничего, иногда даже своего дома. Но при этом он приобретает соразмерный высокий статус старейшины и главы поселения. В этом есть и далекий отголосок представлений о том, что подлинная аристократия де-факто ничем не владеет.

Эту картину дополняют исследования Р. Герца о похоронных ритуалах Полинезии. Герц указывает, что семьи и племена могли годами копить очень большой запас продуктов, скота и драгоценностей (условный «капитал») только с одной целью: чтобы совершить достойный обряд похорон своего родственника или вождя племени. То есть здесь продукты уходят на ритуальный пир и в жертву в честь умершего члена общества, согласно его статусу. А также как откуп от мертвых, чтобы они покинули мир живых и ушли к себе в иной мир.

То, что описывает Герц, близко к «экономике мертвых», т. е. к практике богатых захоронений знати и периодических подношений еды и необходимых умершим предкам в загробном мире вещей (одежда, обувь, оружие, утварь). Также в ходе потлача излишек урожая может быть отправлен в жертву либо ушедшим, либо Богам.

Отголоски этих практик — как мы видим, дарение, потлач и жертвоприношение зачастую могут сливаться в одно действие, — мы находим в культуре похоронных и праздничных пиров в Европе вплоть до Средневековья. С этим связан и символизм чистого богатства, которое не совершает экономической «работы» и процентного роста, а просто сияет и создает блеск аристократии или алтаря храма. Вспомним известную «Песнь о Нибелунгах», в которой мы неоднократно встречаем сцены, где женщины месяцами ткут и шьют дорогие платья и ткани, которые они массово раздаривают вместе с золотом, когда прибывают вместе с королем в гости к иному правителю.

С культурологической точки зрения эти практики в сумме можно обозначить как «экономику Диониса».

Описанные практики являются ориентирами и альтернативой для сторонников «примитивизма» справа (для левых священное, аристократия, Боги, иерархия и статус не имеют значе-

ния), чтобы не допускать появления чрезмерности. В реальной практике это сочетается со стремлением к экономической автономии: так называемое *off grid living* — жизнь вне глобальной Системы и ее локальных структур. То есть речь идет о сознательном исключении или минимализации связей с государственной (и глобальной) чуждой социально-экономической системой отношений; построении альтернативных сетей закрытых экономик между общинами и единомышленниками. Не исключаются также и такие практики, как экономика силы (отнятие, дань) и частично общинно-цеховое ремесло.

Одно из неочевидных ценностных следствий такой позиции можно описать лозунгом: чти локальное, отрицай глобальное. В наши дни так, как описано, живут архаические общества, религиозные общины, а также небольшие идеологические группы и закрытые традиционалистские сообщества.

В завершение можно вспомнить замечание Каарло Линколы о том, что религиозность является тем положительным качеством, которое удерживает общество от сверхпотребления и отношения к миру как к сырью и ресурсам.

Askr Svarte

Краткая библиография:

- Батай Жорж «Проклятая часть»
- Бейтсон Грегори «Разум и природа»
- Бенуа Ален де «Вперед, к прекращению роста!» (эколого-философский трактат)
- Бодрийар Жан «Общество потребления. Его мифы и структуры»
- Герц Роберт «Смерть и правая рука»
- «Доктрина радикального примитивизма» (анонимный трактат, 2014)
- Дугин Александр Гельевич «Четвертый путь. К четвертой политической теории»
- Качински Теодор «Манифест Унабомбера»
- Линкола Каарло «Can live prevail?»

- Мосс Марсель «Эссе о даре»
- Сораль Ален «Понять Империю. Грядущее глобальное управление или восстание наций?»
- Торо Генри «Уолден, или Жизнь в лесу»
- Хайдеггер Мартин «Исток художественного творения»
- Хайдеггер Мартин «Основные понятия метафизики»
- Хайдеггер Мартин «Почему мы остаемся в провинции»
- Шпенглер Освальд «Закат Европы»
- Эвола Юлиус «Оседлать тигра»
- Юнгер Фридрих Георг «Греческие мифы»
- Юнгер Фридрих Георг «Совершенство техники»
- Юнгер Эрнст «Уйти в Лес»

Кирилл Евсеев:

Августин дарящий прогресс

Чтобы показать смысловое, и даже, скорее, символическое ядро той или иной позиции, ее необходимо помыслить в самом крайнем пределе, сделав все логические ходы в рамках продиктованного внутренней логикой движения. Отбрасывая узкие специализации, можно утверждать, что со времен античности до наших дней основные вопросы философии оставались неизменными, а патристика и схоластика сформировали парадигму, в рамках которой мы до сих пор находимся. По этому поводу достаточно хорошо выразился Карл Ясперс: «Философия не учит новым вещам, но учит смотреть на старые вещи по-новому». Прогресс — уникальная мысль, и чтобы понять ее предел, необходимо проследить основные, самые общие моменты ее становления. В рамках данного доклада это будет более чем уместно, скорее, даже избыточно.

Так или иначе любой аспект идеи прогресса (неважно, как и через что он выражается) неразрывно связан с христианской догматикой, а именно с идеей о божественном провидении. Провиденциализм и специфического вида телеология являются основной методологией для историографического анализа как для Восточной церкви (Иоанн Зонар), так и для Западной (Орозий). Концептуальные рамки этой методологии задал Блаженный Августин в своем сочинении «О граде Божьем», в котором впервые последовательно излагается идея линейного времени, задуманного плана, поступательного улучшения морали и общего состояния бытия. Радикальность идей Августина не вызывает сомнений у исследователей, в частности, филолог и историк Теодор Моммзен, который стал лауреатом Нобелевской премии по литературе за свой труд «Римская история», утверждает, что концепция «Вечного Рима» была общей как для язычников, так и для христиан. В условиях упадка империи «Град Божий» Августина оказывал терапевтическое воздействие и был написан как фундаментально новый проект по осмыслению истории, в частности, падения Рима. Августин, отрицая «все существующие концепции истории» (Моммзен), выдвигает тезисы о том,

что, во-первых, земной жизни свойственна переменчивость, при этом он постоянно указывает, что блага жизни и прочность веры не имеют между собой причинно-следственной связи, а следовательно, падение Римской Империи — рядовое событие notwithstanding на то, что, по мнению «потерпевшей стороны», христиане в первую очередь в этом виноваты, от чего Августин просто отмахивается, делая этот момент лишь прологом к критике языческой, «дикарской» морали: «Мне представляется необходимым возразить сначала тем, кто приписывает христианской религии последние по времени войны, которые уничтожают этот мир, более всего же недавнее разорение Рима...». А во-вторых, что дело и ход истории находятся в юрисдикции христианского Бога: «Годы, которые остаются этому веку, мы пытаемся высчитать и определить, так как слышим из уст Истины, что это знать не наше дело». Августин порывает с традиционным концептом циклического времени, но и не признает сиюминутную эсхатологию, бытовавшую в то время среди его единомышленников, говоря, что церковь еще не раз будет гонима. В конечном итоге Августин выстраивает этноцентричную модель понимания истории, где сами исторические процессы рассматриваются не то чтобы как незначимые, а как опыт переживаний и назиданий, способствующих укреплению веры. В конечном итоге имеет смысл лишь история Града Божьего (его чаяния) до момента осознания христианских истин, все люди — странствующие, причем глагол *peregrinor* используется Августином в значении «быть за пределами родной земли/на чужбине». То есть исторический этноцентризм строится не на основе общих культурных, языковых и этнических кодов, а на общности религиозного характера. И только собравшись в «народ», возможно осуществить Град Божий. К тому же, понимая историю эмпирически — как череду испытаний, Августин в очередной раз стер всякую культурную уникальность исторического пути того или иного народа и провозгласил, что ни культура, ни какой-либо этнос отныне не самоценны, и посему «истинный народ» пользуется любыми социокультурными событийными аффектами вне всяких культурных и религиозных рамок, отбрасывая любые институциональные традиции как неважную преграду перед осуществлением плана: «Дом же людей, живущих верой, ожидает того, что в будущем,

как вечно обещано, и земными вещами и преходящими пользуется как странник».

Историографическая традиция наследуется Жаком Боссюэ, который создает трактат «Рассуждение о всеобщей истории». Отличие позиции Боссюэ от Августина в том, что теперь в этом историософском проекте сменились акценты. Опыт вычленяется не из конкретных событий, а из эпох (Боссюэ также наследует периодизацию истории, но все же незначительно ее поправляет). К тому же Боссюэ представляет ключевые исторические фигуры как орудие божественного провидения через анализ объективных последствий действий той или иной фигуры — становится ясна тенденция божественного плана (вслед за Августином: «От сотворения мира до Карла Великого»). И уточняет, что никто из людей в сущности этого плана не понимает, как пчелы не понимают геометрию, что не мешает им строить геометрически выверенные формы сот.

По закономерной тенденции Нового Времени и последующей эпохи Просвещения как поступательной материализации и психологизации (что суть десакрализация) человеческого бытия, вопрос о вычленении Бога как актора целеполагания на пути к Граду был лишь вопросом времени. Если для Боссюэ субъектом исторического развертывания прогресса стали вторичные причины (деяния правителей, ключевые события внемифологичного плана), и он все же отдавал должное Богу и в своем трактате настаивал на непостижимости и кажущейся случайности всего происходящего, то следующий наследник этой идеи — Джамбаттиста Вико — уже полностью посвятил свои исторические изыскания тем самым «вторым причинам». В частности, Вико отводит провиденциализму место векторозадающей причины, эмпирически не схватываемой, но априорно понимаемой как конечная цель, и говорит, что сущность всех исторических процессов имеет естественную природу, а посему поддается изучению и аналитическому обоснованию событий на основе исторического опыта предшествующих эпох. Именно с этой поры (концептуально) прогресс приобретает человеческий предел (посредством человека), оформляется как реализуемый проект по выстраиванию верной стратегии, которая неминуемо приве-

дет к «раю на земле». Если выразаться более актуальным языком, то оформилось то, что принято называть утопией.

Две с лишним тысячи лет, от Гераклита до Декарта, потребовалось человеку, чтобы окончательно решиться на приписывание изначально божественного Логоса себе, и это стало началом конца. Новое время (НВ) и эпоха Просвещения (ЭП) окончательно отвергли божественное как фикцию и ненужное преумножение сущностей. С НВ пошел процесс тотальной секуляризации, а ЭП лишь ускорила темпы этого процесса. Это затронуло все сферы: общественные, политические, государственные, теологические и философские, а это, соответственно, не могло не сказаться и на понимании исторического прогресса. Секуляризация отбрасывает наиболее острые аспекты психической реальности и радикализует моменты, связанные с рассудочной деятельностью, определенной рациональностью, а единственным обозримым горизонтом становится инстинктивно-психологическая деятельность, которая и превращается в мерило вопросов Бытия и Сущего. Это выражается практически во всех философских проектах НВ и ЭП: от победившего номинализма к гуманизму, рационализму, эмпиризму, субъективному идеализму, кантианству, позитивизму, гегельянству и так далее, вплоть до марксизма и неопозитивизма начала XX в. Так или иначе любое из этих направлений аффермативует рациональность, гуманистические ценности, эмпиричность и психологизм по отношению ко всему остальному, ставя очень жесткий примат секуляризаторских тенденций над всеми остальными аспектами человеческого и нечеловеческого бытия.

Коротко рассмотрим, к чему привел проект секуляризации НВ и ЭП. Но для начала заметим, что абсолютно все работы, в которых идея прогресса используется во всевозможных вариациях, были написаны в XVIII в. — как раз в самый разгар Просвещения, которое явилось следствием научной революции, которая, в свою очередь, стала возможной благодаря Декарту и Лейбницу. Итак, Шарль де Сент-Пьер написал работу «Замечание о непрерывном прогрессе всеобщего разума» (1737), в которой высказывал идею об установлении вечного мира, благорасположении и взаимопомощи всех во всем. Утопия опять-таки являлась следствием развития морали и общественно-

политических институтов. Один из основоположников либерализма Анн Робер Жак Тюрго в речи «Последовательные успехи человеческого разума», произнесенной в Сорбоне 11 декабря 1750 года, которая в последствии вошла в книгу «Рассуждение о всеобщей истории», говорил следующее: «...но в процессе вызванных ими [людьми] опустошительных переворотов нравы смягчаются, человеческий разум просвещается, изолированные нации сближаются, торговля и политика соединяют, наконец, все части Земного шара. И вся масса человеческого рода, переживая попеременно спокойствие и волнения, счастливые времена и години бедствия, всегда шествует, хотя медленными шагами, ко все большему совершенству. Указанные нам пределы лишают нас возможности представить вам здесь столь грандиозную картину. Мы попытаемся показать непрерывность прогресса человеческого разума». Тюрго состоял в переписке (опубликована на русском) с не менее эксцентричным и, наверное, самым важным просвещенцем в рамках этого доклада — Николем де Кондорсе. Кондорсе написал работу «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1795), в которой понятие о человеческом «прогрессе» было оформлено в жесткую теорию. Так, Кондорсе пишет о будущей картине мира, которая ему представляется как реализация проекта просвещения: «Картина человеческого рода, освобожденного от всех его цепей, избавленного от власти случая, как и от господства врагов его прогресса, и шествующего шагом твердым и верным по пути истины, добродетели и счастья». Вот еще его замечания, в которых он указывает на цель своей работы: «Показать путем рассуждений и фактами, что не было намечено никакого предела в развитии человеческих способностей, что способность человека к совершенствованию действительно безгранична, что успехи в этом совершенствовании отныне независимы от какой бы то ни было силы, желающей его остановить, имеют своей границей только длительность существования нашей планеты, в которую мы включены природой. Без сомнения, прогресс может быть более или менее быстрым, но никогда развитие не пойдет вспять». Так же и Иоганн Готфрид Гердер в «Идеях к философии истории человечества» (1784–1791) утверждает, что у народов общая история, человеческая. Человеческое единство вместе

с общей историей представлялись ему как процесс поступательного прогресса, улучшения нравов и законов. Другой представитель Просвещения — Клод Анри де Рувруа граф де Сен-Симон — в своих работах также излагает идею о том, что общественно-политические формации от Античности до Нового времени постоянно развиваются, и каждая приходящая стадия лучше, прогрессивнее предыдущей. Ученик Сен-Симона Сен-Амана Базар в своих лекциях «Изложение учения Сен-Симона, 1828–1829» представляет смену эпох как движение к освобождению человека. Для него каждая эпоха характеризуется той или иной формой рабства, впрочем, его периодизация не отличается какой-либо точностью и охватом, поэтому он говорит об Античности как о полном рабстве, о Средневековье как о крепостничестве и о Новом времени как о наемном труде. Делая прогноз на будущее, он утверждает, что в обществе будущего не будет никакой эксплуатации. Еще один прогрессивный утопист Шарль Фурье, который, к слову, придумал и сформулировал идею феминизма (он и автор этого понятия), абсолютно все свои работы посвятил измышлениям об истории, социальных процессах и нравах эпох. Для Фурье также характерны идеи стремления к абстрактному предзаданному идеалу, общей истории всех народов (всеобщие судьбы), поступательного прогресса и т. д. В его теории страстного влечения он прямо говорит, что все старое, традиционное является по существу лживым, что следует подвергнуть сомнению и удалению, ибо вся судьба человечества предопределена Богом. Занимательно, что Фурье, критикуя Французскую революцию (на него оказал влияние Руссо), говорит не о ложности ее принципов, а лишь о недобросовестном их исполнении (т. е. критикуя «зверское истребление людей целыми массами, свирепую вражду партий», он имплицитно ратует за очередную революцию, в которой, по-видимому, все будут дарить друг-другу цветы, пить чай и спокойно договариваться). Чтобы вы понимали, насколько далеки социал-утопические взгляды Фурье от хоть какой-то культурной и исторической реальности, он говорит, что в обществе будущего (при равных правах, свободной любви, свободе торговых отношений и т. п.) дети не будут воровать яблоки. Это скрупулезное цитирование призвано показать доминанцию определенных идей, задач, проектов, но

ясное дело, что конкретно этими мыслителями дело не ограничивается и при должном подходе можно привести еще десятки примеров не только историко-философских изысканий, но и примеры из сферы науки, искусства и культуры в целом.

Для того чтобы делать окончательные выводы, вскользь упомянем о двух фигурах — Канте и Гегеле. Кант является чуть ли не ключевой и самой фундаментальной фигурой (помимо Локка) для либеральной мысли (см. «категорические императивы», «договорная теория гражданского общества», «автономная личность», работу «К вечному миру» и т. д.), однако в работе «Антропология с прагматической точки зрения» (1785) он очень осторожно работает с понятием прогресса. Для Канта прогресс — это не наличная данность и не исторические реальные процессы (в отличие от подавляющего большинства сторонников Просвещения), а некий регулятивный принцип разума, который схватывает и подвергает анализу происходящее, вынося определенную оценку, и становится определяющей точкой, от которой происходят целеполагания будущей деятельности в условиях меняющегося мира (скорее всего, это заимствование, естественно, переработанное в рамках собственной метафизики, из Августина, который определял время не как последовательно сменяющиеся топысы — «прошлое, настоящее, будущее», а как одномоментно существующую триаду: настоящее прошлого, настоящее настоящего и настоящее будущего, в уме). У Канта также есть небольшая работа «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», где он утверждает, что смена политических формаций в Античности закономерна: Рим поглотил Грецию, его поглотили варвары, и каждое государство оказывало влияние на поглотивших. И если это учесть, то «будет открыт закономерный ход улучшения государственного устройства». Для Гегеля история как мысли, так и государства была диалектична. Каждая сменяющая формация содержала в себе в снятом виде предыдущую. Как утверждает Гегель в «Лекции по философии истории» (1822–1831), «прогресс неизбежен». Гегель — первый, кто четко разделил гражданское общество и правовое государство, задав им определенные рамки и определив механизмы их развития. В основе исторического процесса, который представляется как движение от низших форм к высшим, лежит развитие абсолютного

духа. Говоря более конкретно, абсолютный дух проявляется во всем, он воплощает в себе единство законов, институтов, культуры, философий и т. д., у того или иного народа. Волю абсолютно-го духа выражает мировой дух, это есть народ-гегемон, устанавливающий порядки идвигающий человечество вперед (у Гумилева та же ситуация названа «пассионарностью»). Забавно в этом ключе заметить следующее: Гегель обожал Наполеона (как и Французскую революцию, годовщину которой он отмечал каждый год), и для него он являлся как раз выразителем, даже манифестацией (Гегель был склонен к пантеизму и вообще периодически впадал в откровенное язычество) абсолютного духа и, по его мысли, не мог проиграть. Но, видимо, у нас, у русского народа, дух посильнее и поабсолютнее. Для Гегеля критерием прогресса является осознание понятия свободы: «Всемирная история — есть прогресс в сознании свободы, который мы должны познать в его необходимости».

Таким образом, все эти представления в совокупности дают то, с чем мы имеем дело до сих пор, — прогресс. С незамысловатой подачи Огюста Конта и Карла Поппера («Открытое общество и его враги») идея прогресса еще более укрепилась, перейдя в фундамент наук как гуманитарных, так и технических. Благодаря Конту и Попперу стала популярна идея о возникновении «идеи прогресса» еще в Античности. Но в ложности и полной ошибочности таких представлений вы можете убедиться, прочитав статью величайшего историка античности Эрика Доддса «The Ancient Concepts of Progress and Other Essays on Greek Literature and Belief», а также «Понятие и концепция прогресса в структуре античной политической теории» В. А. Гутерова и «Фукинид и иллюзии идеи прогресса» Р. В. Светлова. В этих статьях вы найдете еще больше источников и ссылок, которые не оставят ни малейшего намека на то, что в Античности уже зарождались идеи либерализма (которому приписываются идеи протолиберализма) и прогрессивизма (а также техницизма, см. гл. 12 «Теория» книги Петра Рябова «Культура Эллады»).

Как мы выяснили, идея прогресса является сугубо христианской, о чем свидетельствуют обильные историософские материалы от изначального концептуализаторства Блаженным Авгу-

стином до Карла Поппера. Не обойдем стороной вопрос соотношения религии и прогресса, поскольку строители Просвещения так или иначе были христианами — католиками, англиканами или протестантами. Закономерно, что переход от политеизма к монотеизму также рассматривается как прогресс, в частности об этом писал Сент-Симон, говоря о Сократе как о переходной фигуре (вспомните, что все античные философы, в частности Платон и Аристотель по христианским представлениям находятся в чистилище, отцы церкви называли самого Платона «христианином без Христа») между варварами и христианами. Ту же идею о прогрессивности монотеизма выражает и Огюст Конт в теории о трех фазисах в умственном развитии человечества, он сам ссылается на Джона Стюарта Милля: «верование в неизменные законы природы, составляющие основу положительного вида мышления, медленно пробивало себе путь по мере того, как наблюдение и опыт шаг за шагом открывали в классах явлений те законы, которым они действительно подчинены». «Итак, какими же средствами, — спрашивает себя Милль, — передовые умы Рима были подготовлены к монотеизму? Развитием практического чувства неизменности законов природы. К этому верованию как нельзя естественно шел монотеизм, тогда как политеизм по необходимости стоял с ним в разладе. Таким образом, переход от теологической системы политеизма к монотеизму совершался под непосредственным влиянием положительного знания» (из книги «Льюис и Милль. Огюст Конт и положительная философия»). Представляю, с каким трудом Миллю и Конту приходилось признавать, что дикие архаичные племена Аравии и Мавритании «приняли» ислам из-за «безумнейшего технического и научного прогресса», это конто-миллевское положительное знание уж очень сильно им давило на сознание, и пришлось обращаться к исламской версии монотеизма. Впрочем, историк религии и мистицизма, а также видный еврейский философ Гершом Шолем утверждает, что переход от политеизма к монотеизму концептуально невозможен ни при каких обстоятельствах и что сам по себе монотеизм «имеет революционный характер». Впрочем, мы в этом убедились еще на стадии осмысления подхода Августина к истории.

Подведем итоги и сделаем некоторые выводы. Прослеживая развитие и осмысление идеи прогресса, мы видим, что, как бы это парадоксально ни звучало, идея прогресса не развивалась, а деградировала. С каждой новой эпохой эта идея (как, в принципе, и все остальное) подвергалась секуляризации, «обмервщлению», как любил повторять Вячеслав Иванов, или еще более точно сказать — «кристаллизации» (Генон), как нисходящий процесс от Логоса к материи. Если для Августина прогресс был продиктован логикой евангелического откровения и представлял из себя конкретный план, лежащий в сфере «дела духа», а также изначального эсхатологизма, миллениаризма и хилиазма, что составляло ткань истории, то для эпохи Просвещения все стало иначе. Примечательный факт, само понятие «*Homo illuminatus*», т. е. «человек просвещенный», было позаимствовано из церковного лексикона, где иллюминация подразумевалась как «свет божий» (см. «фаворский свет» и «метафизика света»), но для просвещенцев свет стал не божьим, а техническим, научным. Эсхатологизм и прочие незаменимые аспекты христианского учения сместились, совершили движение сверху вниз, остановившись на уровне психологии, классовых отношений, различных институтов власти и т. д. и т. п. Так конкретный Божий Град Августина стал лишь абстракцией как необъяснимый, незримый идеал, к которому все стремятся по естеству (тут будет уместно заметить, что для Карла Линнея, как и ряда других эволюционистов, процесс эволюции объяснялся тем, что в каждом живом организме содержится идея о его собственной идеальной форме — как энтехелии Аристотеля, только в прогрессивном и линейном ключе. Каждое насекомое, по мнению Линнея, знает о своем идеале, это и заставляет его меняться, двигаясь от «плохого» к «хорошему», т. е. прогрессировать). Любая идеология Модерна так или иначе понимает и принимает христианскую космологию, эксплицируя и повторяя абсолютно те же самые идеи, дублируя проект Царства божьего на земле в пределах Политического. Для коммунизма прогресс заключается в конечном сплавлении всех со всеми, где всяческая дискретность уничтожается, образуя континуальный океан («вода в воде», по выражению Батая). Для либерализма характерен момент эмансипации от коллективных идентичностей, по точному вы-

ражению философа искусств Николя Буррио: «Итог эмансипации — бесчисленные формы меланхолии». Для фашизма прогресс выражается в некой «чистоте генов», что, грубо говоря, является идеализаторством формообразующего содержания человеческой особи. Факт такого количества вариаций понимания говорит о том, что каждая система означающих образует свою совокупность означаемых как «условия» или «критерия» прогресса. При должной сноровке в жонглировании определенной семиотически-эвристической системой и в рамках благорасполагающей парадигмы можно с легкой руки утверждать, что количество убийств является истинным критерием прогресса, почему нет? Понятие прогресса как встроенная в ту или иную систему знаков идеологема является автореферентной, а потому семантически подвижной. Тезис о положительном коннотате прогресса выводится сам из себя — «это хорошо, потому что это хорошо».

Как я уже прозрачно намекал выше, спор о прогрессе — это спор в рамках Церкви и не более. Прогрессивизм структурно является тоталитарной идеологемой, правмерно будет даже сказать «сектой» (учитывая ее религиозную основу). Чем сегодняшние фантазии футурологов о биоинженерии и биохакинге отличаются от чаяний Августина? Для России ситуация складывается немного другим образом. Анализ культурной специфики показывает, что особое отношение к технике и прогрессу вызвано синтезом, казалось бы, противоположных, но фундаментально тождественных вещей. Православная догматика утверждает, что материя есть не зло, а нечто поврежденное, недоделанное, неполноценное, неспособное к обожению (см. Григорий Палама). Недостаточная по своей природе субстанция не имеет своего онтологического статуса вне Бога и человека, поверх этого наложился марксистский инженеризм в рамках коммунистической утопии, сущность которой, как мы выясняли ранее, есть секуляризованная и обмервшлленная христианская космология. По итогу, вернакулярный, т. е. народно-бытовой, марксизм воспринимает мир как нечто изначально сломанное и требующее починки. Вы можете в этом убедиться, например, через литературу А. Платонова или бытовые практики: «не выбрасывай / отвези на дачу / сделай / почини / еще прослужит»

и т. п. То есть мир в русских реалиях представляется как то, что требует бесконечной починки, возможно, в такой перспективе прогрессом будет умножение сломанных вещей и усложнение условий починки.

Но если рассматривать глобалистскую, гегемонную идеологию, то все становится лишь мрачнее и ничуть не легче. Развитие различных биотехнологий ставит под вопрос все существо человека: и тело, и сознание, и всю структурную конфигурацию существа. Сама идея тела как машины уходит корнями в картезианский дуализм. Развитие трансплантологии напрямую говорит, что при фиксации смерти (зачастую под этим подразумевается прекращение функционирования мозга) человек становится не человеком, а сломанной машиной, из которой можно забрать более не нужные запчасти и пересадить в другую «машину». В самом своем пределе при нынешних технологиях уже возможны реструктуризация и пересмотр социокультурных установок относительно смерти и умирания, зачастую все тело поддерживается искусственным образом. Опять-таки раскрывается огромная вариативность точек отсчета смерти человека, что перепрыгивает некую конвенциональность в условиях главенства ризоматического индивидуализма, давая возможность человеку в скором времени самому определять, когда он умрет. Человек и при жизни, входя в медикаментозную сферу, становится для лечащего врача не Другим, а машиной, которую привел кто-то, для того чтобы врач починил его «технэ». Но и эта картина стремительно устаревает, и ей на смену приходят «иммунные сети» (Филипп Саразин). В условиях неразличимости биологических и информационных систем определение живого как такового и функционирующего тела-субъекта принимает следующее положение: поскольку составные части могут быть заменены, не нарушая общую семиотическую структурность, то жизнеспособный индивид — это тот, чья иммунная система способна творчески освоить внешнее вторжение, попутно обозначая «свое/не свое». С другой стороны, в феноменологическом смысле тело определяет личность именно как субъекта чувствующего, мыслящего, действующего, находящегося в определенном пространственно-временном отношении, что является необходимым условием для приписывания опыта Себе, а не кому-то

или чему-то Другому. Точно так же, как и преемственность этих эмпирических опытов подразумевает наличие телесности. Если учесть все это, то неразрешимость преодоления этой дихотомии сулит следующее: смерть тела — смерть личности. Даже при сохранении сознания. Понятие о бессмертии вообще не подразумевает телесную субъектность (цифровой код в Интернете) благодаря развитию других информационных и цифровых технологий, особенно в рамках биоинженерии. К чему этот пассаж? К тому, что прогресс в либеральном ключе, который мыслится как последовательное освобождение от каких-либо идентичностей (это и является метрическим критерием прогресса в рамках монополярной парадигмы постмодерна), видит перед собой тотальную деонтологизацию не только сущего, но и бытия в принципе. Мы уже видим людей, которые считают себя животными, меняют пол, вливаются во всякие нечеловеческие субкультуры вроде «фурри» и становятся антропоморфными животными; людей, которые имеют определенный фетиш ко всякого рода инвалидности (намеренное лишение себя конечностей как лишнего), повальное большинство мечтает стать киборгами, заменить мешок с костями на сверкающий и твердый металл, другие и вовсе мечтают поместить свое сознание в Интернет... О чем все это говорит? Кажется, о том, что мы пришли к критической точке прогресса, и на этом пике, в самом остром напряжении прогресс обнажил свою сущность. Как говорил социальный утопист Григорий Зиновьев: «Цель социализма — великое Ничто. И единственное, что ему мешает “двигаться дальше”, — это человек».

Елена Эленуар:
Формы сакрального в философии
Жоржа Батая и Мишеля Фуко

Жорж Батай и Мишель Фуко связаны эпохой и схожими темами, которыми они занимались. Но подходы к изучению этих тем и методология изучения сакрального были у каждого свои. У этих двух философов можно выделить две категории соприкосновения с сакральным: опосредованная (символические, аллегорические и игровые формы проживания сакрального и смерти, которые всегда рефлексивны и ритуальны) и непосредственная, т. е. опыт, полученный без рефлексии, до рефлексии или даже без поиска подобного опыта. Но для начала стоит прояснить, что же в данной статье будет подразумеваться под сакральным.

Само слово «сакральное» обладает двойственной природой. С латинского языка *sacer* переводится и как святой, и как проклятый. Лейрис, которого с Батаем объединяет школа сакральной социологии, определял сакральное как «смесь почитания, желания и ужаса». Сакрализуемый объект желания разделяется на два полюса — отторжения и притяжения.

Деление на категории «профанное» и «сакральное» принадлежит французской школе этнографии (Марсель Мосс, Люсьен Леви-Брюль), эти категории Батай использовал, переосмыслив, в своей «Теории религии». Во-первых, сакральное делится на левое и правое. Такое эксплицитное деление можно пронаблюдать в Древней Индии, например Вамачара и Дакшиначара (Путилевой и Правой Руки в Тантре). На Западе это деление связано с влиянием христианства и оппозицией к нему (христианство — «белое», «благостное», со множеством табу, Путьлевой Руки — интерес к преступлению этих табу как способу духовного роста и самопознания). Правое, по Батаю, «чистое», «счастливое», путь, связанный с соблюдением определенных правил и установленных границ, это, скорее, религиозное сакральное, а левое — «нечистое», «пугающее», внерелигиозное, антидогматичное. Левое порождает отвращение, а правое — влечение. Но на самом деле любой сакрализованный объ-

ект имеет оба полюса. Более того, по Батаю, та самая пресловутая амбивалентность сакрального как раз заключается в трансформации объекта отвращения в объект влечения. Трата, смерть индивида, порождает тревогу в обществе: «Тело усопшего воспринимается как реальность, угрожающая дальнейшим распространением». Это «правая» тенденция. «Левая» — не ограничивать растрату, а осознанно растрачивать себя, преступая границы настолько, насколько это вообще возможно.

К опосредованному сакральному относится концепция жертвоприношения Жоржа Батая. По Батаю, во время жертвоприношения жертва вместе со жрецом переступают границу между миром профанным, «миром вещей, сущность которых сокрыта от человека, для которого они суть ничто, о которых он судит лишь на основании чисто внешних проявлений», и миром сакральным, который человек воспринимает во всей его имманентности и понятности. Таким образом, человек преодолевает внутренний разрыв в своем сознании, который образуется во время пребывания в профанном мире труда и зависимостей. Уничтожающий вещи возвращает себе имманентность взаимоотношений между мирозданием и человеком. В его концепции жертвоприношения значение жертвующего гораздо больше, чем жертвы, поскольку жертвующий ведет этот процесс изнутри, отождествляясь с жертвой, становясь ею, но не погибая физически. Таким образом он получает опыт смерти при жизни.

У Фуко в его «Истории сексуальности» в качестве опосредованного сакрального можно выделить казнь — тоже в какой-то степени жертвоприношение, но социально-политически обусловленное.

Следующее опосредованное сакральное — личный биографический опыт Батая и Фуко. У Батая это созданное им тайное общество «Ацефал». Это попытка конструирования нового мифа. Зачем же ему понадобилось конструировать миф в то время, когда все мифы уже были мертвы? Тут сказывалось недоверие к разуму и его возможностям. Батай почти всю свою жизнь пытался осмыслять иррациональные стороны общественной жизни. Когда мы имеем дело с каким-то мифом, то уничтожить его, по Батаю, может только другой миф. Также он уделял

внимание архаичному обществу и именно там искал ключевые антропологические причины, а миф помог бы сознанию открыть то, что и так было очевидно в архаике.

Мишель Фуко участвовал в различных революционных студенческих бунтах, а также состоял в организации, которая занималась исследованием качества жизни людей в тюремном заключении. Он укрывал у себя студентов, которым нужно было спрятаться от полицейских, хранил у себя дома технику для изготовления незаконных листовок. Здесь он выступает ницшеанцем, его мало привлекает какая-либо идеология, он рискует своей жизнью и бунтует ради самого бунта, который преобразует жизнь, для него это своеобразная трансгрессия и «вопрос разрушения того, кто мы есть, и создания чего-то совершенно нового — абсолютной инновации». Также можно воспринимать это как мыслительный эксперимент, поскольку Фуко всегда рассматривал сам процесс мышления как своеобразный эксперимент (здесь видны ницшеанские корни), Делёз, с которым они вместе состояли в группе информации о тюрьмах, вспоминал, что «ГИТ была своеобразным мысленным экспериментом. «В данном случае суть была [...] в том, чтобы понять тюрьму как место, где заключенные переживают определенный опыт, опыт, о котором интеллектуалы — или, по крайней мере, интеллектуалы в предоставлении Фуко — тоже должны размышлять». Здесь подразумевается опять-таки трансгрессивный опыт.

Было выявлено, что и для Фуко, и для Батая важен выход за пределы личности, за пределы индивидуального существования (это связано с их восприятием общества как организма, целое которого превосходит сумму частей). Трансгрессия сама по себе относится к опосредованному опыту сакрального, поскольку для нее важна рефлексия, это всегда осознанное преступление границы. Также в концептах трансгрессии Фуко и Батая всегда присутствует тема игры.

Следующий пункт, относящийся к опосредованному сакральному — область литературы, насилие в литературе и смерть автора. Жорж Батай пишет про насилие над языком, но надо понимать, что Батай подразумевает под насилием в литературе насилие автора над героями, переживающими по его воле

различные ситуации (почти всегда трансгрессивные). Люди в произведениях Батая подвергаются различным истязаниям, персонажи пассивны, они чаще переживают насилие сами, чем кого-то ему подвергают.

У Фуко текст выступает разновидностью игровой деятельности человека. У любого произведения в зависимости от личности интерпретирующего и прочих условий можно найти множество смыслов, что, в свою очередь, породит множество дискурсов разных типов. Таким образом, текст, выходя из-под пера автора, начинает жить отдельной самостоятельной жизнью. Это так называемая концепция «смерти автора», популярная среди постструктуралистов.

Теперь перейдем к непосредственному опыту сакрального. Мы подразумеваем под ним опыт, полученный без рефлексии, до рефлексии или даже без поиска подобного опыта. Для Жоржа Батая это секс, насилие, война. Секс для Жоржа Батая — образ умирания, оргазмические судороги напоминают ему предсмертную агонию: «Образ этого безумия дан в наивысшем эротическом переживании, в эротическом экстазе, оргазме, властно, наподобие смерти, лишаящем человека разума. Могу ли я всецело пережить эротический экстаз, не является ли это смертельно властное чувство предвкушением конечной смерти?». Таким образом, оргазм сакрализуется как некое измененное состояние личности вне рефлексии. На формирование данного концепта отчасти повлиял порнографический роман Полины Реаж «История О». После его прочтения Батай создает свою концепцию о погружении в измененное состояние сознания — экстаз, которое дает опыт «инициативской смерти и последующего возрождения». Безумие, экстаз, пароксизм — всегда опыт «абсолютной негативности». Эротическая деятельность сакрализуется, поскольку через нее достигаются измененные состояния сознания, близкие к опыту умирания. В своей порнолатрической прозе Батай осуществляет насилие над языком и над героями повествования, об этом насилии уже было сказано выше. Опыт оргазмических конвульсий для него возвращает человека к животному дорефлексивному состоянию.

К следующему опыту непосредственного переживания сакрального у Фуко относится безумие. Важный момент: Фуко демонстрирует, что неразумие воспринимается и выводится как противоположное разуму, критерии разумного в конкретно взятый исторический период определяют, что считать противоположным разуму и что «лечить» или «линчевать». Само же безумие, по мнению Фуко, всегда остается сокрытым. Мы можем наблюдать истинное безумие в творчестве известных художников, например, но мы не можем к нему приобщиться, так как это закрытая область «опыта-предела». Безумие также демонстрирует слабость и ограниченность человеческого языка, поскольку опыт, который получил безумец, не может быть выражен им полностью через речь.

К области непосредственного опыта сакрального относятся опыт тюремного заключения и война. Заметим, что здесь речь пойдет о сакральном насилии, которое врывается в жизнь и отрефлексированно не может быть вообще либо может только постфактум. Война лежит в основе социальной онтологии Фуко вместе с властью. Историю Фуко трактовал как перманентную войну, война понималась им как постоянно присутствующий фон всех социальных и властных отношений. Политическая власть — следствие проигрыша кого-то. Мир рождается из крови, ярости, гнева, агонии. Иррациональность животных лежит в основе любых человеческих сообществ, а рациональность — всего лишь надстройка победителей в очередной войне. Фуко считал, что нужно создать новое общество, разрушив старое до основ. Ему нужна была война против традиционных нравственных убеждений, существующей в обществе морали, законов. Кроме войны, вполне могла поспособствовать его начинаниям агитация.

Батай выделяет несколько видов насилия. Во-первых, жизнь сама по себе как стремление к распаду — уже онтологизированное насилие. Во-вторых, война — способ достижения суверенности и подлинного бытия. Жизнь для него — некая энергия, нужно также отметить, что жизнь для него тождественна природе. Жизнь безгранична и кипит в себе самой. В этом кипении жизнь растрчивает себя, ибо «природа сама по себе насильственна», насилие для нее — это некая стихия экстати-

ческого самоуничтожения». Жизнь полна только в ее единстве со смертью. Жизнь характеризуется континуальностью, т. е. непрерывностью, целостностью. Насилие природы не является жестокостью, потому что в природе нет противопоставления между «я» и «не я», субъектом и объектом. Животные находятся в состоянии континуальности, поэтому не чувствуют разницы между другим и собой. Это тотальная целостность и слитность. Человек изымается из этой целостности, как только учится пользоваться орудиями труда и осознавать их как вещи, лежащие вне себя. Насилие природы или жизни, которое было отброшено человеческим обществом, и есть насилие сакральное. Сакральное и профанное появляются в момент, когда животное становится человеком и начинает бояться смерти.

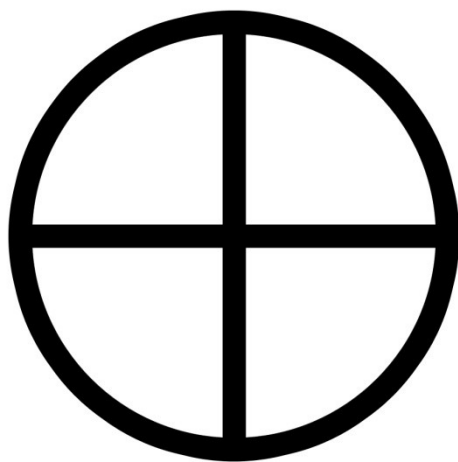
Таким образом, к опосредованному сакральному опыту у Батая относятся: его концепция жертвоприношения, личный биографический опыт (общество «Ацефал»), насилие в литературе и смерть автора, трансгрессия в любых видах. У Фуко: казнь, личный биографический опыт (участие в бунтах, «Группа информации о тюрьмах»), смерть автора, трансгрессия в любых видах.

К непосредственному опыту сакрального у Батая относятся экстаз, оргазмические конвульсии, онтологизированное насилие (насилие жизнью), война. У Фуко: безумие, тюремное заключение, война и так же онтологизированное насилие.

Более того, в данной статье было выделено два принципиально различных подхода к описанию сакрального. У Батая это мифо-архаический уровень, у Фуко — структурно-генетический. Основным и наиболее обсуждаемым у данных авторов является насилие. Это обусловлено драматичными событиями XX в., после которых в философской мысли потребовалась тотальная деконструкция основ, создание новых мифов для борьбы со старыми, такими как фашизм. На основании всего этого можно выявить универсальные понятия дискурса о сакральном — это амбивалентность сакрального, дихотомия профанного и сакрального, деление на левое и правое сакральное. Все перечисленное используется западными исследователями и в наши дни. Современные философы, такие как Патрик Френч, Алан Стоукл, Эдгар Морен, Джудит Батлер, Петер

Слотердаик, переосмысляют и развивают данные идеи. Разного рода постмодернисты (например Андре Глюксманн) спекулируют на этих темах из-за их эпатажности, не обладая при этом достаточной глубиной понимания.

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ТРАДИЦИЯ



Людвиг Клагес:
Почему, поднимая покрывало Изиды, находят поги-
бель?
(письмо)

Отвечая на этот вопрос [1], представляется весьма разумным сначала обратиться к балладе Шиллера. Хотя заключительные строфы и являют собой недвусмысленный морализм, несомненно чуждый древнему миру, основной текст все же может многое прояснить относительно мировоззрения минувших эпох, равно как и самого Шиллера.

Предложенное объяснение — я имею в виду Ваше — я не мог бы считать таковым, даже если высказанная в нем мысль и была бы истинной сама по себе, каковой она в действительности не является. Изида, по Вашим словам, — «творящая ткачиха Мать-Природа», и кто насильственно поднимет ее покрывало, тот будет «смыт и потоплен полнотой вырвавшегося на свободу мира грез» и тем самым будет духовно разодран на куски. Не стану оставлять без внимания выражение «творящая ткачиха Мать-Природа» и осмелюсь заметить, что оно в известном смысле рискованное и опасное. Сказано все и в то же время почти ничего! В подобном контексте «Природа» — весьма расплывчатое понятие, которое каждый может интерпретировать как ему вздумается. У одних «творящая полнота» ассоциируется с девственным лесом, у других — с любовной страстью, у третьих — с тайфуном, у четвертых — со звездным небом, тогда как, положим, философствующий эфесец, скорее, вообразил бы стогрудую кормящую женщину! Натуралистическое образное мышление питает пристрастие к банальностям, каковые тем дальше уводят от переживаний, чем больше погружаются в физику. «Полноту вырвавшегося на свободу мира грез» можно лишь мыслить, никак не *созерцать*, конкретный же образ Изида, Сфинкса или Артемиды Эфесской вполне доступен фантазии и воображению, его можно представить себе.

Но даже отстраняясь от расплывчатости выражений, высказанное Вами я все равно считаю совершенно неверным, поскольку убежден: пока еще никем не доказано, что «потопленность» в

полноте Природы влечет за собой неминуемое увядание, неизлечимую болезнь. Напротив, упомянутая «потопленность» в любом случае была бы чем-то экстатическим, и хотя в экстатических состояниях высшее счастье и правда всегда смешаны с глубочайшим ужасом, из бесчисленных свидетельств различных времен и народов все же можно заключить, что в пробужденном состоянии, когда воспоминания особенно ясны, каждый, кто хоть однажды пережил момент экстатического преобразования, всегда расценивает такие моменты как *милость судьбы* и жаждет их *повторения*. Апулей, посвященный в мистерии Изиды, в следующих словах описывает чувство, вскоре после просветления охватившее его в храме Изиды перед изображением богини: «Я пробыл там еще несколько дней, вкушая невыразимую сладость созерцания священного изображения, связанный чувством благодарности за бесценную милость... И вот, повергнувшись ниц перед богиней и прижимаясь лицом к стопам ее, обливаясь слезами, голосом, прерываемым частыми рыданиями, глотая слова, я начал: “О, святейшая, человеческого рода избавительница вечная, смертных постоянная заступница, что являешь себя несчастным в бедах нежной матерью. Ни день, ни ночь одна, ни даже минута краткая не протекает, твоих благодеяний лишенная: на море и на суше ты людям покровительствуешь, в жизненных бурях простираешь десницу спасительную, которой рока нерасторжимую пряжу отпускаешь, ярость Судьбы смиряешь, зловещее светил течение укрощаешь. Чтут тебя вышние боги, и боги теней подземных поклоняются тебе; ты круг мира вращаешь, зажигаешь солнце, управляешь вселенной, попираешь Тартар. На зов твой откликаются звезды, ты чередования времен источник, радость небожителей, госпожа стихий. Мановением твоим огонь разгорается, тучи сгущаются, всходят посевы, поднимаются всходы. Силы твоей страшатся птицы, в небе летающие, звери, в горах блуждающие, змеи, в земле скрывающиеся, чудовища, по волнам плывущие. Но я для воздаяния похвал тебе — нищ разумом, для жертв благодарственных — беден имуществом; и всей полноты речи не хватает, чтобы выразить чувства, величиим твоим во мне рожденные, и тысячи уст не хватило бы, тысячи языков и неустанного красноречья потока неиссякаемого! Что ж, постараюсь выполнить то единственное, что доступно человеку благочестивому, но

неимущему: лик твой небесный и божественность святейшую в глубине моего сердца на веки вечные запечатлею и сберегу”» [2].

Эти фразы исполнены восхищения и вечной памяти. Что касается чувств современного человека, куда более туманных и неопределенных, то их лучше всего могли бы проиллюстрировать строфы Вагнера из «Тристана и Изольды»:

В дыхании Мира,
веющем Всем,
тонуть,
утопать
совершенно бездумно —
высшая радость!

Возникновению же малопонятного мнения, будто я приписываю любопытному юноше из Саиса именно это переживание, свойственное преждевременной старости и увяданию, вероятно, ошибочным образом содействовали мои более ранние рассуждения об экстатическом самоотречении, к каковым я вкратце ниже вернусь.

Таким образом, высказывание, на котором базируется Ваше объяснение, я никак не могу считать истинным, кроме того, совершенно не понимаю, какое отношение имеет оно к балладе Шиллера. Стихотворение начинается так:

Влекомый страстью к истине в Саис
Пришел однажды юноша, который,
Стремясь постигнуть тайную науку
Египетских жрецов, уже прошел
Немало ступеней к высотам духа;
Но рвался он вперед неудержимо,
Учитель отвечать не успевал
На все его вопросы...

Тем самым из первых же строк вполне однозначно следует, что речь идет о стяжании тайного знания. Строго говоря, у нас совершенно нет повода задаваться вопросом, в чем сущность Изи́ды или что скрывается за ее покрывалом, *поскольку об*

этом повествует сам поэт. По свидетельству учителя, там скрывается именно то, что полностью насытило бы любознательность юноши, будь ему дано поднять покрывало: *истина!* Здесь, разумеется, уместно было бы спросить, в чем, собственно, состоит эта истина, однако вернемся к нашему главному вопросу: почему желание поднять покрывало скрывающей себя истины ведет к гибели?

Мы, бесспорно, отнюдь не погрешим против поэта, если пока что назовем истину — благодаря ли мистическому пылу, или же поскольку ее охраняет самая могущественная богиня, пробуждающая алчную исследовательскую страсть, — *тайной мироздания* и, следуя духу баллады, сделаем заключение: кто слишком стремится выведать тайну мироздания, тот кощунствует против богини, обрекая себя на неминуемые ужасные последствия этого кощунства.

Шиллер говорит: кто поднимет покрывало богини, *узрит* тайну мироздания. Если за покрывалом скрыто божественное величие (*núten*) Изиды, этой тайной либо должна быть сама богиня, либо она должна иметь власть сделать тайну доступной *созерцанию*. Несомненно, для поднявшего покрывало тайна в любом случае стала бы зримой. Сразу возникает вопрос: губительно ли для человека само по себе созерцание этой тайны? Прежде чем искать намеков к разрешению этого вопроса в балладе Шиллера, обратимся к мнению Античности, где тут же обнаруживаются два поучительно дополняющих друг друга положения.

Во-первых, по убеждению всего античного мира (как, впрочем, и большинства «первобытных народов»), увидеть богов для человека опасно. В орфической «Аргонавтике» на то указывает Артемиды-Гекаты (она же Изида):

Ужасно видеть
и ужасно слышать
не получившему посвящения
и не принесшему искупительной жертвы.

В так называемой «Священной книге под названием Моисей, или Восьмой книге Моисея о священных именах» говорится: «Когда является Бог, пристально не смотри на него, но опу-

сти взор к стопам своим». Если непосвященный станет свидетелем священных церемоний, его ждет не только обычная, но и вечная погибель. Рассказывается о человеке, который из любопытства прокрался на них, но узрел нечто настолько *ужасное*, что совершенно обезумел и вскоре скончался, а *Ливий* в «Римских историях» сообщает о двух акарнанских юношах, хотя и попавших туда по невинной ошибке, из-за невольного соучастия все же тотчас расставшихся с жизнью.

Во-вторых, теперь нам известно и к тому же только что подтверждено Апулеем, что всякое посвящение завершается эпоптией (ἐπ-опτεία), т. е. созерцанием. Итак, созерцающему адепту открываются божественные сферы, а вместе с ними и та самая столь опасная для непосвященных и скрытая от них тайна! Об этом Апулей говорит: *«Достиг я рубежей смерти, пре-ступил порог Прозерпины... предстал перед богами подземными и небесными и вблизи поклонился им»*. Также и особый дар магов, некромантов и теургов состоит как раз в том, что они способны выдержать зрелище явленного демонического могущества, с помощью какового они беседуют с мертвым и творят всяческие другие чудеса. Таким образом, созерцание тайны гибельно не само по себе, но лишь для *непосвященных*! Но в чем же тогда состоит посвящение?

В балладе Шиллера иерофант передает слова богов: «Ни один из смертных да не смеет тронуть священной ткани дерзостной рукой, пока ее мы сами не поднимем». Всякое посвящение *получают*, а это означает, что дается оно иницилируемому не кем иным, как самими богами. Именно такое посвящение считается во всех священных таинствах мира подлинным посвящением, бракосочетанием (γάμος) с божественностью, причем душа адепта является женским компонентом. Частично в «Мифологических письмах», частично в «Космогоническом Эросе» я отмечал, что сакральная свадьба означает мистическое преображение: созерцающий, принимая в себя бога (обычно в образе ритуальной пищи), сам становится богом, и с тех пор тайна *больше не находится вне него*. Тем самым понятно, почему в магических египетских папирусах теург говорит о себе: *«Я — Осирис, прозванный водой, я — Изиды, прозванная росой»*. Созерцание тайны имеет место только при таком единении с божественностью, которое, в проти-

воположность профаническому совокуплению, все же не устраняет дистанции и двойственности полюсов. Человек становится лишь *причастен*, притом находится в особом, сублимированном состоянии, каковое, по меркам обычного «я», представляется уничтожением последнего, т. е. смертью. «Достиг я рубежей смерти, преступил порог Прозерпины...»

Вспомним попутно, что ради успешности пропаганды иудейской религии среди язычников раннехристианской Церкви пришлось впитать в себя всю традицию посвящения. «...Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете *иметь в себе жизни*» (Ин 6. 53). Далее: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и *Я в нем*» (Ин 6. 56). И еще: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет *жизнь вечную*» (Ин 6. 54). Ведь причастие (*communion*) = единение, т. е. единение с божественностью! Вспомним также и следующее: «Посему, кто будет есть хлеб сей и пить чашу Господню недостойно... *тот ест и пьет осуждение себе*» (1Кор 11. 27–29). Точно так же, как и в языческих таинствах, в христианском Причастии святая Плоть и Кровь для призванных — вечная жизнь, для непризванных — вечное осуждение. Однако вернемся к Шиллеру и попытаемся выяснить, в чем по смыслу баллады заключается недостойность непосвященных.

Почему, собственно, юноша рвался поднять покрывало? Из жажды познания, проще говоря, из любопытства, ведь между стремлением познавать и любопытством существенной разницы нет: первое, как и второе, происходит из беспокойства разума, каковой беспокоит все, чем он пока еще не обладает. Стремление к познанию — это стремление к присвоению, хотя бы даже и к присвоению умом. Кто хочет исследовать тайну мироздания, тот хочет ей овладеть (в противоположность адепту, который предает себя высшему и кем *оно овладевает*); то же, чем овладевает ум (*der Geist*), неизбежно теряет чары таинственности, через то разрушаясь, если по сути своей как раз и являет собой именно тайну. Жажда духовного (рационального, умственного) овладения — *кошунство* против *жизни*, и жизнь должным образом мстит за это кошунство. И это останется непреложным, куда будет существовать человечество, а ужасающее подтвер-

ждение этому наступит во времена, когда в рационалистической «демистификации» жизни выродившееся человечество это наконец сгинет вообще.

Такой ответ дали бы мы на наш главный вопрос, а теперь можно перейти и ко второму: что же все-таки увидел юноша? Шиллер обладал достаточным вкусом, чтобы даже в двух-трех штрихах не рисовать картины увиденного, однако, как станет ясно из дальнейшего, это было возможно, хотя и вряд ли оказалось бы достаточно убедительным. Так или иначе, в балладе говорится лишь о *смысле* увиденного юношей. Сорвав покрывало, юноша тут же узрел истину, представившуюся пытливому уму последней и окончательной. Что же это за истина?

Проследите историю мысли, в особенности научной, во все времена и среди всех народов или продумайте до конца какую-нибудь *одну* проблему в изложении позднейшей науки, а именно современной, к примеру, что такое материя, что такое сила, окружающий мир, душа и т. д., и вы неизбежно придете к абсолютному ничто. Все направления стремлений к познанию сходятся к ничто (т. е. к проекции активного ничто, ума), и поиск познания в целом — после смелых попыток на начальном, наиболее страстном этапе — все вернее и вернее движется к своему завершению — всеохватывающему сомнению. Воля к понятной рассудку истине есть воля к *материализации мира*. Юноша, одним прыжком достигший цели, которой только и может достичь любопытствующий ум, увидел вечную смерть — пожирающее мир и пространство ничто!

Но как же могла показать ему это богиня жизни? На первый взгляд это странно, однако она и только она может *показать* сие человеку. Разум как таковой — вне жизни; для него «ничто» — просто понятие, такое же, как и «все». Только отраженное жизнью ничто являет себя как бесцельность, бессмысленность, бесплодность, разрушение и вечная ничтожность во всех отношениях. Даже сама жизнь предстает в облике не имеющего ни начала ни конца самоуничтожения. Задумаемся на минуту, чем отвечает нам действительность, если мы, даже отстранившись от научной проблематики, подходим к ней с требованиями разума!

Счастье достигнуто, теперь должно оно длиться; но длительность и счастье исключают друг друга! Да и не только счастье: какую бы цель ни поставил перед собой смертный, с полной уверенностью можно заранее предсказать, что в наикратчайшее время погибнет и она! Также и сам он, ставящий цель и стремящийся к цели, — один только миг, и он — бессознательная пыль. Возможно, забота о детях, семье? Но дети и дети детей тоже станут пылью, а то, что сегодня — огромное «состояние», завтра — добыча моли и ржавчины! Быть может, стремиться осчастливить и улучшить человечество? К чему, в самом деле? Несчастий *прошлого* тем самым не изживешь, грядущее же поколение станет проклинать и разрывать как оковы то, чем его хотело одарить сегодняшнее. За пять тысяч лет страдание и нужда неизмеримо *выросли*! Да было бы и иначе, все равно придет день, когда всего человечества этого больше не будет вообще! А вместе с ним канут в Лету и все его шедевры, в том числе и пирамиды, и эпос Гомера, и симфонии Бетховена. Тогда, вероятно, защита природы? Экономите ресурсы в лучшем случае еще на два поколения, а если и дольше, все равно жизнь на Земле рано или поздно угаснет, да и сама Земля упадет на Солнце и сгорит либо погибнет как-нибудь по-другому. Вся наша Солнечная система как некогда имела начало, так некогда будет иметь и конец, более того, и Вселенная целиком, включая самые отдаленные туманности, расположенные в тысячах световых лет и фиксируемые лишь высокочувствительным зеркалом гигантского телескопа, *тоже имеет свой срок*. За всеми «погонями за иллюзиями», за бурлящей повседневной суетой человеческой, да и космической, жизни ждет часа своей неизбежной последней победы *ночь смерти*. Как сказал один мистик: «Круговоротом теней проходит жизнь, глубоко за ее красными вихрями — сон и тьма».

Вот истина совершенствующегося, т. е. *отчаявшегося*, разума, выраженная мною, правда, лишь в грубом и скудном наброске. Не раз уже истина эта имела на Земле своих приверженцев: во времена Будды, в минувшем столетии, когда некие Шопенгауэр, Байрон, Леопарди (в сущности, следуя за Шекспиром) с успехом снова смогли воспринять предание о нирване. Именно *эту* истину в виде некоего *ужасного символа* открыла взору юноши из Саиса кощунственно оскорбленная жизнь. Он

увидел вечную смерть, вечную бессмысленность, вечное «напрасно»! Как и он, то же самое найдет в конце концов всякий, кто избрал себе в наставники любопытство самовольствующего разума, вместо того чтобы принести этот последний в жертву богам.

А если кто захочет вдобавок составить представление о символе, который в один краткий миг смог бы все это продемонстрировать, лучше всего для начала обратиться к захватывающей картине Гольбайна «Пляска смерти»! Впрочем, это в сущности тот же символ, что вот уже две тысячи лет пытается выразить враждебная миру христианская религия: смысл жизни как самораспятие креатуры! Желающий в том убедиться со всей очевидностью пусть углубится в знаменитую картину «Распятие» средневекового художника Грюневальда. Настроение *бессмысленно замучиваемого до смерти* как настроение жизни вообще — вот ее глубоко пессимистическое содержание. Вчерашняя «мировая война» с миллионами истекающих кровью людей могла бы нам облегчить понимание ужасающих видений художника Грюневальда. Так можно приблизиться к открывшемуся юноше из Саиса.

Терзаемый какой-то *тайной мукой*,
Сошел он скоро в раннюю могилу...

Для того, кто смотрит на действительность через призму разума и понимания, она представляется не просто трагичной, а прежде всего преисполненной непостижимого ужаса: Медуза Горгона!

Зайдя так далеко, я хотел бы тогда уж еще раз вернуться к особому ходу мысли моего объяснения кощунственно похищенного образа Изида, данного в «Космогоническом Эросе». Что *проделывает* разум со всем, что действительно присваивает себе? Об этом говорилось не раз: он исчисляет, взвешивает, измеряет. Что, однако, через то происходит с жизнью? Только одно — рассеивание чар! В сказках и для детей существуют таинственные бездонные омуты и колодцы, разум же на тридцати саженях глубины обнаруживает дно, и с таинственной бездонностью покончено. В мифах и для «первобытных народов» в

непогоду орды демонов катаются на облаках, для разума же палящие водяные пары механически-бездушно разносятся потоками воздуха, подчиняющимися исчислимым физическим законам. И так везде и во всем — во внешнем и внутреннем мире! Словосочетание «рассеивать чары» можно без всяких проблем заменить на позитивистское «овеществлять». Но что овеществлено, то можно рассмотреть вблизи, а также потрогать и ощупать, затем «исследовать» и «понять» для потребности разума; в благочестивые же времена всякое «прикосновение» к священному образу считалось кощунством! Итак, со всей наглядностью становится ясно, что рассеивание чар мира состоит в устранении его *содержательной дали*. Человеческие стремления суть Эрос, покуда они причастны Эросу космическому; космический же Эрос — *Эрос дали*. Потому, отрицая далекое, жажда обладания убивает Эрос, а вместе с ним нимб мира и *саму действительность*. Тайна и приносящее счастье знание адепта в том, чтобы созерцать священный образ в его дали, в то же время будучи слитым с ним. «В полночь видит он солнце в сияющем блеске».

Примечания

1. Одно время вопрос этот в определенном кругу подвергался широкой дискуссии в переписке, каковой принадлежит и настоящее письмо Клагеса. Балладу Шиллера «Das verschleierte Bild zu Sais», послужившую отправной точкой дискуссии, ниже мы приводим в переводе Е. Эткинд (*Фридрих Шиллер*. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1955. С. 194–197).

Саисское изваяние под покровом

Влекомый страстью к истине в Саис
Пришел однажды юноша, который,
Стремясь постигнуть тайную науку
Египетских жрецов, уже прошел
Немало ступеней к высотам духа;
Но рвался он вперед неудержимо,
Учитель отвечать не успевал

На все его вопросы. «Чем владею, —
Твердил он, — если не владею всем?
В познание есть ли много или мало?
Ведь истина — не чувственная радость,
Которой мы, как суммою, владеем:
Порою — меньшей, а порою — большей.
Нет! Истина от века неделима!
Из радуги возьми лишь цвет единый
Иль из гармонии единый звук —
И ты ни с чем останешься, погибнет
Прекрасное единство красок, звуков».

Однажды, так беседуя, они
Вступили в одинокий круглый зал,
Где юноша увидел изваянье,
Покрытое завесой; с изумленьем
Учителя спросил он: «Что таится
Здесь под покровом этим?» И в ответ
Услышал: «Это — истина». — «Возможно ль? —
Воскликнул он. — Я к истине стремлюсь,
А здесь она таится под завесой?» —
«Об этом ты спроси богов, — сказал
Ему учитель. — Ни один из смертных,
Так боги молвят, да не смеет тронуть
Священной ткани дерзостной рукой,
Пока ее мы сами не поднимем.
А если человек сорвет ее,
Тогда...» — «Тогда?..» — «Он истину узрит». —
«Какой оракул странный! Неужели
И ты, ты сам, не поднял этой ткани?» —
«Я? Никогда! И даже искушенья
Не испытал ни разу...» — «Я не в силах
Тебя понять. Ведь если отделяет
От истины лишь тонкая завеса...» —
«Но и закон! — прервал его учитель. —
Весомее, чем мнишь, завеса эта.
Она, поверь, мой сын, для рук легка,
Но тяжела для совести людской».

В раздумье юноша домой вернулся.
Томясь познания жаждою, без сна
Он мечется, горя, на душном ложе
И в полночь вдруг встает. Неверным шагом,
Непобедимой силою влеком,
Подходит к храму. Здесь, легко и ловко
Одолевая стену, он с нее
Соскакивает прямо в круглый зал.
Достигнув цели, он стоит во мраке,
Со всех сторон объятый тишиной,
И мертвое безмолвье нарушают
Лишь отзвуки шагов по гулким плитам.
Мерцая, через купол проникает
Голубовато-белый луч луны;
И, словно бог, спустившийся на землю,
Под сумрачными сводами блестит
В таинственном покрове изваянье.

Подходит он, дрожат его колени,
Рука сама уж тянется к святыне,
Как вдруг его пронзил озноб и жар,
И он рукой незримою отброшен.
«Несчастный, что ты хочешь сделать? — так
В душе его взывает верный голос. —
Ты божество задумал испытать?»
«Да не коснется этой ткани смертный,
Пока ее мы сами не поднимем», —
Так рек оракул. Но не он ли молвил:
«Покров поднявший — истину узрит?»
Нет, будь что будет, я его сорву!
И громко крикнул он: «Хочу увидеть!» —
«Видеть!» —
С насмешкой гулко повторило эхо.

Так он воскликнул и сорвал покров.
«И что ж, — вы спросите, — ему открылось?»
Не знаю. Только полумертвым, бледным
Он утром найден был у ног Изиды.

О том, что видел он и что узнал,
Он не поведал никому. Навеки
Он разучился радоваться жизни;
Терзаемый какой-то тайной мукой,
Сошел он скоро в раннюю могилу...
«О, горе тем, — твердил он неизменно
В ответ на все расспросы, — горе тем,
Кто к истине идет путем вины!
Она не даст отрады человеку».

2. Перевод с латинского М. А. Кузьмина (Апулей. Апология, Метаморфозы, Флориды. М.: Изд. АН СССР, 1960. С. 312), в его же переводе даются и другие цитаты Апулея.

**Перевод с немецкого
Сергея Жигалкина**

Бела Хамваш: Рене Генон и метафизика общества

I. Имя Рене Генона должно быть уже хорошо известно всем. Он начал писать в «*Voile d'Isis*» еще в начале 1920-х годов. Его первые книги были опубликованы примерно в то же время. Эти работы являются одними из самых интересных в наше время. Темы книг всегда удивительны, манера повествования захватывает, мысль автора остра и быстра, заключение проливает свет на неожиданные параллели, ощущение истины не покидает, получаемое знание настолько чарующе, богато и многогранно, что, как только вы понимаете его, вы уже не можете ему не следовать.

Ожидаемо должно прийти и признание его работ. Тем не менее, хотя автор поднимает самые острые вопросы нашего времени и идет глубже, чем любой современный мыслитель (за исключением русских эмигрантов Мережковского, Иванова, Бердяева, Успенского) и с момента первых публикаций «Кризиса современного мира» и «Духовного владычества» прошло более десяти лет, он до сих пор неизвестен.

Только Леопольд Циглер и Юлиус Эвола решительно вступили под влиянием Генона на путь, на который рано или поздно должны вступить все или хотя бы прикоснуться к нему. Эти работы не имеют равных. У него есть несколько учеников, в том числе и Андре Прео, чей китайский комментарий к «Золотому цветку» достигает на нескольких страницах той цели, которой не смогли достичь три поколения ученых в течение 80 лет, от Макса Мюллера до Ричарда Вильгельма: понять и объяснить древнее китайское общество. Эта работа также находится в оппозиции к Юнгу, чьи комментарии к «Золотому цветку» можно игнорировать почти полностью.

Группа авторов «*Voile d'Isis*» взяла на себя грандиозную и более значительную работу, чем все интеллектуальные начинания до сих пор: реконструировать менталитет древнего человечества на основе опубликованных и неопубликованных доисторических текстов. Нет сомнений, что эти работы имеют мировой масштаб. Странно, что исследователи и ученые из этой же обла-

сти, кажется, не знают о них. Судя по его последней работе, очень бдительный в остальном граф Герман фон Кайзерлинг, кажется, еще не знает об этих трудах (*Vom Persönlichen Leben*). Гейгер написал свою книгу (*Die indoarische Gesellschaftsordnung*) уже после того, как Генон был изучен Эволой и Циглером, но не упомянул его. Хилько Виардо Шомерус о нем тоже ничего не слышал, хотя это было бы полезно для многих его книг. Похоже, что в немецком ученом мире есть какая-то слепота, которая не хочет замечать ничего, что происходит за пределами Германии.

В данном случае мы имеем дело с чем-то большим, чем просто научное открытие. Генон отбрасывает не только рационалистический материализм и позитивистский прагматизм. Он поворачивается против европейского сциентизма, который утвердился со времен Средневековья (*Verwissenschaftlichung des Geistes*, как говорит Зиглер) и считает его ограниченным, оскверненным, низшим фрагментом человеческого интеллекта, который он объявляет совершенно ненадежным и который презирует и отказывается от него без оговорок. Работы Рене Генона, кажется, оценивают как существенные только те личности, которые, как Эвола и Циглер, тщательно изучили весь философский и научный материал нашего времени и не смогли найти ни одной абсолютной мысли, единой твердой отправной точки, одной неоспоримой истины за весь промежуток в пятьсот лет.

Более того, то, что могло быть абсолютной отправной точкой и истиной в Европе недавних времен, мы видим сегодня в подавленном, искаженном, фрагментированном и бледном виде в тех, кого современная наука называет мечтателями, энтузиастами или мистиками, к которым она никогда не отнесется серьезно. В этом отношении работы Генона похожи на работы Ницше и, с некоторыми оговорками, на работы Шелера. Вот почему Генон признается единственной и наиболее знаковой интеллектуальной фигурой современности только теми, кто после 20–30 лет работы разочарован во всех научных и философских усилиях современного человека. Конечно, сегодня таких людей очень немного.

Интеллектуальный шаг Генона, его последовательно определяющая мысль бесконечно проста: Традиция.

II. Все сказанное станет более понятно на примере золота. Когда испанские завоеватели узнали о древнем обществе в Мексике и полуострове Юкатан, тесная аналогия между правителем и золотом, возможно, стала более очевидной. В то время, однако, никто не понял этого. Золото не было деньгами, собственно, драгоценностью или украшением в современном смысле этого слова. Оказалось, что все золото принадлежало правителю независимо от того, где оно было найдено или где оно находилось. Правитель, однако, не «пользовался» им. Согласно текстам, инкам было запрещено прикасаться к любому предмету, который не был сделан из золота. Золотые столовые приборы, тарелки, чашки, рукоятки для мечей, жезлы, трон, пряжки, булавки, пуговицы, сандалии. В этом нет никакой роскоши и тем более никакой прихоти. Была установлена явная связь между сущностью правителя, золотом и актом правления. То же самое можно найти в египетском, китайском, индуистском и ближневосточном обществах. Этот тяжелый, тускло сверкающий, подобно солнцу, волшебный металл символизировал сам акт правления. Но символизировал принципиально иначе, чем это понимают сегодня. Правление не было деятельностью, непрерывным действием властного инстинкта. Правление — пассивная способность, подобно тому, как пассивно солнце, оно просто существует, но его теплые лучи приносят жизнь. Деятельность правителя — бездействие (Дао). Солнце, золото и правитель — родственны; это аналогии, если не в земном, то в космическом смысле. Таким образом, китайский правитель — Сын Неба, в Египте Ра — воплощение Бога Солнца; это известно в Индии так же, как и в Мексике. Тот факт, что Традиция понимается одинаково в любую эпоху, среди любого народа и так было даже в совсем недавнее время, хорошо иллюстрируется примером Людовика XIV, который называл себя Солнечным Королем. Солнце — это просто синоним божественного, потому что оно само является символом Бога. Когда золото принадлежит только правителю, это означает, что золото принадлежит только Солнцу, что золото — это и есть само Солнце. Все это аналогии и символ центра: Бог.

Важно следующее: золото не принадлежит правителю, оно принадлежит Богу. Ни один человек из плоти и крови не

может объявить маленький кусочек золота своим собственным. Непосвященный человек, носящий или несущий золото, считался святотатствующим в Китае, Индии, Египте, Перу и в древней Халдее. Вполне естественно, что такой человек заслуживает смерти. Поскольку тот, кто скрывает один кусок золота для себя, крадет часть света и Солнца, которые предназначены для всех, крадет для себя часть силы, на которую он не имеет права. Он претендует на то, что принадлежит всему миру, в корыстных и индивидуальных целях.

Ни одно преступление не является более злым и порочным. Соккрытие материализованного солнечного света означает, что человек нарушил космический порядок и очернил божественный символ. Золото на храме и в храме принадлежит только Богу, который излучает его людям. Когда правитель окружен золотом, это не означает, что металл является его добычей, точно так же, как ни власть, ни могущество не являются его добычей. Король — просто символ и хранитель. Филакс, как говорит Платон в Тимее. Так говорят Дао дэ Цзин, Веды и Заратустра. Каждая древняя традиция в любой точке земного шара, от Перу до Китая, единодушно стоит на том, что золото — это солнечный свет, правитель — земное проявление божества, стоящее над человеком, недостижимое и неприкосновенное. Царский символ — корона, золотое Солнце — может находиться только на челе правителя.

Чтобы объяснить глубже, четче и правдивее, необходимо ввести и четвертый мотив. Этот мотив — время. Метафизическая отсылка к золоту и времени совершенно ясна из таких понятий, как «золотой час», «золотой век» или выражение «время — деньги», где деньги означают золото. Время эквивалентно золоту. Если мне нужно время чьей-то жизни, я должен заплатить за него золотом, потому что золото — единственное, что может компенсировать потерянное время. Людям платят не за их работу, а за время их жизни; оплата за результат — признак материального мышления, типичного для нашего времени. Если я заберу день (Солнце), я должен вернуть его же — Солнце. Солнце — хозяин времени, оно также означает само время, и подобно тому, как золото — сгущенное Солнце, так оно является и сгущенным временем. Золото — материализованная веч-

ность. Вот почему оно стоит дорого. Существует время, за которое вы не в силах заплатить, и тогда вы говорите: «не хватает денег». Есть и то, что вы не отдадите за «богатства Дария».

Итого мы видим четыре мотива: Солнце, правление, время и божественное. Это золото.

Золото прошло долгий путь, пока не добралось до текущего состояния: валюта, эквивалент денег, украшение женщин, товар биржевых маклеров, игрушка кинозвезд, портсигар курильщика, карманная цепочка, часы... Все это потребовало долгого пути. И это путь вниз. Король начал считать металл своей собственностью. Одновременно золото перестало восприниматься как Божество, космическое Солнце, жизнь, поддерживающая трансцендентную Силу в центре. Царь стал человеком и перестал быть божественным Филаксом. Золото стало его частной собственностью. Добычей и роскошью. Одновременно космический Божественный свет стал тусклым для людей, и золотой век закончился. Можем ли мы сказать, что это меньший грех, когда не обычный вор, а царь скрывает золото от мира? Когда первый царь присвоил золото лично себе, он положил в карман неограниченную доброту и жизненную силу сверхчеловеческой Божественной силы. Он взял часть для себя, и таким образом он опорочил силу света, который излучал на всех, поддерживая золотой век. Цари стали самолюбивыми, эгоистичными, демоническими, подобными черной магии. Свет перестал беспрепятственно сиять на живое, и все на земле стало тусклым. Времена смешались. Этот шаг известен всем священным писаниям: Ведам и Дао дэ Цзин. Это известно в Египте так же, как в Иране и Перу.

Второй шаг вниз произошел, когда золото выскользнуло даже из рук царя и попало еще ниже — в руки рыцарей, или кшатриев на санскрите. Затем оно опустилось еще ниже, когда вайшия своровали его. На данном этапе это просто деньги. Предмет мены. Теперь даже жена лавочника надевает на шею Солнце, золотом платят за мясо животных, недвижимость и еду. Все может быть приобретено с помощью золота. Теперь оно принадлежит торговцам. Но на этом все не остановилось. Оно упало ниже, к шудрам и бандитам; пираты начали убивать за золото. Это стало мечтой пролетариев. Толпа получила доступ к золоту, и у каждо-

го может быть такая корона, какую он захочет. Единственное, что имеет значение сейчас, — у кого больше золота. Чем больше его у человека, тем он сильнее, могущественнее, тем он лучше, тем счастливее. Эра последовала их примеру: мы живем в век раздробленности, мрака и реактивности. Власть перешла из рук аристократии в руки купцов, а затем пролетариев. В руках шудр (низшего сословия) золото больше не является символом, это просто металл. Они не осознают, что золото ничего не может утратить из своей изначальной природы, и даже сегодня оно является таким же знаком силы, Солнца и Божественного могущества, как это было в древние времена: материализованное Солнце и символ золотого века. Но будучи осмысленным как материальное, оно стало злом. Все знают, что такое «золотая лихорадка» — экономическая лихорадка полей Аляски, шахт Урала, конкисты. Сейфы американских банков много могут поведать об этом — о дьявольских ростках современного безумия жизни, диком отчаянии, с которым человек гонится за богатством. Все это показывает, что речь идет о демонизированном желтом металле, о светской власти. Но кто осмелится обвинить в катастрофе этот яркий и почти фантастический символ?

Это была история золота.

III. Генон не рассказывает эту историю. Это всего лишь иллюстрация, чтобы пролить свет на традиционный образ мышления. Генон отбросил современный разум как средство познания и обучения и заменил его интеллектуальной интуицией (*intuition intellectuelle*). Он также отбросил современную науку и заменил ее Традицией. Он основывал человеческое знание не на прогрессе, а на мудрости древних.

Первые артефакты Традиции неизвестны. Самыми древними записанными текстами, которые мы знаем, являются Веды, египетские папирусы, древнекитайские тексты. Но и до них существовала Традиция, которая передавалась устно.

Традиция Генона, пространство метафизики, совершенно превосходит все интересы и выгоды и полностью независима от всего, что не относится к сфере чистой истины. Эта Традиция Духа является единственным основанием, на котором можно стоять устойчиво. Тот, кто сходит с этого основания, сам при-

чиняет катастрофу. Существует только одно знание — мТрадиция. Только один порядок — Традиция. Только один закон — Традиция.

Современное мировоззрение полагает, что с идеей прогресса во главе оно достигло невиданных ранее высот. Но современность является лишь типичным представлением *esprit antitraditionnel*. Наука — это низшее знание (*connaissance inferieure*), и она также нелегитимна и профанна. Современная наука — не что иное, как фрагменты древних знаний. Прогресс есть регрессия интеллекта. Различные научные области являются иллюстрациями чисто традиционных знаний с профанной точки зрения. Совокупность современных знаний не имеет принципа или имеет принципом нигилизм. Мысль, которая могла бы стать основой этой науки, — простое отрицание. Отрицание интеллектуальной интуиции. Бесспорные истины, однако, могут быть найдены в ней интуицией, означающей безошибочность. Эту интуицию не следует путать с интуицией современной философии. Интеллектуальная интуиция Традиции не рациональна, а сверхрациональна.

Мы можем видеть эту путаницу и отсутствие порядка в обществе, а также в науке и мышлении. Основания для чего-либо отсутствуют. Традиция отрицается. Традиция, однако, — это не деспотизм и не просто теория. Это вечная основа человеческого существования — древнее знание, действительное для всех эпох, для всех людей, для всех народов и обществ. Современная эпоха считает, что новые истины могут быть придуманы; однако истина никогда не может быть новой, потому что Истина не является продуктом человеческого разума — она существует независимо от нас, мы можем только открыть ее. Но как только мы познаем ее, мы никогда не сможем отклониться от нее без наказания. Тот факт, что сегодня об Истине судят с практической точки зрения, просто смешон. Натурализм современной эпохи, который сфабриковал эту мысль, на самом деле является отрицанием метафизики и традиции. Природа истины метафизична и стоит выше всех практических соображений.

IV. Как мы видим из сказанного о золоте и сопутствующего, традиция Рене Генона — универсальная и фундаментальная мысль, которая имеет только одну особую концептуальную ха-

рактеристику и состоит в том, что она метафизична. Это означает, что историческая философия, история, общественные науки, мировоззрение, психология личности, антропология — все сходится в одной точке. Генон обеспечивает универсальную основу, которая, помимо метафизики, также имеет историческую перспективу. Одно важное замечание: эта метафизика принадлежит не ему, а древнему человечеству и нынешнему человечеству, потому что она есть единственное, истинное, законное и абсолютное учение. Знания Генона охватывают все, что является фундаментальным для человечества: египетские, иранские, индуистские, китайские, древнеамериканские, эллинские и раннехристианские писания и учения. Кажется, что его рукой все это, казалось бы, спорадическое и наиболее разнородное мышление и знание действительно объединено в одно целое, которое является древним знанием и вечной, вневременной Традицией.

Традиция есть *synthèse complète*. Это не религия. Существует множество религий, но есть только одна Традиция. Все исторические религии являются проекциями единой Традиции в определенных расах, нациях и эпохах. Традиция является источником и началом интеллекта — учения о бытии, порядке, человеке, обществе, истории, религии и жизни. Все, что существует, и все, кто существуют, и то, как они существуют, обязательно причастны универсальным принципам, и ничто не возможно без причастности этим принципам... Эти принципы являются вечными, неизменными и неизменяемыми, «непреходящей реальностью» в божественном смысле.

Если вы захотите ознакомиться со спецификой традиционной метафизики, применимой к обществу, вы обнаружите следующее.

Порядок Традиции таков, что человечество должно жить в той же иерархии, что и человек. Оно должно руководствоваться духом, власть должна следовать за духом, экономика должна подчиняться власти, а материя должна подчиняться экономике. Эти четыре жизненные функции в обществе представлены четырьмя кастами. Дух — это брахман, сила — это кшатрий, экономика — это вайшья, а материя — это шудра. Священник, воин, торговец и рабочий. Максимальна активность у священников, потому что дух предшествует всему и стоит превыше всего.

Функция священства заключается в сохранении Традиции и обучении ей. Эта Традиция содержит законы социальной организации и ее основные принципы. Брахман имеет дело с чистой метафизикой. Так функционировали не только индийские, но и все древние общества. Генон может бесконечно приводить примеры, которые иллюстрируют этот факт.

Превосходство священника было свергнуто воином. Это эпоха, когда золота больше нет в храме, оно не предназначено для Бога, потому что оно больше не является символом силы, света, вечности и золотого века, но начинает становиться человеческим — оно становится демоническим, вплетается в рок и становится дьявольским желтым металлом, за который люди начинают убивать и сражаться. Начинается кровопролитие и война. Золотой век ушел. Рыцарь, дворянин, аристократ и воин находятся в центре внимания, что означает, что власть перешагивает через дух. Баланс духа (представленного сверхрациональным интеллектом) и власти нарушается: дух больше не определяет, что делать; сила действует без предварительного духовного распоряжения. Это начало конца. При этом отрицание всех трансцендентных принципов стало распространенным явлением. Священники — хранители духовности. Этот факт должен быть отражен в обществе: *autorite spirituelle* должен быть на вершине. Воин не должен становится лидером. Воин имеет дело только с мирской властью. *Pouvoir temporel. Les Hommes, qui sont faits for l'action, ne sont pas faits for la connaissance.* В обществе, которое стоит на традиционных основаниях, особые функции должны быть исполнены людьми, которые были рождены специально для этого и подходят идеально. Священник должен быть священником, воин — воином. Священник — это духовник, знающий закон и обладающий трансцендентным знанием. Воин — человек власти, исполняющий закон. *Autorité spirituelle* — духовный авторитет: наблюдающее начало и функция; *pouvoir temporel* — исполнитель и активная власть, активное начало и функция. Последний подчиняется первому так же, как сила руки подчиняется мышлению мозга и интеллекта (*pouvoir temporel — une délégation de l'autorité spirituelle*). Если действие не руководствуется духом, оно является злым и бессмысленным (*un vaine agitation*).

Воин вышел вперед и принес с собой борьбу — метафизику войны. Речь о превосходстве действия над духом. Этим актом он повредил всем низшим кастам и перевернул традиционный порядок с ног на голову. Этот поворотный момент в мировой истории — VI в. до н. э.: Лао-Цзы, Конфуций, Будда, последний Заратустра, Гераклит, Пифагор, начало исторической эры, рождение современного человека, окончательное исчезновение золотого века, появление революций и ненависти, распад кастового устройства и начало кризиса.

V. Знания Рене Генона гораздо богаче, содержание его книг гораздо значительнее, а мысль о Традиции гораздо более универсальна, чем эта попытка представить его наследие. В наше время это было бы в любом случае невозможно изложить, хотя он объяснил важные аспекты Традиции, в основном в своих книгах об индуизме. Однако полагание основы универсальной Традиции все еще продолжается, и нельзя ожидать его полного завершения в ближайшем будущем. Говорят, что сейчас Генон живет со своими учениками в Египте, где он изучает древнюю египетскую и мусульманскую традицию после того, как изучил и все еще продолжает получать и изучать материалы с Дальнего Востока, Тибета, Ирана, Северной Африки, кельтского мира и Америки. После Генона Леопольд Циглер принял аналогичную попытку объединения Традиции со своим «*Überlieferung*». Поиск связей, несомненно, приведет к содержательному взгляду, который может направить целую эпоху.

Еще несколько слов о настоящем: сегодня, согласно Генону, мы находимся в конце Кали-юги (Темного века), когда золото тонет в материи, становится разменной монетой, марается кровью и грязью. А значит, сила и дух, иерархия и порядок исчезают, сломанные и униженные. Ничто не следует за этой эпохой. Нельзя пасть ниже. Это апокалипсис, описанный в Ведах, «Эдде», у египтян, китайцев и в Новом Завете. Современный человек не хочет принимать это всерьез. Он говорит, что это фантазия, религия, бред. И, не веря тому, что было известно десять тысяч лет назад, он следует за своим роком. В то время как наука со щепетильным автоматизмом постоянно говорит о прогрессе и силе человеческого разума, политизированная власть отчаянно ищет решения, а запутанные народы мечтают о мире и

братстве во всем мире, традиционные знания видят, что положение не может быть исправлено и что эпоха должна быть завершена.

Наступил кризис, *discernement des esprits*, как сказано в Книге Откровения Иоанна Богослова: доброе зерно будет отделено от дурного. Разделение — это и есть кризис. Путь подошел к концу, и теперь мы должны вернуться к началу. Но не каждый сможет вернуться. *Discernement des esprits* означает отделение бесплодного интеллекта от плодотворного. Это цель кризиса. Плодотворные начала направляются к обновлению. В Геноне мы нашли проводника, который представляет вечную Традицию. Это приведет нас к истоку, к новому началу и обновлению. В своей книге «Кризис современного мира» он не скрывает, что конец эпохи, страшный суд и разделение будут ужасны. Есть лишь немного избранных. Они уже сейчас очень страстно хотят освободиться от нынешнего ложного гуманизма, ложного идеализма братства и занять свое место в иерархии. Этому будет предшествовать восстановление духа Традиции — *c'est l'unique remède du désordre actuel*.

Общество, как и во все периоды жизненного цикла, в последний раз в европейском Средневековье перестает быть эксплуатирующей компанией, трудовым лагерем или ограбленной толпой и возвращается к иерархии, к человеческим условиям, соответствующим человеческой природе, каким бы словом их ни называли: касты или классы. Оно возвращается к духовно-управляемому порядку, основой и сущностью которого всегда была и всегда будет метафизика.

1942 г.

Перевод на русский
Максима Маковчика

Ананда Кумарасвами: Игра и серьезность⁴⁶

Взаимодополняющие стороны идеи игры рассматриваются в ценном исследовании д-ра Курта Риклера, опубликованном под этим заголовком в «Journal of Philosophy» (1941, XXXVIII, P. 505–517), а также в моей работе «Līlā». Точки зрения встречаются и совпадают в словах Гераклита, процитированных обоими авторами.

Интерес д-ра Риклера состоит в основном в разграничении чистой игры и сугубо серьезных действий, мой — в различении игры и работы на более высоком ценностном уровне. Наша божественная суть, настоящее Я (*ātman*. — *прим. пер.*), или «Душа души», непреходящий наблюдатель судеб, проживаемых ее психологическими «колесницами» (Майтри Упанишада, II. 7, III. 2 и т. д.), точно не «заинтересована» и не вовлечена в эти судьбы. А значит, она не воспринимает их всерьез, как и другие актеры не воспринимают всерьез судьбы героев, или ее можно назвать не более чем наблюдающей игру, но никак не вовлеченной в нее. Именно подразумевая эту нашу лучшую часть, с которой мы отождествляем себя, если «знаем кто мы есть», Платон не единожды говорит, что «человеческие дела не следует воспринимать слишком серьезно» (*μεγάλης μὲν σπουδῆς οὐχ ἄξια*, Законы, 803BC, ср.: Апология, 23A), и нас призывают «не заботиться о завтрашнем дне» (Матф 6. 34).

Не следует путать такое отсутствие «интереса» с тем, что мы подразумеваем под «апатией» и инертностью, которая становится последствием подобной атараксии. В действительности «апатия» подразумевает независимость от мотивации удовольствием или страданием; она не предполагает исключение деятельности *κατά φύσιν* (в согласии с природой. — *прим. пер.*), но только от деятельности, внушенной принуждением. Апатия есть недвижимый противовес духа и свобода от сентиментальности. Мы еще помним, что беспристрастный чиновник станет лучшим

⁴⁶ Впервые опубликовано: Journal of Philosophy. 1942. XXXIX. P. 550–552. — *прим. пер.*

правителем, чем тот, кто проводит личные «интересы»; «тирания есть монархия, осуществляемая в личных интересах монарха» (Аристотель, Политика, III. 5). Хороший актер — это тот, кто «играет нечто», а не тот, кто пользуется возможностью самовыражения. Хирург просит другого прооперировать члена семьи только потому, что третий человек менее «заинтересован» в судьбе его жены или ребенка, а значит, более способен играть со смертью. «Природе искусств противно искать благое за пределами своего предмета» (Платон, Государство, 342BC).

Игры значимы для нас, хотя это кажется ненормальным, и если мы будем рассматривать игру и серьезность с более универсальной человеческой точки зрения, мы должны тогда помнить, что «игры» (и сейчас речь идет о всех атлетических состязаниях, акробатических и театральных представлениях, фокусах, шахматах, азартных играх и основных детских играх, которые в действительности не просто безыскусные потехи⁴⁷) не есть «простые» упражнения, постановки или забавы, имеющие эстетическую или другую ценность, но они значимы именно метафизически. Платон ставит вопрос: «Живем ли мы для того, чтобы непрерывно играть? И если так, то в какие игры?» и отвечает: «В такие как жертвоприношения, воспевания и танцы, которыми мы можем получить расположение богов и одолеть наших врагов» (Законы, 803DE). *Ludus* лежит в основе слова «ludicrous» (смешной, нелепый. — прим. пер.); но в латинском словаре Харпера мы видим: «*Ludi*, народные игры, постановки, спектакли, выставки, делаемые во славу богов и т. д.».

Тем не менее играя, нельзя выиграть ничего, кроме «удовольствия, завершающего операцию», а такой подход делает игру ритуалом, и мы уже не играем беспечно, но так, как если бы от победы зависела наша жизнь. Игра подразумевает порядок; о том, кто не соблюдает правила (чего хочется гораздо сильнее, когда итог игры значим более всего), мы говорим, что «он уже не играет в игру»; если мы так ревностны, так заинтересованы в том, что на кону, что готовы «ударить ниже пояса», —

⁴⁷ Ср.: Отто Ранк. *Art and Artist*. N. Y., 1932. гл. 10 «Игра и Судьба» и Кумарасвами. *Символизм стрельбы из лука*. 1943 (русскаяязычное издание — М.: Беловодье, 2015. — прим. пер.).

это уже не честная дуэль, а скорее умышленное убийство. Действительно, играя по правилам, мы можем и проиграть: но главное в игре — это то, что она ведется не только для победы, но мы в ней исполняем роль, согласную с нашей собственной природой, и наша единственная забота — в том, чтобы играть хорошо, вне зависимости от результата, который мы не можем предвидеть. «Итак, на дело направь усилие, о плодах не заботясь; да не будет плод дела твоим побуждением, но и бездействию не предавайся» (Бхагавад гита, II. 47) «Битвы проигрываются с тем же настроением духа, что и выигрываются» (Уитмэн); победа зависит от многих факторов, не всеми из которых мы можем управлять, и мы не должны заботиться о том, что не в нашей власти.

Деятельность Бога называется «игрой» именно потому, что в этой игре нет никаких личных целей, которые Он обязан преследовать; именно в этом смысле «жизнь — игра», что справедливо настолько, насколько наша сущность играет, но не становится частью игры. С этой точки зрения игра никак не отличается от рутинной работы.

**Перевод на русский
Максима Маковчика**

Юлиус Эвола:

Пришествие «пятого сословия»

Одна из неоспоримых заслуг марксистской историографии состоит в попытке определить основное направление хода истории и точно выделить его фазы, выйдя за рамки рассмотрения отдельных событий, на которые иные историографии обращают обычно все свое внимание. Это войны, национальные потрясения, прочие события того или иного типа. Все эти случаи рассматриваются ею не как произвольные, но как вторичные и эпизодические проявления единого процесса глобального развития.

Практически ни одной попытки такого рода до сих пор еще не предпринималось противоположным лагерем, т. е. «правыми». В действительности же марксистская интерпретация «смысла истории» (как экономически детерминированной последовательности, фатально приводящей к доминации рабочего класса) должна быть начисто отвергнута. Однако такое отвержение может произойти лишь при постановке проблемы на методологически адекватном уровне, где признается необходимость рассмотрения исторических событий в столь же широкой схеме, но продиктованной совершенно иными, высшими критериями, в отличие от грубых и примитивных подходов исторического материализма.

Тем не менее общая концепция, которая могла бы послужить основой антимарксистской историографии, уже существует. Эта концепция прослеживается в трудах некоторых традиционалистских авторов, в первую очередь Рене Генона, а также В. Веццани и Г. Берля, частично О. Шпенглера, и представляет собой рассмотрение особенностей циклического развития цивилизации. В данной статье нас особо интересует выделяемый в этих трудах феномен пришествия «пятого сословия». Но прежде всего для правильного понимания проблематики здесь необходимо осветить стержневую традиционалистскую идею о регрессе, нисхождении доминирующих ценностей в некогда иерархическом «нормальном» обществе. В процессе этого нисхождения тип цивилизации и политическую власть определяют последовательно четыре сословия: духовная и сакральная элита, военная

аристократия, буржуазия, концентрирующая свои интересы исключительно на экономике (каста вайшья в индуизме), и, наконец, работники, «простой народ».

На примере известной нам истории мы можем утверждать, что традиционная иерархическая пирамида рухнула и нисхождение «прошло» через все эти четыре уровня. Цивилизации, где правящее сословие основывало свою власть на сакральном «богоданном праве», и общества, управляемые военной аристократией, составляли, в сущности, единую фазу, которая завершилась с уходом великих европейских династий. В эпоху Французской революции победу одержали принципы индустриализма и либерализма, к власти пришло буржуазное, плутократическое третье сословие «королей» угля, стали, бензина и т. д. Социалистические и пролетарские движения, которые нашли свое логическое оформление в коммунизме и советизме, возвестили о приходе к власти последнего слоя этой иерархии — четвертого сословия — и начале глобального противостояния стран, где оно победило, с теми странами, где все еще правит третье сословие.

Если бы эта схема заканчивалась таким образом, впору бы было говорить, не о «смысле истории», а о ее бессмысленности. Но прекращается ли процесс нисхождения на четвертом сословии? В период между двумя мировыми войнами в Карлсруэ вышла маленькая и весьма оригинальная книга, автор которой — Г. Берль — попытался ответить именно на этот вопрос. Эта книга так и называлась — «Пришествие пятого сословия» («Die Heraufkunft des Fünften Standes»). Помимо ее теоретического содержания и интерпретации истории как регресса, эта книга преисполнена эмоциями. Берль писал ее в туберкулезном санатории, полностью поглощенный изучаемой проблемой («От каждой страницы исходит жар», — сказал как-то сам автор). Умозаключения Берля, освобожденные от некоторых чрезмерностей, могут быть довольно интересны для всех, кто хочет разобраться в определенных аспектах нашей эпохи.

По Берлю, историческая деградация отнюдь не завершается на четвертом сословии, на мире коллективизма, марксизма и коммунизма, она продолжается с появлением пятого сословия. Что оно собой представляет? Здесь надо остановиться на идее того, что любая организация рождается во взаимодействии двух

элементарных принципов — сил порядка и сил хаоса. Первые либо пресекают вторые, либо сдерживают их в определенных рамках. В традиционных цивилизациях подчеловеческие, «демонические», как говорил Гете, силы хаоса были связаны, обузданы, подчинены высшему закону и авторитету естественного объединения духовных, героических и аристократических ценностей. Но когда цикл подходит к концу, представители этих ценностей утрачивают данную миссию и освобождают место для сил деструкции, которые, в конце концов, одерживают верх. Здесь и пролегает граница, которую можно назвать пришествием пятого сословия.

В феномене «революции» как таковом всегда происходит выход на поверхность некоего бесформенного субстрата, более или менее выявляющегося в позднейшем развитии, но в этой первой фазе проникнутого диким желанием разрушения и уничтожения, страстным порывом к растворению личности в коллективе и «коллективном демонизме». Страницы, написанные Жозефом де Мэстром о Французской революции, являются в этом отношении вневременным зеркалом. Кроме того, отсюда можно вывести понимание четвертого сословия вообще как антисословия, поскольку любое подлинное сословие имеет традиционный смысл: воплощение в реальности высшей идеи. Исходя из этого видения, Берль считал характерным симптомом современности, например, организованную преступность, типичным образцом которой является, в частности, американский гангстеризм. Вообще, характеристика новых времен невозможна без явного фактора организации. Однако парадоксальным образом этот фактор означает «организованный хаос». Те же силы, которые скрываются внутри политических систем, порожденных четвертым сословием, коммунизмом и марксизмом, не исчезают, но продолжают действовать на еще более низком уровне.

Поэтому пришествие пятого сословия необходимо рассматривать не только в социальном или политическом контексте, но и на уровне личности, точнее — разрушения личности. История всегда знала жестокости и зверские злодеяния, но для диагностики именно нашей эпохи типичным элементом выглядит мрачная методичность рационально продуманного вырождения, имеющая целью превратить людей в безвольных марио-

неток (некоторые ценные соображения по этому поводу, хотя и не лишённые односторонней тенденциозности, выдвигает католический экзистенциалист Габриэль Марсель). Этого достаточно для того, чтобы задуматься о закулисной стороне некоторых процессов, протекающих по ту сторону железного занавеса, в режимах концлагерей и «перевоспитания». Там уничтожается все то, что делает из человека полноценную личность. Такое уничтожение личности, конечно, разнится по форме с западным, но знаки определенной конвергенции между ними очевидны.

Со времени, когда вышла книга Берли, и в иных сферах современного мира становятся все более явственными феномены «выхода на поверхность» того субстрата, о котором мы говорили выше. Здесь необходимо коснуться, например, некоторых аспектов того, что называется сегодня революционным «поколением». Революция может быть подлинно легитимной, если она направлена против той цивилизации, где все отныне лишено высшей оправданности, пусто и абсурдно, механизировано и стандартизировано, и которая неудержимо стремится к торжеству подчеловеческих реальностей в мире аморфного количества. Но когда речь идет о «бунтовщиках без знамени», когда революция является самоцелью, сопровождается разгулом страстей, примитивизмом, опорой на низшие инстинкты (секс, негритянский джаз, хмельной восторг, беспричинную и криминальную жестокость, потворство всему вульгарному и анархическому), необходимо обозначить прямую связь этих феноменов с действием сил хаоса, прорывающихся на земную поверхность и делающихся все более и более видимыми в нашем мире. Этими силами некоторые люди уже буквально одержимы.

Здесь можно также проследить эти феномены и в иных сферах, осуществляющих массированный натиск на личность. Что представляет собой, например, психоанализ, как не разрушение тех перегородок, доступ к которым был, возможно провиденциально, закрыт ранее, в мире Традиции? Как не вскрытие в душе человека подчеловеческих недр, переворачивающих все ценности и выдающих еще этот переворот за благую попытку объяснить тайны человеческой психики? С помощью левой идеологии этот феномен распространяется и на социально-исторический план: такое замещение оправданных свыше поли-

тических структур догмой «прогресса» соответствует восстанию против того, что еще античная мысль называла термином «гегемоникон», «принцип вождя». Человек в этих условиях низводится на уровень простой социальной единицы.

Но основной интерес среди кратко изложенных здесь идей вызывает социальная и экзистенциальная проблема «смысла истории», которую теперь надо рассматривать в контексте знаменательных симптомов, выделенных в логике исследования. Однако надо избегать преувеличений и всех форм «апокалиптизма»; все же многие вещи среди представленных здесь должны лишь побудить к напряженному размышлению того, кто еще пребывает в наркотическом плену мифа о прогрессивной демократии и не способен постичь условия и причины такого течения событий. Четырехчастное нисхождение цивилизации и социальных организаций — это реальность; и после этого в наше бытие прорываются инфернальные силы, силы хаоса, которые уже не принадлежат собственно человеческому миру. И в этом процессе формула «пришествие пятого сословия» служит прекрасным выражением сущности этого страшного и невыносимого ранее периода, характеризующего финальную стадию «Темного века», Кали-юги.

**Перевод с итальянского
В. Штепы**

Велеслав: Мировое Древо и Сакральная География

Есть два Пути. Первый увлекает нас в странствия по дорогам земным и по этому дольному Миру. Второй влечет нас в Мир Горний: *вглубь* или *вверх* — в зависимости от того, какой Образ Мира доминирует в нашем уме. Мы можем изучать внешнее, а можем обратиться ко Внутреннему. Можем двигаться, следуя географии внешней, а можем восходить к иным уровням Сознания, следуя *Узору* Пути, о котором нам говорит Сакральная География.

Последняя всегда опирается на принцип Центра, Полюса и проходящей через него Мировой Оси. Великое Мировое Древо в разных традициях и символизирует собой эту Ось, или Ост Всемирья — Родовой Столб, вокруг Коего встали в Священный Хоровод наши Родные Боги. Ост Всемирья — это Священный Фаллос Бога-Отца, а Коло вокруг — Священное Лоно Богини-Матери. *Лингам* и *Йони* — Велес и Морена в Учении Великой Нави — Дух и Материя в Их нерасторжимом ЕДИНСТВЕ.

Странствуя по пределам земным, мы встречаемся и одновременно раскрываем, актуализируем в себе различные качества нашей души, свойства Богов и одновременно разные аспекты Сознания. Сознания не только и не столько личного, сколько Божественного, ЕДИНОВОГО. Странствуя в Беспредельности по Вертикали Духа, мы раскрываем и актуализируем в себе разные уровни понимания, а также глубины и высоты Духовного *Прозрения*.

Родная Вера, в целом, учит нас любить Жизнь и из этой Любви взаимодействовать с Силами Всеживой Матери-Природы. Стезя Ведания помогает нам раскрыть Любовь как Волю к ЕДИНСТВУ по ту сторону эмоциональных эксцессов и чувственной вовлеченности в блуждания по временам и пространствам Великого Коловращения всего сущего. В Природе мы любим Целое через частное, а на Стезе Ведания — частное как проявление Целого.

Пока мы, влекомые желанием жить или даже жаждой познания, движемся естественным Природным Путем, нам может казаться, что эти два Пути различны. Но когда Духовное Про-

зрение высвобождает нас из оков двойственного восприятия, между внешним и Внутренним более нет разницы, и даже в капле мимолетного летнего дождя мы видим и ведаем невыразимое в словах Сияние Несмеркаемой Звезды — Черного Солнца *Неспящих* — нашей Истинной Природы по ту сторону *сна*.

Sapienti sat!

2019 г.

Вальдр: Кто есть Регины?

Vafþrúðnir kvað:

39

Í Vanaheimi

skópu hann vís regin

ok seldu at gíslingu goðum,

í aldar rök

hann mun aftr koma

heim með vísun vönum.

Вафтруднир сказал:

39

Он мудрыми силами создан, и послан
Заложником из Ванагейма к богам.

Когда же постигнет

Властителей гибель —

К вanam вернется он вновь.

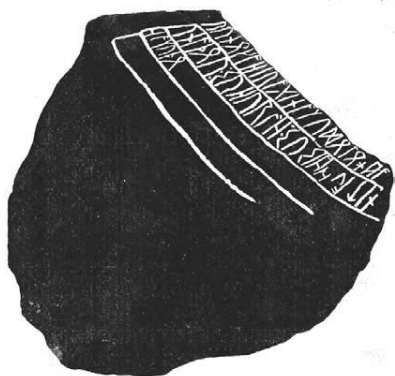
Речи Вафтруднира (пер. С. Свириденко)

Читая «Эдду», изучая рунические камни и росписи, саги, поэмы и иные источники, мы так или иначе подходим к столкновению с Регинами, но ничего, кроме крошечной пелены и тотальной неясности, не остается с нами впоследствии. Огонь, что зажигается от прикосновения с их именем, намеком на их существо, в нашем hugr (др.-исл. предчувствие, мысль, сердце) быстро тает, оставляя лишь томный гул эха, укрываясь в глубинах нашего minni (др.-исл. память). Отчего они так содрогают наше нутро и так скоро покидают нас? Может быть, нам просто не дано их помыслить, принять то, что тотальная и непреодолимая тайна скрывается за спинами наших Божеств. Кто они — Регины? Что они являют собой? В этом тексте мной берется на себя большая ответственность — помыслить о той тайне и рассуждать о тех силах, которые часто остаются вдали от наших теологических дум.

Упоминаний о Регинах в дошедших до нас источниках практически не осталось; есть лишь скудные крупинки, отрывочные сведения, намеки на эти «инстанции». Но при этом то, что нам осталось, говорит об их всепронизывающей силе, великой власти, что им дана. Быть может, сколь неизвестны и сокрыты они от нас, столь же сокрыты они были и от наших мудрых предков. Но мой вопрос все же остается прежним: кем же было это племя Богов и было ли оно племенем вообще?

Мы знаем достаточно о племенах ванов и асов, знаем о дисах и альвах, нам также известен род из Утгарда: турсы и прочие существа хтонического порядка. Но что мы знаем о Регинах, кто они такие?

Само имя, встречаемое нами, может иметь несколько отличные переводы, но смысл их сводится примерно к одним структурам. Они значат: «высшие Божества», «те, кто управляют, правят», «могучие», «дикие», «сильные», «план, порядок, решение», «приводить в порядок, улаживать, регулировать». В «Eyrbyggja saga» (др.-исл. «Сага о людях с Песчаного берега») всплывает выражение «regin-naglar», вероятно, оно означает «божества-гвозди», «божества, кои удерживают, словно гвозди, мироздание от распада в Хаос».



«runo fahi ragina *ku[n]do...»

«Руны нарисил, [руны],
ведущие происхождение
от Правящих...»

Иллюстрация:
рунический камень
из Noleby (Швеция)

Перевод надписи —
Л. Кораблев.

Есть и другой пример с практически идентичной надписью в Sparlösa (Швеция), начертанной рунами младшего футарка: «ok ráð rúnar þær reginkundu... Lufu fáði» — «И толкуй руны те, ведущие происхождение от Правящих... Люв [их] нарисил/начертал» (пер. Л. Кораблева).

Здесь можно сказать, что так как руны даны Alfaðir (др.-исл. Всеотцом), то речь в этих надписях идет про асов, но зная наши мифы, мы понимаем, что в них всегда что-то скрывается.

Þat er þá reynt,
 er þú að rúnum spyrst
 inum reginkunnum,
 þeim er gerðu ginnregin
 ok fáði fimbulþulr,
 þá hefir hann bāzt, ef hann þegir.

Вот что отвечу,
 когда вопрошаешь
 о рунах божественных,
 что создали сильные,
 а вырезал Вещий:
 благо в молчанье.

Речи Высокого (пер. А. И. Корсуна)

Это то, что подлинно способно ввести в ступор. Поначалу нами, скорее, это проигнорируется, ведь нам сложно понять, как это — нечто, что выше? Выше богов? Зачастую причиной этому служит наш авраамический опыт, он не столько вшит в нас, сколько встроен в культуру и уже из нее довлеет и заставляет склониться к определенным теологическим фундаментальным позициям. Да, божества могут не являть собой акторов своей судьбы. Да, судьба — понятие очень сложное, особенно судьба Бога, и в нашей традиции она довлеет над ним.

И тут вдумчивый читатель и знаток может встать в некий тупик. Каким образом в пространстве идеального, где обитает Божественное, может разворачиваться судьба? Ведь пространство идеального есть вечность.

Это самый важный момент моего рассуждения, ведь он вплетается в вектор толкования мифов. Как нам известно из сравнительной мифологии и дошедших до нас мифов нашей традиции, мифы не имеют претензии на хронологию. Они вне этой категории. События и явления мифов не имеют логической последовательности в рамках уже привычной аристотелевской логики. Более того, одно событие может передаваться порой диаметрально по-иному, и поведение его действующих лиц, их образы и даже этос, могут претерпевать глубинную трансформацию от мифа к мифу. Это к чему-либо счастью или горю отпугивает от мифов разного рода «челядь». Божества в одном мифе могут раскрыть себя как величайшие соблазнитель и любовники, а в ином существенно как скопцы. Например, Bileyr (др.-исл. Одноглазый); конечно, миф о процессе кастрации Hár (др.-исл. Высокий) не со-

хранился, но такое хейти, обращенное к нему, говорит о наличии некого мифа, повествующего об этом случае.

Эпизоды мифа, как было сказано выше, не только хаотично разбросаны, разрушая привычный обывателю хронологический порядок, миф — это отражение вечности в феноменальном мире. Ее (Вечности) прочтения и раскрытия ее «процессов», которые также проистекают в нем (мифе) самом. Мифы, нисходящие медом в сердца человеческие и затем попадающие на уста, есть сама проекция вечного единства; мифы — это та дверь, за которой скрывается нечто, и лишь редкие люди способны ее распахнуть. Но что есть тогда те личности, что являются нам в мифах проводниками, кто эти Боги, герои и чудовища? Мой ответ будет до неприличия прост: это «сущие, существа». Что мной имеется в виду? Это те, кто явлены нам в феноменальном мире символом, некие отголоски других образов, Регинов. Они могут являть собой массу типажей, совершать множество диаметрально противоположных действий, но того, чем они подлинно являются, они не могут показать нашему *vit* (др.-исл. разум, ум) — это не доступно ему, но наш *hugr* (др.-исл. предчувствие, мысль, сердце) открыт к этим тонким прикосновениям. Это, как вы могли догадаться, лики тех, кто скрывается за дверью мифа, тех, если угодно, «инстанций», упорядочивающих действительность.

Регины тоже в каком-то смысле есть и в этом замысле, они вбирают в себя всю картину, ими же данную, тем самым, являя себя как «сверхсущее, сверхсущества», слишком трудное для нашего восприятия, посему нисходящее к нам так, как мы способны его впитать и принять. Так, как мы способны *ákall* (др.-исл. воззвать), *blót, fórn* (др.-исл. воздать жертвы, требы) и одарить *kveða* (др.-исл. магическая песнь, поэзия). Тем самым в рамках довольно ясной картины манифестационизма Регины есть более высокие формы Божественного, остальные же Божества являют собой их символическое или фактическое проявление, деятельную сторону безмолвного постоянства Божественного. То, что это не просто хейти асов или ванов, но некая отделенная от них, если угодно, внутренняя структура, мы можем понять из тех строф, что были предоставлены выше в нашем поэтико-мифическом наследии. Хотя у меня нет поводов отри-

цать, что такой многозначный термин мог впоследствии иметь назначение и для обозначения асов или иных Божеств людьми, но те Боги, что были нам явлены, очевидно сами обозначали этим словом не самих себя.

За самими же Регинами таится нечто, что мы осязаем будто бы затылком; то, что совершенно непреодолимо смертному, — это örlögr (др.-исл. над-законом, первичные слои, первичные законы), которым подчиняются даже Регины (что есть еще одна из ступеней манифестации), исходя из термина Ragnarök (др.-исл. судьба Божеств, Регинов — собственно, в рамках их самих и их ликов).

И внутри этой каймы, совершенно недостижимой, зияет Ginnungagap (др.-исл. бездна зияющая, околдовывающая) как причина, следствие и их полноценное отсутствие, как бытие и небытие.

Регины же стоят вокруг нее, как мы, люди, стоим вокруг костра, вглядываясь в него и обжигая разряженное пространство своими речами, рассуждениями либо песнью во славу Высших. Как мы, так и они в подлинности своей молчаливо зрят в нее, размышляя на вечном þing (др.-исл. собрание достойных и свободных — то же, что и вече у восточных славян) «сверхсущих».

Литература

- Кораблев Л. «Древнегерманский мифологический словарь»
- Svarte Ask. «Приближение и Окружение»
- Клири К. «Что такое Руна?»
- Клири К. «Какому богу поклонялся Один?»
- «Старшая Эдда»
- Макаев Э. А. «Язык древнейших рунических надписей»
- «Воронова ворожба Водана»
- Комментарии Вьестейнн Оуласона к изданию «Старшей Эдды» 2014 г.

2019 e. v.

Крок Новиков:

Шуйный путь через повседневность

Шуйный путь пролегает не там, где черепа, серпы и черные рубахи. Шуйный путь пролегает там, где царствует глубинный страх личности. Существуют практики, которые абсолютно спокойно могут провести ночь на кладбище, ощущая энергетику смерти и ужаса, но им не хватает духа подойти и познакомиться с понравившейся мадмуазелей. И нет труда в том, чтобы в состоянии осознанности совершить обряд жертвоприношения темным Богам.

А вот уволиться с наемной работы и начать зарабатывать деньги любимым делом — конкретно в их случае является духовным подвигом. Превозмоганием человеческого, трансцендентным опытом. Можно, конечно, привести еще уйму примеров с подобными перекосами. Но суть не в обличении чужих ошибок и недостатков, данный подход способствует только конфликтам. Хочется вывести размышление к логическому завершению, приводящему нас к понятию честности по отношению к себе. Которое, в свою очередь, порождает эмоциональную боль, порой вселенского масштаба. Никто не любит разбивать представления о себе. Иллюзия дарует чувство защищенности, пусть и иллюзорное. Это факт.

Нам кажется, что настоящая практика происходит в рамках традиции/религии. Но зачастую она бешено пульсирует в нашей повседневной жизни. Трудно только разглядеть эту практику там, где привычно проявлять агрессию или замалчивать свою точку зрения, там, где обычно нужно приложить усилие или, наоборот, расслабиться и принять момент таким, какой он есть. Внимание и смелость — два спутника, необходимых на любом пути, не только шуйном. Берегите их. Я тоже постараюсь.

Богам Слава!

04.06.2019

Крок Новиков: Кто приходит на капище?

Свято чти Родных Богов и Предков, живи по Совести и в ладу
с Природой, а если ищешь Высшего Знания — познай себя.

Народная мудрость

В период какого-либо кологодного праздника, в момент душевного кризиса или просто в свой выходной день человек, приобщенный к язычеству, может посетить место силы. Стремление прикоснуться к миру Богов и обрести в нем поддержку все еще живо в нас, и это прекрасно. Но кем же является тот, кто отправляется на встречу сакральному? С какими мыслями и эмоциями он отождествлен, когда его нога ступает на территорию высших сил? Стоя напротив возвышающихся чуров, что он помнит о себе, и какие истории звучат в голове? Каким он пришел и каким уйдет отсюда?

В рамках психосинтеза (психотерапевтической системы) существует понятие «субличность». Это некое ответвление от общей целостной личности (эго), имеющее самостоятельную динамику действий в различных сферах жизни. Обычно субличность связана с социальной или профессиональной ролью: мать, отец, врач, химик. Субличностей может быть несколько, и в зависимости от событийных ситуаций различного рода они могут сменять друг друга. Также можно сказать, что на формирование субличности могут влиять группы людей, объединенные общей идеей, при условии если (суб)личность активно взаимодействует с какой-либо из групп. Примерами групп являются объединения футбольных фанатов, магические ордена, семейные кланы или социальные движения по типу «Гринпис» и «Живи, малыш». Если утрировать вышесказанное: то, кем мы являемся, каковы наши идеалы, мысли и действия, во многом зависит от нашего окружения.

Здесь поднимается следующая волна вопросов. Является ли приходящий на капище язычником? Насколько его повседневная жизнь отражает «выбранную» им традицию? Сколько в

ней внутреннего и внешнего символизма? Насколько человек способен быть честным по отношению к себе?

Чтобы ответить на данные вопросы, необходим высокий порог осознанности. Увы, это качество крайне редко встречается среди язычников, да и среди людей в целом, ибо Кошный век в разгаре. Отказ признавать слабые черты характера, страх проявить природный талант, зависимость от общественного мнения — данные ментальные установки стали нормой. Естественно, помимо них в сознании присутствует огромное количество других негативных программ. В сложившейся ситуации необходимо понять, какие действия будут способствовать качественному самоанализу.

По моим наблюдениям, чаще всего человек избегает тишины и новизны. Исходя из этого, можно вывести две практики: медитация (подходящая по классификации конкретному человеку) и направленное погружение индивида в непривычные для него условия, банально выражаясь — выход за пределы зоны комфорта. Нахождение наедине с самим собой, вне шума повседневности способствует анализу мыслей, а грамотно сделанные выводы о них приводят к более качественным действиям, соответственно, улучшается качество жизни. Умение выходить в состояние мыслительного молчания будет способствовать накоплению психологических сил и нормализации работы нервной системы. Также оно будет способствовать появлению новых и творческих идей. Обучение чему-то новому усилит слабые стороны личности. В процессе обучения выстраиваются новые нейронные связи, благодаря чему решение бытовых и духовных проблем будет происходить легче и быстрее. Контролируемый ум — это всегда прекрасно.

И если снова вернуться к вопросу «кто приходит на капиче?», то я искренне верю, что это человек, стремящийся к истине, гармоничной жизни и философскому отношению к смерти. Да будет так!

27.03.2019

Крок Новиков:

Заметки

Знания, обретенные через усилия, суждено потерять. Это надо признать, как бы ни было тяжело. Пытаться сохранить накопленное — значит прекратить движение на пути к истине и добровольно замуровать себя в условностях и ярлыках. Отречься от новизны и глубины сияющей жизни. Отринуть объятия освобождающей и пугающей смерти. Предать себя настоящего. И погрязнуть в иллюзиях и страхах.

За пределами пустынной картины мира цветет настоящий мир. Он ждет смелых и сильных, горящих знанием и мечтами. Готовых созидать и разрушать. Верить и сомневаться. Их выбор — бежать сломя голову в неизвестность, ломая на пути преграды современности, громко восклицая имена Родных Богов!

25.05.2019

Воспринимай Богов как идеи. Из идей рождается действие, в действии творится мир. Мир воплощает Богов. Боги есть мир.

25.05.2019

Быть благодарным — значит всецело признавать окружающую тебя действительность. Не критикуя и не восхваляя происходящие события. Мир со всеми его условно-положительными или отрицательными сторонами — это подарок. Принять его или нет — самостоятельный выбор каждого.

01.04.2019.

О Велесовой тропе

1. Велесова тропа всегда ведет во тьму.
2. По ней шагают в одиночку.

3. Учиться (и) быть собой — самое трудное в пути.
4. Молчание ума — указатель верного направления.
5. Когда покажется, что путь завершен, он продолжится.

26.04.2019

Выход в ночь

В ночи блуждают духи. За окном слышен топот шагов. Давний страх мечтает о встрече, но дверь крепко заперта. Привычка быть в безопасности отсекает возможность сойтись в яростной битве с одновременно и неизвестным, и привычным. Родной дом превратился в тюрьму, ты был его хозяином, теперь ты — его заключенный. Оставить все так, как есть, невозможно. Не дождавшись рассвета, легко сойти с ума. Но обрести свободу легко. Ключ на столе — открой дверь и ступи за порог; прежним ты уже не вернешься. Или не вернешься вовсе. Награда за смелость непредсказуема. В любом случае — дерзай! Свет луны в помощь.

27.04.2019

Чеслав Вятчич: Манипуляции страха

Одна из самых действенных ловушек для сознания человека — это страх. Страх мешает людям двигаться вперед по вектору положительной динамики развития и оставляет киснуть и ржаветь в топком болоте застоя и деградации. Причем в подавляющем большинстве случаев, если не во всех, страх — это всего лишь иллюзия, существующая лишь в нашем разуме и сознании, проецируемая на окружающий мир. Страх как программа существующей системы принуждает людей думать о тех вещах, о которых они даже не должны переживать и волноваться. Страх осуждения обществом, лживым и продажным общественным мнением, страх обсуждения и базарных сплетен об отличии от серой массы обывателей и их зависти. Зависти, что кто-то посмел бросить вызов самому себе и перестать отождествляться с деградирующим большинством. Отличие от большинства заключается не в разноцветных волосах, пирсинге, тату или других многообразных проявлениях протеста и привлечения внимания, этого внешнего проявления очень мало. Необходимо отличаться еще и образом мышления, осознанностью, да, собственно говоря, самим наличием мышления и его образности, способности осознанно воспринимать события, смотреть на мир не через призму стереотипов, а разрушая их, воспринимать мир одновременно и душой, и сердцем, осознанно заглядывая в самую суть происходящих процессов.

Страх лишиться родных и близких, работы, остаться голодным, страх перед смертью — перечислять можно долго, но ни разу в жизни доминирующая система не говорит нам о страхе потерять себя или даже не найти себя. О страхе быть нечестным перед самим собой. Зато матрица обильно поощряет индугирование и самооправдание своей лени, глупости, деградации, нежелания развиваться, лжи, измены самому себе.

Вот чего должны на самом деле бояться люди, а не трястись в страхе и ужасе, что они не оправдали или не оправдают надежд и чаяний, возложенных на них паразитами. Страх является для них питательной средой. Чем больше среди людей по-

сеяно страха, тем меньше люди поднимают голову вверх и смотрят на манящее и чарующее звездное небо или бездонную небесную синеву.

Преодолевая шаг за шагом свои мелкие страхи, человек освобождается от оков морока, зомбирующего его и лишаящего воли. Раз за разом реализуя намерение и являя триумф воли, даже в самых незначительных, казалось бы, бытовых делах человек учится отгораживаться от страха и проявлять разумную предосторожность, не отказываясь от воплощения задуманного и реализации мысли наяву. Отказ от страха не подразумевает, что человек перестает бояться. Он убирает страх как парализующий фактор воли, не дающий человеку двигаться вперед и развиваться. Действуя с разумной осторожностью и опасливостью, люди реализуют свое намерение, будучи готовыми к любым препятствиям и любому результату, воспринимая их как необходимый опыт, как необходимое испытание, через которое должен пройти человек, как урок.

Представляется необходимым вспомнить старую поговорку про колодец и прыжки в него. Делать нужно то, что необходимо человеку, а не то, что ему навязывает система, и не то, что от него ждут окружающие.

Необходимо начать преодолевать страхи, снять с человеческой воли тяжелые оковы морока, и, может статься, людям не придется задумываться о том, в какой стране и как будут жить их нерожденные дети.

Чеслав Вятч:

Время

Вполне может быть, что время, какое определение нам дают, — на самом деле пустышка и фикция. Возможно, более правильным будет понимать время как ход событий. И следует различать ход событий и время в современном его понимании. Человеческое время — это по сути линейка, шкала, придуманная людьми для измерения происходящих событий. Изначально она была придумана, чтобы попытаться измерить количество событий, которые можно вместить в один день или одну ночь, разбить их на какие-то отрезки. Хотя до этого было еще проще: путь, действия измеряли теми же самыми днями и ночами, некоторые из них измеряются подобным способом до сих пор. Песочные, водяные часы, просто часы — всего лишь шкала, в которую можно уместить какое-то количество событий и действий. Одна из ловушек человеческого ума, запрограммированного оценивать, считать, классифицировать и т. д. Попытка измерить и разделить на отрезки ход событий. Когда люди пытаются поместить в один отрезок человеческой шкалы времени событие или действие, которое должно завершиться, произойти за больший отрезок времени, чем ему отводят, либо пытаются насытить и поместить в деление линейки времени много событий, так сказать впихнуть невпихуемое, у них происходит сбой, разлад. Так, перенасыщение одного отрезка освобождает другой, который должен быть заполнен событием, действием, что влечет за собой последствия, отражающиеся на поведении, психике, сознании. Когда искусственно растягивают ход событий, появляются скука, меланхолия, хандра, человек страдает от бездействия. Если же, наоборот, отрезок времени стремятся максимально насытить событиями и действиями, появляются срывы от того, что человек не успевает и не способен выполнить задуманное и намеченное, в том числе и сбой в психике, неврозы, психозы, истерики и прочее подобное. Своего рода импрессионизм и прочее девиантное поведение психики из-за погони за временем, разлад. Несоответствие, конфликт и противоречие, возникающие между естественным ходом событий, просто те-

чением событий — результат, наверное, одного из самых существенных деструктивных изобретений людей.

Также, помимо психозов и неврозов, может происходить потеря силы, деконцентрация, подавленное состояние, упадок настроения и сил. Одна из главных целей — выйти из оценочной системы шкалы времени людей и больше взаимодействовать с естественным ходом событий, не пытаться ужать необъятный горизонт событий мира в узкие рамки человеческой шкалы времени.

Чеслав Вятч:

Справедливость и карма

Особенность людей в том, что им крайне важно придать абсолютно любому событию, действию, происшествию, обстоятельству то или иное чувство, эмоцию, оценку. Причем это особенность не столько людей, сколько их человеческого ума. Точно в такие же рамки человеческий ум помещает и справедливость с кармой. Происходит подмена того, что на самом деле представляет из себя справедливость, эмоциями, чувствами, впечатлениями и ощущениями, связанными и испытываемыми от справедливости, ее интерпретации умом человека.

Справедливость вне ума и умозаключений человека подобна карме как закономерности между причиной и следствием. Как закону причинно-следственной связи. Одной из основополагающих закономерностей мироздания и его основ. Справедливость — не только и не столько чувство, как воспринимает его человеческий ум. Справедливость — это причинно-следственная связь между действием либо бездействием и его результатами, плодами. Можно бесконечно долго рассуждать о невезении и несправедливости злодейки-судьбы, но если человек из раза в раз совершает одно и то же действие, поступок или же, наоборот, пребывает в постоянном бездейтельном состоянии и бездейтельности, то более чем закономерен одинаково неизменный результат и итог. Для получения иного результата необходимо изменить причину. От осинки не родятся апельсинки. Человеку хочется плодов груши или вишни, но при этом он безостановочно трясет яблоню в слепой и глупой надежде, что на него в изобилии посыпятся желаемые фрукты, и получает раз за разом яблоками по голове. Пребывает еще и в крайнем недоумении: а где же вишни?! И удивляется вопиющей несправедливости. Для изменения последствий и считаемых умом несправедливыми последствий достаточно перестать трясти яблоню и подойти к вишне, груше и т. д. Так же и во всем остальном.

Одним из манипуляторов общества человеком является справедливость как чувство. Представляя ее в качестве эмоции, чувства, социум или же возглавляющие его люди получают в

свои руки возможность манипуляции и управления человеком, программирования его деятельности. Для этого могут разыгрываться как карта справедливости, так и карта несправедливости. Да, можно, наверное, сказать, что матрица коллективного сознания все или почти все переводит и облекает в форму и формат эмоций, чувственной сферы и умело манипулирует как знающий свое дело мастер-кукловод или фокусник в цирке.

Еще одним отвлечением от подлинного значения справедливости является ее привязка к наказанию. Человек не в состоянии придумать справедливого наказания за убийство, кражу, насилие и любое другое злонамеренное действие. Отобранного и утраченного не вернуть и не возместить. Скорее это можно назвать своего рода компенсацией за совершенный проступок, его ценой. А это возврат в очередной раз к теме товарно-денежных отношений. Самое интересное, что компенсируется не вред и ущерб, причиненный жертве, то есть человеку, в отношении которого было содеяно злодеяние, а восстанавливается навязанная и придуманная справедливость нарушенных общественных отношений, грубо попранных в той или иной сфере общественного взаимодействия. Ценой за совершенный проступок является присуждение штрафа или тюремный срок. Можно сравнить с магазином, только на прилавке вместо хлеба, колбасы и молока — злодеяние, а вместо денег за товар — административное или уголовное наказание.

Человеческая справедливость не имеет ничего общего со справедливостью мироздания и его законов. Справедливо и правдиво, когда из желудя вырастает дуб, а не ежевика, когда в лежащем на земле опавшем яблоке заводятся черви и оно гниет, когда запруженный ручей наполняется до краев и, переливаясь через препятствие, продолжает движение, путь. Это кармически верно, соблюдается причинно-следственная связь. Под кармически верным не следует понимать модель кармы, внушаемую людям коллективным разумом. Это не перерождение в зависимости от действий, поступков, поведения и образа жизни и мыслей в следующей жизни в собаку, человека или блоху. Здесь карма понимается как взаимосвязь между действиями и их последствиями. Так, если бобры сделали запруду, то будет справедливо, что река или ручей разольются и раздадутся в ширину

до размеров затона, а местность вокруг к тому же начнет заболачиваться. Кроме того, вниз по течению будет происходить обмеление и обмельчание реки либо ручья, и, разумеется, будет меняться окружающая среда и в воде, и на суше, сопряженная с изменением флоры и фауны. Справедливо, что человек, не соблюдающий режим сна и отдыха, будет пребывать преимущественно в расфокусированном, рассеянном, расконцентрированном, рассредоточенном состоянии, возможно, дремотном.

Причинно-следственные связи работают и соблюдаются как закономерности не только на уровне материи, физическом, явном, но и на духовном, психическом, эмоциональном, чувственном уровнях. Если человек не способен настроить, наладить, гармонизировать себя изнутри, синхронизировать свой дух, душу, психику, то это человек, который будет не в состоянии облагородить и привести к некой гармонии и окружающее пространство. Будет представлять и организовывать окружающий мир сообразно своим внутренним представлениям, находящимся в раздробленном, разобранном и не налаженном состоянии. И это тоже справедливо.

Справедливость подобна, а быть может и равнозначна или равна карме, и обе они не имеют ничего общего с человеческими понятиями и представлениями о них.

Триймбака Калагни: Квантовая концепция сознания и индийская метафизика

Язык описания феноменов мироздания разнился из эпохи в эпоху. В нынешних реалиях принято считать эталоном прогресса современную науку, и попытка поднять тему мистико-духовных учений в «прогрессивном обществе» вызовет лишь смех. Тем не менее, так ли далеко ушла современная наука в своих представлениях о бытии от архаичных учений?

«Как волны возникают из воды, свет — из огня, лучи — из солнца, точно так и волны вселенной возникают в различных формах из меня, Бхайравы» (Виджнянабхайрава-тантра).

Многим, кто занимался углубленным изучением естественных наук, знакомо такое явление, как «кот Шредингера». Но кому это явление не знакомо, поясню: есть некий ящик, в котором заперт кот, но мы не в состоянии узнать, жив он или нет. Открыть этот ящик мы тоже не имеем возможности, как и воздействовать на него любыми способами. То есть никакими мыслимыми и немыслимыми методами мы не можем узнать нынешнее состояние кота, что заперт в ящике. А это значит, что в данный момент этот кот является одновременно и живым, и мертвым.

Как же так? — спросите вы. Данное явление в квантовой физике называется «суперпозиция» и определяется как слияние двух или более состояний, в случае кота — состояний «живой» и «мертвый». И нет, это не наркотический бред какого-то сумасшедшего мистика, а лишь одно из удивительнейших явлений квантовой физики. «Опыт» Шредингера дает нам понять, что отсутствие свидетеля, субъекта, что откроет ящик, который может зарегистрировать одно-единственное состояние объекта (кота), позволяет объекту на квантовом уровне находиться во всех состояниях одновременно. Следуя этой логической цепочке, можно сделать вывод, что отсутствие наблюдателя и самого процесса наблюдения позволяет объекту или явлению находиться в состоянии неопределенности, и именно сознание выступает в качестве фундаментальной величины.

Именно об этом и гласит «квантовая концепция сознания» — состояние квантового мира представляется как сумма классических проекций, а сознание воспринимает каждую из этих проекций независимо от остальных, таким образом, классические альтернативы разделяются, а процесс этот происходит в сознании наблюдателя. Такие уважаемые ученые-физики, как Хью Эверетт, Михаил Б. Менский, Фред А. Вольф, Юджин Вингер и Роджер Пенроуз уже давно отстаивают мнение, что необходимо ввести сознание наблюдателя в квантовую теорию измерения.

Так какое это отношение имеет к мистико-духовным учениям? Вот что говорят на этот счет святые индийские мистики: Брахман, являя собой свидетельствующий принцип и безграничный потенциал, заключающий в себе все феномены мироздания, разворачивается как изначальная основа и природа всего сущего. Разумеется, для большинства прочитавших это прозвучало, как религиозные бредни, однако, если немного перефразировать: человек (принцип сознания), который открыл ящик и увидел (принцип наблюдения) живого кота, создаст тем самым ту реальность, где кот жив, а не мертв или жив-мертв одновременно. А вот это, дамы и господа, уже не «религиозные бредни», а самая настоящая квантовая физика. Но можно еще больше усилить данное высказывание современными терминами: сознание (Брахман), являя собой свидетельствующий принцип, разворачивает из себя многообразие феноменов и проекций, которые определяются категориями «бытия» или «небытия». Такой язык описания уже не будет казаться чуждым для современного человека, но будет являться лишь перефразированием индийских метафизических концепций.

Какой же здесь можно сделать вывод?

«Развитие человека стремится на всех парах вперед», — говорит нам современное общество. И это верно. Только это движение, как показывает практика, по круговой оси. Меняется транспорт для передвижения, он становится быстрее и технологичнее, но маршрут остается прежним. По факту же получается, что открытия и концепции, которые были сделаны многие века или даже тысячелетия назад, стали основой для новой-современной науки. И даже многие современные ученые при-

знают сходство сложных физических явлений, которые невозможно было бы открыть без нынешних методов исследования, и мистико-философских учений, что были описаны мистиками и философами древнего мира. Это сходство будоражит и поражает сильнейшие умы планеты. Я же считаю, что процесс, когда современный научный метод исследования и мистико-духовные концепции сольются воедино, — лишь вопрос ближайшего будущего.

Триймбака Калагни: Ограниченность неограниченностью

Практически все религиозные культы и традиции учат нас тому, что Божественная природа является всезнающей, всемогущей и ничем не ограниченной. Божественность — это альфа и омега, начало и конец всему. Тем не менее я заметил, что во многих этих учениях есть одна проблема, которая ставит в тупик всю мистико-духовную практику адепта, — они рассматривают Бога как нечто непостижимое, недостижимое, отдельное от человека. Это создает огромную пропасть между практикующим и истоком-истоков, ведь Божественность не здесь и сейчас, а, образно говоря, «где-то там на небесах», и познать ее мы сможем только после смерти, и то если вели себя определенным образом при жизни. У индийских мистиков иное отношение к природе бытия.

Одна восточная мудрость гласит: «что внизу, то и наверху». Но речь здесь идет не о каком-то физическом «ниже-верхе», а о связи личного духа (Джива) с мировым (Брахман). Такая связь неделима и неразрушима, как связь Мирового океана со всеми реками и ручьями. Это означает, что Божественная природа проявляется не только как тотальная трансцендентность, но она присуща всем феноменам мироздания, в том числе и нам самим. И тут многие западные оккультисты могут возразить: но как же Божественность может быть ограничена физическим бытием, если она неограниченна? В этом и заключается разница восточной и европейской метафизики: для индуиста Божественность настолько неограниченна, что она не может быть ограничена своей неограниченностью. Бог настолько всемогущ, что в его силах ограничить свое могущество, дабы стать слабым и совершить подвиг (ибо нельзя совершить подвиг по причине своего всемогущества). Бог настолько всезнающ, что знает, как стать дураком и олигофреном, ведь если бы он не знал этого, то как бы он мог быть тогда всезнающим?

Представим себе такую ситуацию: вы имеете всемогущество и бессмертие. Вы можете создавать миры, наблюдать за ними, управлять ими и разрушать их. Это должно быть интерес-

ным, но только заниматься этим вам уже надоело, ведь ко всему вышесказанному вы еще и всезнаючи, что убивает дороги познания, интригу и загадочность. Обреченность на бессмертие и всемогущество делают бытие пресным.

И что же вы делаете? Вы создаете новый мир, целую вселенную. Задаете исходные условия, настраиваете параметры. И сами вступаете в игру. Ваш персонаж — случайный, исходящий из какого-нибудь вашего сюжета, по умолчанию имеет минимум знаний о той реальности, в которую помещен, и наделен минимумом физических умений. Память о вас настоящем стерта — это необходимо для полного погружения. Игровой процесс конечен — ну хотя бы здесь, хотя бы на время вы можете почувствовать прелесть смертности, неведения и беспомощности, ощутить всю полноту вкуса бытия.

Божественная игра форм и образов — воистину, только Бог мог придумать и создать столь гениальную забаву, которая никогда не надоедает. Вчера он мог почувствовать себя жертвой, ощутить страх и боль, холод собственной смерти. Сегодня он стал серийным убийцей, видел своими глазами животный страх жертвы и чувствовал на своих руках теплую кровь. А завтра он будет сантехником Васей Пупкиным, который ненавидит себя, жену, детей и взятую в ипотеку квартиру. И еще бесконечное число различных вариантов и сюжетов, которые происходят в разных эпохах, на разных планетах и даже вселенных, но всегда в едином — в Божественности. Ибо потенциал Бога неограничен — он может быть кем, чем и когда угодно, его всезнание определяет чертеж, по которому все будет, а всемогущество позволяет реализовывать все возможные и невозможные формы и феномены. Такова мудрость индийской метафизики и святых мистиков.

Триймбака Калагни: Сакральная сексуальность

В большинстве официальных религиозных конфессий мира тема сексуальности является наиболее табуированной. Как утверждают сами эти конфессии, все, что приносит физическое удовольствие от жизни, отдаляет человека от жизни духовной. Но исключением являются древние мистико-духовные традиции, к которым относится и ветвь радикального индуизма — Каула-Тантра.

Думаю, что тема сексуальных практик в тантре известна многим. Чего только стоит одна знаменитая «книга любви» — Камасутра. Только вот многие воспринимают эти практики совершенно превратно. Особенно досадно, когда высшие тантрические учения путают с сексом под арома-палочку. Здесь самое время напомнить, что высшей целью любых тантрических практик является осознание своей Божественной природы. Все остальное — инструменты для достижения этой цели.

Инструменты, кстати говоря, существуют самые разнообразные. В Вамачара (Путь Левой Руки) принято считать, что хороши все методы, которые соответствуют твоей Дхарме и разжигают в тебе Махакалагни (Великое Черное Пламя). Да, в том числе и сексуальные практики. Но, как я уже сказал выше, воспринимают их чаще всего крайне искаженно. Одной из целей тантрического секса является преподнесение оргазма в качестве дара Богам. Но следует выполнять эту практику не с простым партнером для секса, а с тем, в сердце у которого тоже пылает Махакалагни. Некоторые тут могут возразить, что Огонь Божественности есть в каждом из нас, значит, нет разницы с кем совокупляться в ритуальных целях. Разумеется, Божественность есть во всех феноменах мироздания — в портовой путане и даже в испражнениях. Но лучше уж медитировать на кал, чем практиковать сакральные методы обожествления с человеком, чуждым по духу. Секс по физиологической потребности — это одно, против него я ничего не имею, но вплетать сюда «духовность и тайные учения» уже выходит за рамки адекватной практики.

«Богиня удовлетворяется блаженством соития, оргазмом удовлетворяется сам Бхайрава, секретами же удовлетворяются все Боги. Поэтому следует совершать эти три поклонения» (Куларнава-тантра).

Как гласят святые тантрические мистики, Боги не имеют тел, поэтому им нужны наши тела, чтобы через нас ощутить вкус еды, огонь страсти и ужас смерти. Все это сводится к концепции 36 таттв Кашмирского шиваизма, которые описывают процесс самоограничения Божественности от тотальной трансцендентности к имманентности. Но мы поговорим только о некоторых из них.

Уважаемые тантрические мастера учат, что Брахман может испытывать пять видов «чистого» (божественного, не омраченного кармой и сансарой) удовольствия:

- Шива-таттва — наслаждение своей трансцендентностью (Бог наслаждается тем, что он вне бытия, небытия, времени и феноменов);
- Шакти-таттва — тотальность бытия (Бог наслаждается тем, что он есть все — бытие, небытие, время и феномены);
- Садашива-таттва — потенция творца (Бог наслаждается тем, что он может стать всем и когда угодно);
- Ишвара-таттва — потенция архитектора (Бог наслаждается тем, что он уже сформировал план, по которому все будет);
- Шуддхавидья-таттва — осознание единства (Бог наслаждается тем, что он уже создал вселенную, но не воспринимает ее, как нечто отдельное от себя).

И как можно заметить, в этих пяти «чистых таттвах» нет такого аспекта, как любовь. А кого любить, если все есть единая Божественность? Обществом кого наслаждаться, если все — это ты сам? Или с кем воевать, чтобы совершить подвиг? Чтобы проявить полный спектр феноменов, Бог должен себя ограничить, и для этого он создает майя-таттву — иллюзию, чтобы забыть свою истинную природу. Следом идет ограничение всемогущества, всезнания, воли и т. д. И теперь, являясь «маленьким, смертным и глупым существом», Бог наконец-то может познать

страх смерти, любовь и сексуальное удовольствие. Но это отнюдь не делает человеческое тело марионеткой, напротив. Только ограничив себя, Божественность раскрывается во всех феноменах. И практика майтхуны (тантрического секса) символизирует собой возвращение к тому самому единству, когда Божественность не разделилась на Шиву (трансцендентность) и Шакти (имманентность).

Практика тантрического секса всегда преследовала более возвышенные и сакральные цели, чем просто получение физического удовольствия и «острых ощущений». Разумеется, никто не запрещает заниматься сексом под дурманящий запах благовоний, сопровождая этот процесс невнятными мантрами, но до тех пор, пока целью этого занятия не стоит познание Божественной природы себя и партнера, не называйте это тантрической практикой.

Елена Эленуар:
«Сверхчеловек» Ницше и тантрическое Дживанмукти

На взгляд обывателя, два концепта из этой статьи — неклассическая немецкая философия и древний тантризм — абсолютно различны, но я как раз стремлюсь доказать обратное и показать их неожиданную схожесть.

Концепция «Сверхчеловека» была впервые изложена Фридрихом Ницше в его книге «Так говорил Заратустра». Напомню, что Ницше в контексте противопоставления раба и Сверхчеловека основывался не на расовых или социальных различиях, а в первую очередь на духовном уровне. Сверхчеловек Ницше суверен и обладает огромной духовной силой, волей, направленной на внутреннюю и внешнюю трансформацию. Это в первую очередь крайне свободолюбивая личность, свободу выбора которой не могут ограничить социальные или религиозные догматы. При этом нет никакого свода правил, которым должен соответствовать Сверхчеловек, — правила для себя он выбирает сам.

По поводу известной фразы Ницше «Бог умер» — не нужно воспринимать это утверждение буквально. Ницше был критиком христианской морали, но еще больше он критиковал лицемерие «христианских овец», не соблюдающих догматы своей же религии. В данном случае Ницше намекал на то, что Бог и идея Божественного мертвы в сознании людей, в их сердцах и головах, люди сами разуверились в своем спасителе. Есть развивающаяся личность, имеющая возможность стать Сверхчеловеком, т. е. стать самому себе Богом и жить только по своим законам.

«Умерли все боги; теперь хотим, чтобы жил Сверхчеловек — такова должна быть в великий полдень наша последняя воля» (Ницше, «Так говорил Заратустра»).

В книге «Так говорил Заратустра» есть момент, где пастуху в рот заползает змея, и он откусывает ей голову, после этого действия духовно преображаясь. Змея в данном случае символизирует ницшеанскую идею вечного возвращения, повторения одной и той же жизни множество раз. Пастух же имеет волю от этого освободиться. Сверхчеловек — хозяин своей жизни, а не

раб обстоятельств, поэтому может обратить практически любую ситуацию в свою пользу. Воля к жизни и творческой активности в нем нерушима, поэтому врагов у него нет, а враги самой жизни быстро самоуничтожаются. Разумеется, в данной короткой статье я не ставлю перед собой цели детально рассмотреть концепцию Сверхчеловека, поскольку для задуманного сопоставления достаточно и вышесказанного.

Теперь перейду к термину «дживанмукти».

«Дживанмукти» буквально переводится с санскрита как «при жизни освободившийся». Это достаточно сложный для понимания метафизический термин, более того, в разных школах индуизма его понимают различно. Здесь я трактую его с точки зрения каула-тантры. Дживанмукта — человек, который при жизни осознал свою Божественность и избавился от сансарических оков, привязанностей и кармы как таковой. Человек сам реализует себя как Божество, в котором заключена вся Вселенная, являющаяся продуктом его игры.

«Шива (божественный принцип), Шакти (вселенская энергия), микромир, макромир, поле сознания, сердце и безрассудная страсть — все это в равной мере одна только высшая Сущность, Атман. Тот, кто осознал эту истину, считается дживанмукой — освобожденным при жизни» (Дживанмукта-гита).

Вопрос самообожествления — важнейший аспект радикального тантризма. Адепт — дитя Богов, но есть уровень, на котором он осознал, что сам является Божеством, единством Бхайравы и Кали, проявляющимся на различных уровнях и лишь на одном из них имеющим физическое тело.

В модусе Дживанмукты человек раскрывается как безграничная Божественность, вмещающая в себя всю вселенную. Эта Божественность изначальна, всемогущественна, неограниченна и непоколебима. Все окружающее Дживанмуку, соответственно, воспринимается им как его собственные различные проявления.

С точки зрения свободы воли Дживанмукта как раз воплощает этот принцип. Такой человек полностью свободен, у него нет кумиров, над ним не могут довлеть даже политики, поскольку он видит насквозь устройство сансары и уже вышел из нее при жизни. Так же как ницшеанский Сверхчеловек, Дживанмукта воспевает жизнь и наслаждается всей ее полнотой, во-

площадит свои творческие идеи, побеждает на пути, при этом сохраняя духовный аристократизм и благородство. Разумеется, человек, обретая свою божественность, не станет ни перед кем унижаться или пресмыкаться. Он понимает, что его жизнь — игра его самого, поэтому играет достойно и с интересом, сметая все преграды на пути и стремясь как можно более полно проявить в мире свои лучшие навыки.

Дальше — еще любопытнее. Поскольку Дживанмукта осознал себя Божеством, идея Бога, как чего-то отчужденного, отделенного от него самого, для него действительно мертва. Таким образом, самые, казалось бы, неожиданные и сравнительно несовместимые концепции — философии Нового времени и древнего тантризма — оказываются на глубинном уровне достаточно схожи.

Нужно также отметить в целях наилучшего понимания данной идеи, что Дживанмукта не обязан иметь какие-то «сверхспособности» и уж тем более не обязан их кому-либо доказывать (хотя бы потому, что он в принципе ничего никому не обязан). Различные сверхспособности, которые в тантризме называют «сиддхами», не являются главной целью духовной практики, а лишь еще одним инструментом для самой практики. Дживанмукта использует в жизни все, что может помочь ему в его развитии, отвергая общепринятую мораль, поскольку у него есть его собственная, но принимая, к примеру, достижения современной науки. Важнейшая идея у Фридриха Ницше — воля к власти, которая помогает Сверхчеловеку решительным образом изменять мир, как внутренний, так и внешний, при этом сохраняя свою индивидуальность. Самосовершенствование так же присутствует в обеих концепциях. Дживанмукти — не конец пути и не цель, но то, что превосходит всякую цель и, в конечном итоге, превосходит все примитивные представления о Боге, выводя за грань этих представлений, где ты сам — Бог.

Askr Svarte: Быль из Храма Морены

(У разных народов есть представления о том, что бабочки или мотыльки — это души людей. Иногда душами людей считают летающих в небе птиц, но чаще их ассоциируют с мыслями или посланниками Богов. В индийских традициях человек с плохой кармой в качестве наказания (отрабатывания) мог переродиться в теле насекомого в какой-то далекой земле...)

В одно из лет Железного века паломники из далекой холодной земли гостевали в Храме Морены, что стоит далеко-далеко от Старого Города, который по привычке люди называют Москвой.

После подношения первых треб и славлений Богам было решено совершить большое ночное радение на середину ночи.

Когда утварь была собрана в Храме, а свечи и можжевелник зажжены, собравшиеся вышли за ограду, дабы, трубя в особо благородную дудку из бедра, созвать в Храм всех самых званых и самых незваных духов, которые обитают в окрестной полумертвой деревне, и разделить с ними Кровь Мистерий.

Когда воззвание было оглашено Ветру, хозяин Храма заметил, что мы стояли ликом к старому погосту, который находится на небольшом удалении от дома. И что гости, стало быть, придут непременно.

По обычаю таких радений, оградная калитка и двери Храма были распахнуты настежь, а гулкий звук бедра указывал гостям, куда следует идти.

Обождая, мы заперлись внутри Храма и пустили чашу с вином как зачин Священной Ночи, пролив немалую его часть на алтарь и в границах Черного Солнца.

[Замечание: когда вино и иные субстанции выпадают из рук, падают на ровном месте или проливаются без видимых причин, это указывает на то, что собравшиеся духи тоже просят свою часть от трапезы и возлияний.]

После полуночи, когда путники и хозяин Храма обсуждали глубокие метафизические вопросы при свете свечей, прон-

завших туман можжевельника и полыни, в Храм ворвались мотыльки, и один из них стремительно опалил крылья о пламя алтарной свечи.

Повисла тишина в беседе, опаленный гость Храма Морены трепыхался у подножия двух черепов.

[Замечание: на Шуйном Пути есть не только буквальный алтарь Богов, но и само тело и разум практика становятся алтарями и вместилищами Богов на время радений.]

Один из собравшихся взял мотылька за крылья и рек следующие слова:

— В ночь радения и по нашему призыву ты, душа, прилетела в Храм Богини Смерти в момент, когда Боги присутствуют в нем. Поэтому, видимо, твоя карма не столь плохая, и Боги благосклонны к твоему пути. Мы не знаем, чем ты заслужил участь стать мотыльком, мы не знаем, как сложится твоя судьба в следующей жизни. Но сегодня мы завершаем твое земное воплощение в этом теле, в этом святом месте и руками не людей, но Богов. И пересечение наших путей не оставит никаких следов на наших жизнях. Следующее твое перерождение будет лучше этого, а дальше — твой путь.

Замолчав, державший кремировал мотылька на алтарном огне. Следом подняли череп с Кровью Мистерий, восславили Богов и воскурили еще можжевельника для очищения.

Немного позднее было замечено, что еще один мотылек накрепко застрял в паутине, что сплел паук — извечный символ Великой Матери — в углу храмового стола. В этот раз собравшиеся не стали вмешиваться в судьбу другой души, мудро заметив, что коль он незримо для нас попал в сети самой Великой Матери, то это уже его личные и необходимые страдания.

И музыка лилась в ночи, звучали речи, стихи, славления и Священный Смех.

Глубокой ночью мы обнаружили себя перед ликом Велеса и, восславив его за славный Путь, умылись Живой Водой, что текла подле, и разошлись.

А наутро мотылек все еще трепыхался в паутине.

Записано летом 2019 года вульгарного летоисчисления

Askr Svarte: Быль: Время и темнота

Экспозиция:

Далекая и полуразрушенная деревня где-то в Сибири, дом недалеко от кладбища. Во дворе, напротив косой бани с выцветшими от дождей и солнца серыми досками и украшенной белым черепом взрослого козла, на открытом летнике сидят два человека: адепт шактизма, преданный Богине Кали, и адепт радикального германо-скандинавского одинизма, чтящий Вотана. Солнце клонится к вечеру, но еще не поспевает за течением вина, которое, в свою очередь, опережает живая беседа...

— ...и вот это для него принципиально важно: битва за время, за посвящение времени Богу. Вот если сравнивать и переводить на наш язык: в условиях Кали-юги происходит тотальный упадок всего, разрушение сословно-кастовой системы и прекращение передачи благодати по старым путям и учениям. Но, с другой стороны, высвобождается огромное количество времени. Вот тут ты правильно говоришь, да, — нам больше не надо пахать землю, с трудом добывать себе пропитание, строить кров, ходить на охоту, защищаться от диких зверей и т. д. Почти все можно купить, хотя деньги — это тоже большая проблема, но тем не менее принцип эпохи более-менее понятен. И вот в этом изобилии времени, казалось бы, кроется благо: когда все разрушено и вывернуто наизнанку, это дает неожиданный плод (как ягода, растущая на навозной куче): есть время посвятить себя Богам, ритуальной практике, подношениям и духовному самопознанию.

Но тут вступает Майя и мир начинает накрывать волна «сферы досуга и развлечений». Вся реальность вокруг нас начинает нас отвлекать, ангажировать, заманивать и всячески вовлекать в праздность, в приятное времяпрепровождение. Это вступает в игру сила отчуждения нас от нашего собственного времени и сакральной идентичности. Вместо мантр, вместо чтения священных текстов, вместо жертвоприношений и духовной реализации — пока мир еще окончательно не уничтожен Богами — про-

смотр кино, шопинг, блогинг, прогулки по улочкам, работа, занятия спортом, качалка, компьютерные игры, туризм, музыка, медиа и т. п. Все это тотальная работа сил отчуждения, Майи, воплощенных в механических и виртуальных механизмах, схемах и алгоритмах. Время изымается из нас и канализируется, почти что от слова «канализация», в сторону каких-то абсолютно незначимых и беспросветно пошлых вещей современного мира. В таких условиях даже ежедневная практика подношения Богам или чтения мантры на четках становится полем боя за время.

Если предыдущие эпохи можно вообразить как испытание и закалку человеческой духовности через трудный быт, через силу и инерцию земли, то сегодня это испытание воли и более тонкая работа гуны тамас, воплощающей невежество.

Вот смотри, пример. За последние лет двести по всему миру стремительно выросло количество ночных фонарей и прочего освещения улиц и зданий в темное время суток. За последние лет пятнадцать вообще был сделан огромный скачок из-за дешевых светодиодов. Ночь в мегаполисах стала такой же яркой, как день. Даже в захудалой деревне, вроде нашей, есть несколько фонарей. Казалось бы: удобство, комфорт. Но тут кроется глубинная подмена и вытеснение на периферию экзистенциальных моментов, связанных с метафизикой ночи и темноты. Оказаться посреди ночи, наедине с окружающей реальностью и без навязанного профанного освещения — это означает остаться наедине с самим собой и своим временем. Для большинства людей это сродни пытке, потому что они не знают, что делать с этим временем, ибо не ведают Богов. Тут уже холодок бежит за вороток, и к человеку, затасканному досугом, работой и маскульт-блевотой, подкрадываются самые правильные в его жизни мысли: Кто я? Зачем я? Как я соотношусь с вечностью бесконечного звездного неба и чистым временем, которое у меня есть? Наконец, к человеку вместе со страхом быть одному в ночи подкрадывается еще и главный вопрос: о смерти и отношении к ней. Ведь и Кали-юга — это последний порожек или предбанник конца мира вообще. А если мы перенесем все это действие сразу в ночной зимний лес или бесконечное поле вдали от цивилизации? С человека сдирает всю его лжесоциальность как луковую шелуху. Если это, конечно же, нормальный

человек. Момент выпадения из бешеного круговорота псевдособытий, когда ты обнаруживаешь себя пьяным и голым посреди ночи, в поле и под светом луны, — это момент, когда твое время соприкасается с Вечностью, и человек понимает, что его следует посвящать духу и Богам. Момент, когда Майя рассеивается, как туман по утру. Кстати о свете. Городская иллюминация, неон вывесок и т. д. — все это работает на отвлекание. Но это также прячет и сущность света вообще. Понять, что такое «свет» вообще, без эзотерических трактовок, можно, например, если ты, стоя ночью в лесу, когда ни зги не видно, зажигаешь маленькую свечку или лучину. Вот этот огонек в ночи есть свет, а тонны и волны цветных вспышек посреди мегаполиса — это еще не свет, отнюдь.

Парадоксально еще то, как получается, что уйти от Майи — это значит не пойти за ней в мир техногенной цивилизации и виртуальной реальности, а сохранить верность Земле и Небу. Кали-юга освобождает от труда на земле, но парадокс в том, что в наш век вырастить что-то для жертвоприношения оказывается более аутентичным действием, чем просто начитаться кучей эзотерической литературы.

Я думаю, что ты как шактист понимаешь, о чем я говорю. Битва за время.

Ну а пока, давай выпьем — в ночной лес трезвому рассудку и живой душе дороги нет.

Askr Svarte

ТРИБУНА



Заметки о страхе и бесстрашии

Влассис Рассаиас — ведущий идеолог современной эллинской традиции, при котором она получила официальный государственный статус, предстал перед Богами 6 июля 2019 г. общепризнанного летоисчисления. Он оставил после себя огромное наследие из статей, книг, учеников и людей, вдохновленных его речами и славной традицией греков. Надеемся, что труды этого счастливого человека найдут свою дорогу и к русскоязычному читателю.

Askr Svarte

«Они боятся Природы.
Они боятся здравомыслия.
Они боятся чувственности.
Они боятся правды.
Они боятся радости.
Они боятся Богов.
Они боятся человека.
Они боятся древности.
Они боятся размышлений.
Они боятся свободы.
Они боятся разнообразия.
Они боятся поиска.
Они боятся своего конца.
И по этой причине они сеют
Страх в души своих рабов».

1. Насилие, ненависть, агрессивность и суеверность глубоко укоренены в страхе и чувстве незащищенности. Два последних явления суть величайшие преграды для каждого человека, стремящегося обрести свободу, внутреннее спокойствие, самодостаточность и блаженство.

2. Причинами страха, в свою очередь, являются невежество и самообман несуществующего, эгоистичного индивидуализма (т. е. «атомистичной души»), который вводит нас в за-

блуждение, будто мы — нечто отдельное от вселенной, ее процессов и ее Тела; оторванное от Единого и чуждое ему.

3. Страх укоренен в капризной части личности, которую далекие от философии люди определяют как «эго». Ограниченное и поверхностное «эго», отрицающее свое единство с чем-либо, подходит к познанию Природы как к чему-то невразумительному, тревожащему, непостижимому и угрожающему. Ощущения инаковости и отчуждения являются базовыми предпосылками страха.

4. Страх и чувство незащищенности суть синонимы. Индивиды (как и разного рода системы) ужасаются, когда осознают свою неспособность сформировать связную картину собственной «самости», которая на самом деле не должна сжиматься до размеров несуществующего «эго».

5. Когда кто-либо чувствует незащищенность, он обращается к своей атомистичной личности, испуганно прячется за крепостью собственного «эго» и, в конце концов, становится эгоистом. Классический пример такой «крепости» представляет собой христианство, которое устремляет и направляет верующего к исключительному спасению лишь его собственной души.

6. Оно обращается не только к отдельным людям, но также к целым народам, религиям и иным формам коллективной идентичности. Идея эгоизма в религиях реализуется через «догматичную враждебность» — однозначное определение предполагаемых правоверных и преследование предполагаемых неверных. Христианство, которое не просто чуждо Природе, но является ее врагом, активно применяет такой подход.

7. Основной страх — это страх неизвестного (часто изображаемый в виде тьмы, в которой человеческое воображение может представить практически что угодно — и плохое, и хорошее). На самом деле страх неизвестного — это страх, чувствительный ко всему, что находится за пределами «эго» или того, что относят к нему. Страх неизвестного — это коридор, ведущий к гетерофобии (чувству опасения ко всякому, что отлично от тебя).

8. Гетерофобные личности или коллективы чувствуют «угрозу» со стороны непривычных ситуаций или незнакомцев.

Расовая ненависть, религиозная нетерпимость и другие формы необоснованной агрессии укоренены в этой иллюзии угрозы.

9. «Боязливый» пугается нормальной идеи, что мир находится в движении, причем безупречном. Он начинает бояться идеи вечного превращения всего сущего и отказывается принять это, отрицая все, что пугает его или относится им к «неизвестному». Страх «неизвестного» включает в себя главный страх, величайший из всех — непреодолимый страх потерять свое «эго» — страх смерти.

10. Страх накрывает людей двусмысленными, противоречивыми эмоциями и толкает их к одной из форм шизофрении, при которой полная оторванность от здравомыслия и реальности вызывает погружение в иллюзии и бред. Страх упраздняет рассудительность и искажает восприятие. Поэтому он может быть побежден только через Познание и сближение с природой или с помощью Recta Ratio; другими словами, через уважение к Природе или философские размышления.

11. Всякий эгоистичный индивид и всякий эгоистичный коллектив обречены тратить бесконечное количество дум, энергии, времени и ресурсов, чтобы сохранять бредовое ощущение внешней незащищенности.

12. Каждый, кто обращается к своей атомистичной личности, обречен преисполниться иллюзиями. Страх потерять «эго» (которое так или иначе само по себе является иллюзией) заставляет поддаваться различным заблуждениям.

13. Всякое «освобождение» людей от их коллективной идентичности, возникшей в дохристианскую эпоху, от собственного ей Божественного и Политического приводит их к потере своей сущности и собственного прошлого. Пустота перетекает в страх, а затем в ненависть к «иным» (эти два чувства и составляют понятие «гетерофобии», введенное нами ранее). Боязливые люди (так же как и группы людей) терпеть не могут правду, объективную реальность, прямой контакт с внутренней и внешней природой. В общем, они ненавидят все иное и отличное от их внутренней мучительной пустоты.

14. Каждый, кто носит в себе страх, в конце концов начинает распространять его.

15. Тираны используют религии, вызывающие страх, подобно тому, как масс-медиа формируют сознание людей, нацеливаясь в первую очередь на повышение уровня недоверия и страха в обществе.

16. Страх — это неиссякаемый источник, откуда питается любая система подавления и эксплуатации жизни. Наиболее коварными формами страха являются те, которые распределяют боязнь равномерно, так, что может показаться, будто она естественна для человека.

17. Посредничество в распространении страха создает условия, при которых «боязливые» делятся на два типа: тех, кто сам взрастил страх в себе, и тех, кто был «запрограммирован» на него.

18. Поток страха кажется бесконечным (не обязательно являясь таковым). В то же время он все-таки совершенно недолговечен. Большинство «запрограммированных» боятся простой возможности познать Пустой Страх (отсутствие страха) и осознания трагичной хрупкости того, что они были запрограммированы рассматривать как их «естественное» состояние.

19. «Запрограммированные», боязливые индивиды сковываются дрожью, когда сталкиваются с необходимостью нести ответственность или возможностью лишиться собственной безопасности.

20. В конце концов, боязливый превращается в фанатика.

21. Отчасти фанатизм возникает из страха сбиться с пути, присущего фанатику. Он обречен худо-бедно поддерживать обычно реально несуществующую, но в то же время почитаемую, можно сказать, фетишистски идентичность.

22. Фанатик пытается убедить себя в истинности своей веры, ошибочно полагая, что чем больше людей верит во что-то, тем это что-то справедливее. Поэтому он одержим миссионерским духом, духом обращения других в свою веру.

23. Боязливые индивид или коллектив почти никогда не бывают достаточно смелыми, чтобы попробовать что-то действительно новое или неизвестное. Напротив, они упорно держатся за обыденные привычки и проторенные тропы. Их жизни лишены развития — они скучны, заиклены, пассивны, без-

вкусны и бессмысленны. По этой причине боязливый пытается сбежать от реальности, постоянно витает в облаках.

24. Боязливую привязанность к привычному не стоит путать с настоящим уважением к Традиции. Она представляет собой систему ценностей и обычаев, которым следует каждый, составляя таким образом частицу народа как живого организма. Культурно народы принадлежат Язычеству; иными словами — той части человечества, которая придерживается всестороннего взгляда на вещи, а также бесстрашия, почтительности и открытости.

25. Совокупность народов — «этносфера» — предполагает плюрализм, который Язычество всячески приветствует и оберегает. Плюрализм — это фундамент, на котором строятся коммуникация и терпимость.

26. Человек по-настоящему любит, только когда он терпим к другим и одновременно борется с теми, кто нетерпим. В самом деле, толерантность может выражаться пассивно (в проявлении терпимости к другим) и активно (в борьбе с теми, кто нетерпим к другим).

27. Не считая громких заявлений, христианство и как система, и как совокупность объединений отдельных индивидов, которые придерживаются его, абсолютно неспособно проявлять терпимость к другим и способствовать общественному благополучию вследствие своей боязливой природы и постоянного ощущения угрозы. Напротив, оно постоянно пытается распространиться, вместе с тем захватывая материальные ценности и людские души. Почтительность — понятие, совершенно неизвестное боязливому человеку. Настоящая почтительность — нечто совершенно непонятное для христианства.

28. Невозможно чувствовать внутренний баланс, наслаждаться прекрасным, ощущать спокойствие и радость, когда опасешься любой исходящей извне угрозы: от других людей, от тех, кто исповедует иные религии, или от воображаемого... «Сатаны».

29. Терпимость требует хороших познаний о сущности человека и мира, а также открытости к БЫТИЮ. Только волевое погружение в Абсолютное Бытие и принятие святости Природы (либо через греческую философию и гуманизм, либо через здо-

ровую политеистическую религиозность) позволяют укрепить терпимость к другим людям и к самой жизни.

Влассис Г. Рассиас

**Перевод с английского
Ильи Стратонова**

Основы вероучения римской религии

«Основы вероучения Римской религии» — это краткое изложение основ римской политеистической религии, которая известна так же как Римская традиция или *Cultus Deorum*. В тексте рассмотрены основные составляющие веры: боги, религиозные практики, моральные ценности и т. д. Цель данного документа — ознакомление всех интересующихся с римской религией.

Оглавление:

1. Декларация.
2. Пантеон.
3. Моральные ценности.
4. Символы.
5. Религиозная практика.
6. Присоединение.
7. Заключение.

1. Декларация

Боги Рима и Эллады славятся своей доблестью, и, как раньше, мы сегодня чтим их. Также мы стремимся к возрождению истинного античного величия! Веруем мы в бесчисленное множество Богов, есть Боги главные, что держат великий совет, и другие олимпийцы, есть Боги локальные. Мы стремимся быть ближе к Богам. Веруем мы, что мир есть божественное зеркало, что Боги создали его из самих себя, потому Боги проявляют себя через мир. Они есть по отдельности, но в единстве того смысла, что они держат совет. Боги благие — благословляют людей и этот мир. Веруем мы в посмертное существование души в Аиде и в местах высших, что близко к Олимпу, и мы не отрицаем возможность реинкарнации. Стремимся мы к совершенству и чистоте, во славу Богов. *Ave Deorum! Ita est!*

2. Пантеон

Пантеон в римской религии довольно разнообразен, но расположен иерархично. Высшими считаются Боги, что составляют Совет Богов (*Dii Complices*). В его состав входят двена-

дцать главных Божеств: шесть Богов и шесть Богинь. Тит Ливий располагает Богов в шесть пар: Юпитер–Юнона, Нептун–Минерва, Марс–Венера, Аполлон–Диана, Вулкан–Веста и Меркурий–Церера. Есть также Боги, что не входят в Совет, но живут на Олимпе: Янус, Геркулес, Вакх. Далее идут Боги локальные (такие как Гении) и Боги-покровители чего-то более узкоспециализированного. Они подчиняются Богам Олимпа. Далее идут Боги, которые им служат, и даймоны (духи-прислужники), которые в целом служат Богам.

3. Моральные ценности

Наши моральные ценности делятся на личные и общественные добродетели.

Личные добродетели

Личные добродетели — это качества, которые должны присутствовать в характере каждого римского гражданина и римлянина в современном мире. Они — суть Римского пути — *Via Romana*. Именно эти качества дали Риму духовную силу покорить весь мир и нести ему светоч цивилизации. Сегодня римские добродетели — эталон, по которому мы должны сверять свое поведение и свой характер. В повседневной жизни нужно стремиться к более полному их осознанию и воплощению.

- *Auctoritas* — духовный авторитет, осознание своего места в обществе, основанное на личном опыте, *Pietas* и *Industria*.
- *Comitas* — обходительность, легкость характера, открытость и дружелюбие.
- *Clementia* — милосердие, снисходительность.
- *Dignitas* — честь, достоинство, самоуважение, личная гордость.
- *Firmitas* — твердость характера, упорство, целеустремленность.
- *Frugalitas* — бережливость, неприхотливость, не граничащая с нищетой.
- *Gravitas* — серьезность, ответственность, вдумчивость.

- *Honestas* — респектабельность, почтенность, ощущение своей важности в обществе.
- *Humanitas* — изысканность, цивилизованность, культурность.
- *Industria* — трудолюбие.
- *Pietas* — исполненность сознания долга, нечто большее, чем религиозная набожность (но и она включительно), уважение к естественному порядку вещей в обществе, политике и религии. Включает в себя идею патриотизма и самопожертвования.
- *Prudentia* — рассудительность, дальновидность, мудрость, проницательность.
- *Salubritas* — здоровье, физическая и духовная чистота.
- *Severitas* — суровость, серьезность, самообладание.
- *Veritas* — правдивость, честность по отношению к другим.

Общественные добродетели

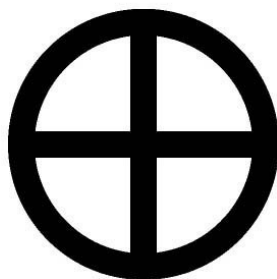
В дополнение к личным добродетелям, индивидуальным качествам, Римская культура строилась и на добродетелях, исповедуемых всем обществом в целом. Важно, что некоторые личные добродетели были одновременно и общественными качествами. Эти добродетели часто увековечивали, чеканя их на монетах, что позволило всему классическому миру познакомиться с моральным основанием Римской цивилизации. Во многих случаях добродетелям покровительствовали Боги.

- *Abundantia* — изобилие, богатство, обеспеченность всех слоев общества.
- *Aequitas* — справедливость, честность в отношениях между правителями и их подданными.
- *Bonus Eventus* — сохранение в памяти важных позитивных моментов.
- *Clementia* — милосердие по отношению к другим народам.
- *Concordia* — гармония как внутри Римского общества, так и в отношениях между римлянами и прочими народами.

- Felicitas — преуспевание, процветание, концентрация на лучших аспектах Римской культуры.
- Fides — доверие, вера в делах государственных и коммерческих.
- Fortuna — фортуна, предопределенность позитивных событий.
- Genius — Римский дух, осознание единства судеб отдельных римлян и Римского общества в целом.
- Hilaritas — веселье, празднование лучших времен.
- Iustitia — справедливость, выраженная через законы и правление.
- Laetitia — радость, благодарность за благополучное разрешение сложных ситуаций.
- Liberalitas — щедрость.
- Libertas — свобода.
- Nobilitas — благородство в общественной сфере.
- Ops — могущество, понимание влияния Рима.
- Patientia — терпение, способность переносить невзгоды.
- Pax — мир как в обществе, так и между народами.
- Pietas — набожность, вера в Богов.
- Providentia — предусмотрительность, позволяющая избегать неудач и добиваться высших результатов.
- Pudicitia — скромность, сдержанность, способность противостоять духовному разложению.
- Salus — здоровье и благоденствие общества в целом.
- Securitas — безопасность, мир, достигнутый при помощи эффективного управления.
- Spes — надежда, особенно в трудные времена.
- Uberitas — плодородие, особенно в сельском хозяйстве.
- Virtus — мужество, особенно мужество правителей.

4. Символы

Символами Римской религии являются орел Юпитера и Солнечный Крест.



5. Религиозная практика

Последователи романизма придерживаются древнеримского религиозного календаря. Также для отправления служения Богам можно создать домашний алтарь. Служение сопровождается чтением религиозных гимнов. Жертвой для Божества может быть мясо или другая пища, а также вино.

Римский ритуал

Вам нужны: свеча, образ Бога, которому вы будете воздавать жертву, благовония (то, что указано в списке), блюдо, где будет сама жертва, и бокал, где будет вино или вода. Однако приемлемы и другие напитки. Все зависит от Бога, которому приносится жертва.

При этом все приборы и сама жертва должны стоять на полотне (красном, черном или белом). Нужно проделать омовение, подойти к алтарю и проделать Aboratio.

Aboratio делается таким образом: целуется правая рука и с преклоненным коленом рука касается алтаря.

После этого жертву нужно положить на блюдо, а напиток налить в бокал. Далее призываются Веста и Янус словами: «О, отец Янус, помоги мне начать сей священный *ритуал*. Великая мать Веста, благослови сей алтарный огонь [на этом этапе зажигается свеча]. Янус, Бог, открой мне дверь и укажи мне божественный путь светом огня Весты. Юпитер, отец Богов благослови меня на свершение сего священного дела. Ita est».

Далее благодаря словам или гимнам призывается Бог, которому предназначена жертва. После произнесения нужно сказать: «Да будет сие пламя знаком твоего невыразимого присутствия и воскурение символом твоего духа!»

Далее читается гимн или слова прославления. После этого, приносится жертва. Она произносится с личной молитвой прошения принять жертву. После этого идет личная молитва прошения (если вы чего-нибудь хотите). После идут слова славения или гимн прославления. Далее человек должен произнести слова благодарения за Божественное присутствие и прикосновение к Божественному.

При принесении жертвы:

1. Aboratio.
 2. Три раза жертва около благовонного дыма должна подниматься и опускаться со словами молитвы — прошения принять жертву.
 3. Преклонить колено перед образом божества, держа напиток.
 4. На жертву в блюде прыскается оливковое масло. Потом щепотка соли и щепотка муки.
 5. Aboratio со словами: «Боже, прими мою жертву!»
- После: «Слава тебе, [имя Бога]! Сии приношения возвращаются к служителю твоему ради радости, здоровья и благополучия. Ave! Ita est».

После этого:

1. Aboratio.
2. Потушить светильник (свечу) и воскурения.
3. Исполнитель *ритуала* должен выпить половину жидкости.
4. Разделить и вкусить жертву со всеми участниками.

5. Преклонив перед алтарем колена, исполнитель (жрец) должен выпить оставшийся напиток.

6. Aboratio.

7. Римский салют со словами: «Ave Deorum! Ave [имя Бога]! Слава Богам!»

6. Присоединение

Для присоединения к Римской религии необходимо верить в Богов и Судьбу, а также придерживаться моральных ценностей, изложенных выше, и исполнить римский ритуал с искренним прошением к Богам о благословлении его Богами.

7. Заключение

В заключении хотелось бы объяснить очень важную вещь. Почему человек, живущий в России, может исповедовать Римскую религию? Россия — очень интересное государство, оно одно из немногих, кто смог перенять сущность империи (во времена Российской империи), может быть, не все социальные и экономические институты, но в культурном плане это была именно империя с иерархичными и местами сакральными институтами власти. Именно культурой римской, ровно так же как и российской, восхищались писатели императорской эпохи, довольно много архитектурных памятников Рима повлияли на архитектуру, а значит, и на восприятие прекрасного в Российской империи. И последнее, что хотелось бы сказать: живите во славу Богов и Богинь!

Вячеслав Марций

Языческий вопрос русского патриотизма (тезисы)

Вопрос религиозной принадлежности и идентичности является одним из острых в патриотическом движении, понимаемом в самом широком смысле.

В рамках нашего выступления мы более детально рассмотрим проблему взаимоотношений «православие vs. язычество», выразив ее в серии тезисов и возможных сценариев решения.

Экспозиция

I. После развала СССР русские лишились своей «большой идентичности» независимо от позитивных или негативных оценок советского периода. Новая Россия отказалась от идеологического компонента и не смогла предложить большую повестку, сделав ставку на формирование «гражданского общества» и «российской нации», т. е. речь идет о симулякрах. В этих условиях русские люди начали искать корни своей идентичности в разных идеологиях: ностальгическом коммунизме, православном монархизме, национализме различных видов, либеральном западничестве и, наконец, часть населения обратила свой взор к архаическим пластам русской истории — к языческой традиции как форме религиозной идентичности.

II. Де-факто зарождение этого движения началось в позднесоветский период. Спекуляции о «проекте КГБ» являются наивной конспирологией, которая в 1990-е и 2000-е годы трансформировалась в «проект ЦРУ»⁴⁸. Корни такого заблуждения лежат в том, что КГБ, как и положено этой структуре, держал руку на пульсе общественных движений и имел свою агентуру. Но это не является основанием для утверждений о кабинетной креатуре. Здесь же можно вспомнить о «сергианстве» и выдвин-

⁴⁸ За десятилетие активной жизни, работы и изучения изнутри русскоязычного язычества нам неизвестны факты прямого финансирования языческих организаций правительствами иных стран.

нуть встречный тезис о том, что вся история Церкви с XX в. по сей день — это проект НКВД/КГБ, лишенный благодати и чистой апостольской преемственности. Но этот разговор будет априори контрпродуктивным. На самом же деле, для православия сам факт того, что *язычество привлекательно для русских людей*, является болезненным, из-за чего появляются попытки его демонизировать или списать на чужую злую волю.

III. По данным исследовательской службы «Среда», в России причисляющих себя к «язычеству» — около 1,2 % населения⁴⁹, это примерно 1 734 тыс. человек при населении в 144,5 млн человек. По другим данным, язычников еще больше, особенно в крупных городах. Проблема заключается в том, что в России нет беспристрастной и объективной религиозной статистики, поэтому любые цифры всегда можно поставить под вопрос. По данным той же «Среды», воцерковленных православных в России не более 41 %, что в два раза ниже озвучиваемых РПЦ цифр. Язычники представлены практически во всех сферах общества: молодежь, студенты, учителя, врачи, сотрудники органов, армия, образование, сфера культуры, рабочие профессии, бизнес и т. д. и т. п.

IV. Помимо русских людей, которые выбирают язычество как свою религиозную идентичность, в России проживает множество народов, для которых их аутентичные (языческие) традиции являются основными и единственными. Это Удмуртия, Карелия, Кавказ (осетины), народы Сибири (шаманизм на Алтае, в Туве, Бурятии), народы Севера и Дальнего Востока. Вопрос язычества затрагивает и их в том числе, как основу их самобытности и уникальности. Речь идет о плюральности культур, логосов, о «цветущей сложности» применительно к этнорелигиозным сообществам, проживавшим на территориях России до прихода сюда русских людей и в соседстве с ними. Вопрос об их соучастии, сохранении и защите ими своих традиций не должен пролегать через колониальную формулу «сначала крещение, потом разговоры».

V. Шире, речь идет о том, что перед православными верующими, перед Церковью, со всей серьезностью встает вопрос

⁴⁹ <http://sreda.org/arena?mapcode=code13355>

о Другом, об отношениях с Другими. В социологическом, политическом, культурном и общественном измерениях вопроса.

VI. Далее, принципиальным врагом сегодня является глобализация, распространение Запада в планетарном масштабе и все более укореняющийся Постмодерн. В противостоянии этому врагу язычество — как набор традиций, связанных с этносом, месторазвитием и культурой (локальность против глобальности), — является естественным союзником и подспорьем. Противостояние глобализации, прогрессу и Постмодерну — это потенциальная общая платформа для взаимодействия. В своей книге «Четвертый Путь. Введение в Четвертую политическую теорию» Александр Дугин признает легитимность обращения к дохристианским традициям в поисках идентичности и ресурсов противостояния глобализму и либерализму.

Проблемные вопросы

В адрес язычников у христиан есть ряд вопросов, некоторые из которых действительно правомерны, но большинство из них — это наши, сугубо внутренние проблемы и внутритрадиционные дискуссии.

I. Проблема преемственности, трансляции традиции. Вопрос давно закрытый в языческом сообществе. Христианизация никогда и нигде не означала одномоментного и поголовного крещения и смены веры, процесс проникновения новой религии в широкие народные массы, включая и коренную перестройку мышления на основе другой онтологии и аксиологии, занимает многие века. В разных вариантах традиция дошла до наших дней подпольно в фольклоре в виде двоеверия или так называемого «народного православия», которое сохранилось практически до наших дней. Как отмечает в своем эссе «Первобытное мышление» традиционалист и ученик Рене Генона Ананда Кумарасвами: «Пока фольклорный материал передается, он способен стать основой, на которой может быть сделана надстройка полного инициатического понимания». В виде философского двоеверия языческая мудрость инкорпорирована во все тело христианства с самого его догматического оформления на Все-

ленских соборах, но и без этого языческие структуры мышления прошли сквозь историю в виде наследия платонизма и неоплатонизма. Обращение к язычеству и мифам в культуре Европы и России известно повсеместно. Возрождение язычества предпринималось в эпоху Ренессанса (Гемист Плифон), встречается в романтизме, немецком движении фелькише (с оговорками). В русской культуре народническими (=языческими) мотивами пропитана значительная часть поэзии (Клюев, Есенин, Хлебников) и философии (Иванов, Мережковский) Серебряного века. С опорой на философию традиционализма Ю. Эволы, А. Кумарасвами, М. Элиаде, А. де Бенуа и К. Клири задача адекватного возрождения язычества имеет все шансы и перспективы на самый благополучный исход. Де-факто это уже свершается на наших глазах в последние десятилетия.

II. В истории православной церкви также есть моменты, которые ставят под сомнение всю полноту преемственности и наличие в ней инициатического измерения (благодати): церковный раскол на никониан и старообрядцев в XVII в.; синодальный период 1700–1917 гг.; разгром Церкви после революции 1917 г. и период атеизма; сергианская церковь; возрожденная Русская православная церковь в 1990-е годы. Целостность, непротиворечивость и транслируемость Церкви между этими периодами вызывает сомнения. Все это подводит к тому, что вопрос о передаче, об аутентичности структур — тупиковый и непродуктивный, он имеет смысл лишь как факультативный историографический диалог.

III. Ортодоксия и гетеродоксия. Христианство обладает своей догматикой, корпусом священных писаний и преданий, каноном. Отступления от него ведут к маргиналиям, внутрицерковным течениям и сектам, в крайнем случае приводящим к ересям и оформлению сект-раскольников. Христианство выражает идею централизованной ортодоксальности — стремление к унификации и универсальности. Язычество выражает гетеродоксальность. Та или иная языческая традиция не всегда имеет конкретную «библию», но всегда имеет мифы, культурное наследие и т. д. В рамках одной традиции возможны в разной степени обособленные (родом деятельности, например) культы различных Богов или духовные практики. Это подводит нас к тому, что частая кри-

тика язычества аргументами «покажите ваши священные книги» или «где ваша унифицированная структура-церковь» нелегитимны в силу различных природ организационного устройства наших религий. Гетеродоксальное устройство языческих традиций не лучше, не хуже, не более отсталое и не менее прогрессивное, чем христианское, — оно просто Другое. Но все же мы упомянули «доксу», и гетеродоксия не означает повального синкретизма и легитимности New-Age симулякров, псевдо-языческих спекуляций или креатур в духе «макаронного монстра». Если в авраамических религиях границы канона и ортодоксии обозначены жестко, то в язычестве они, хоть и более подвижны и шире в целом, тоже присутствуют. Проблема четкого разграничения язычества от псевдо-язычества (*science freaks*, псевдонаучные спекуляции на почве хронологии, истории, лингвистики, мифологии и т. д.) решается как раз с опорой на языческий традиционализм. Этому посвящено уже несколько аналитических работ⁵⁰, в самом языческом сообществе ведется работа по очистке рядов от лже-ученых и их последователей; необходимость разграничения (нео)язычества от псевдо-язычества кулуарно признают и религиоведы. Идеи о создании «языческой церкви», т. е. централизованной унифицированной официальной организации, в языческой среде идут давно, но пока это не представляется столь необходимым проектом.

IV. Проблема влияния Модерна и Постмодерна на общество, на религиозные доктрины и общины — общая для всех, здесь и христиане, и мусульмане, и буддисты, и язычники (как русские, так и представители коренных народов) — все в одних неблагоприятных условиях. Каждый решает свои внутренние проблемы.

V. В беседе с настоятелем Софрониевой пустыни о. Владимиром Цветковым летом 2018 г., мы затронули проблемную тему: как могут православные на богослужениях поминать и молиться за своих предков или близких, которые когда-то являлись или являются прямо сейчас язычниками (шире — инославными)? Позиция «не поминать тех, кто не во Христе», т. е. резать свой род (шире — историю России), априори должна быть

⁵⁰ См.: Svarte Askr. *Polemos: Языческий традиционализм*: в 2 т. 2016.

неприемлемой. Но тем не менее вопрос открыт. В целом среди рядовых язычников, самых обычных людей, высок потенциал религиозной терпимости.

VI. Язычники по своей сути — акценты на род, семью, место проживания (родину), культуру, сакральное и миф — склонны к консерватизму и антиглобализму, антиурбанизму. Либеральные тенденции, «культурный марксизм» — это грубые и очевидные инфильтрации Постмодерна в языческие сообщества и их разложение. Подробный анализ этому явлению дан в двухтомнике «Polemos»⁵¹. К тому же проведенный летом 2018 г. опрос среди язычников-родителей о воспитании согласно традиции в условиях современности выявил, что более половины родителей крайне негативно оценивают влияние массовой западной поп-культуры, гаджетов, Интернета на воспитание детей⁵². Здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой влияния западной лево-либеральной культуры на общество и религии. Так, известно, что в протестантских приходах уже служат представители ЛГБТ-сообщества (пасторы-геи), но это не повод говорить, что христианство — это религия для ЛГБТ. Аналогичная ситуация и с язычеством, где некоторые организации вероломно идут против прямых табу, изложенных в мифах и закрепленных в культуре и истории. Но они не выражают позицию и доктрину всего язычества, а являются просто ренегатами.

VII. Более того, ведущие идеологи и крупные объединения языческого возрождения на Западе тоже опираются на традиционализм Ю. Эволы, поддерживают контакты с «новыми правыми» (А. де Бенуа, GRECE), средой Alt-Right, идентаристами и консерваторами. То есть являются сознательными антиглобалистами, антимодернистами и потенциальными союзниками.

VIII. Начиная с 2014 г. очень много язычников (самых разных толков) с первых дней участвовало и участвует в собы-

⁵¹ См. также статью Askar Svarte «Идентичность язычника в XXI веке» (альманах «Warha #5», 2018), где описываются три магистральных течения в современном язычестве на Западе (актуально и для РФ): универсализм/постмодернизм — folkish/этноцентризм и консерватизм — трайбализм/малый этнизм.

⁵² См.: «Воспитание в традиции и влияние современности» (альманах «Warha #5», 2018).

тиях в Крыму и на Донбассе. Люди воевали, работали, перечисляли деньги, погибали и т. д. — люди приняли идею «Русского мира» и пошли за нее воевать, при этом будучи язычниками. То есть люди внесли свой вклад кровью, а в России их демонизируют и вычеркивают из участников только по религиозному вопросу. По обе стороны конфликта на юго-востоке Украины сражаются люди самых разных конфессий, поэтому нельзя утверждать, что религиозный фактор является ведущим в конфликте. Эта позиция выборочной героизации обнажает лицемерие и тоже является проблемой.

IX. В ходе личных бесед с верующими и духовенством на вопрос «Что опаснее для России: радикальный исламизм или язычество?» многие отвечали «язычество». Здесь стоит заметить, что такого явления как международный языческий терроризм, не существует в природе, в отличие от запрещенного в РФ «Исламского государства».

X. Тематика русских ценностей также не чужда язычеству. Почитание родителей, старших предков, опека и правильное воспитание детей, многодетность и шире — культ рода являются одной из фундаментальных частей славяно-русского язычества, которая наследуется и проявляется во всей истории и культуре России. Также язычники интерпретируют акцию «Бессмертный полк» как современное проявление культа предков и участвуют в нем. Если обратить внимание на недавний социальный опрос «Воспитание в традиции и влияние современности», то мы увидим, что в числе наиболее опасных и вредных для воспитания и образования детей факторов родители-язычники называют влияние массовой западной поп-культуры, гаджетов и Интернета⁵³ — вещи и явления, которые справедливо критикуются консерваторами самых разных идеологических оттенков.

XI. Для современного русского язычества (думаем, мы вправе сказать и за коренные народы в том числе) программ-оптимум — это свобода жить и исповедовать свою традицию, принимать деятельное конструктивное участие в жизни общества, в социальных проектах и патриотическом движении. Признание в правах, реабилитация и легализация язычества как од-

⁵³ http://askrsvarte.org/pub/downloads/rus_pagan_families_research_2018.pdf

ной из традиций, которую исповедуют в России (и русские, и коренные народы), по факту является залогом и гарантом большей стабильности в обществе. Упразднение социально-уголовного прессинга выводит из тени потенциальных маргиналов и устраняет условия для возможных преступлений.

Движение к этому можно начать с инициации общественной дискуссии, проведения круглых столов и в целом через налаживание диалога в формате «без предварительных условий». Как ни крути, но и православным, и язычникам жить в одной стране. Поставить 1,7 млн человек за пределами правового поля и систематически их демонизировать⁵⁴ — это закладывать мину замедленного действия в обществе. Все это трудные и долгие процессы, требующие больших усилий ото всех сторон. Надо быть готовым, что в этом диалоге — и в жизни в целом — не будет сплошных совпадений «ста из ста», согласия по всем пунктам. Это надо понимать, быть готовым и принять.

Пока же раздаются только редкие голоса и происходят эпизодические конструктивные беседы.

Е. Нечкасов

⁵⁴ Яркий пример безнаказанного языка вражды, попадающий под все существующие уголовные статьи об экстремизме, демонстрирует протонерей Дмитрий Смирнов.

Askr Svarte:

интервью журналу Ginnungagap

(Ginnungagap — французский бумажный black metal фанзин)

Wodfræca Werewolf: Здравия. В России у вас вышло несколько книг и одна из них, «Gap» («Чарующая Бездна», 2017), издана на английском. Можете представить себя, ваши труды и путь?

Askr Svarte: Nail. Я занимаюсь возрождением языческих традиций уже десять лет: развитием теологии, философии, мистицизма, изданием книг, брошюр, переводами статей и интервью, созданием сайтов, видео, графики, организацией лекций, мероприятий, ритуалов и других проектов в этой сфере. Думаю, среди западной аудитории наиболее известна моя ипостась как автора статей и книги по Пути Левой Руки в Одиночестве и связанным с этим мистицизму и эстетике. Но мои взгляды и интересы гораздо шире и глубже, чем только ПЛР или языческая духовность. Я стараюсь следить за многими процессами в мире, за обществом в самых разных сферах и интерпретировать все происходящее с языческих позиций.

W.W.: Ваше имя и наименование сообщества «Svarte Aske» прямо отсылает к Скандинавской традиции, а также к мифу о творении мужчины и женщины из двух деревьев. Можете объяснить причины выбора вашего имени, которое подчиняет вас Одину?

A.S.: Практически все мои предки восходят к этническим немцам из Швабии и Баварии, которые мигрировали в Российскую империю при Екатерине II. Мои прабабушки даже слабо говорили на русском, когда были сосланы Сталиным в Сибирь. И сейчас часть моих родственников проживает в Германии, куда я совершил визит в самом начале 2016 г. Я рассматриваю эту ситуацию как долгое путешествие фамилии через время и пространство, поэтому обращение к германо-скандинавской тради-

ции — это, в числе прочего, и связующее звено с далекой родной, ее землей и небом.

Касательно имени. Имя — вещь очень субтильная, не очень правильно говорить о том, что имя рационально выбирают, скорее, его находят, обнаруживают через внутренний резонанс. В свое время я не думал о том, что исландское имя Askr сродни ветхозаветному Адаму (первый человек), со всем присущим этому пафосом. Многие грани, связанные с интерпретацией этого мифа и имени в свете личной практики и почитания Одина, раскрылись для меня значительно позже. Тем не менее, когда я решил называть себя и подписывать свои труды именно так, я совершил пару соответствующих ритуалов, дабы не быть голословным ни для себя, ни для Богов. Вторая часть имени Svarte/Svartr была добавлена спустя пару лет, когда речь зашла о Путилевой Руки.

W.W.: Вы традиционалист и единист. Сегодня очень много людей провозглашают себя единистами, вотанистами, асатру, язычниками и т. д. Каково ваше собственное видение Единизма и чем вы отличаетесь от других самоназванных движений Единизма или Вотанизма?

A.S.: Слова значат очень много. Обычно слово «Вотанизм» ассоциируется с немецким оккультизмом, с Гвидо фон Листом, а позднее — с фигурой Дэвида Лейна, который популяризовал термин в США. Фон Лист и Д. Лейн — не мои кумиры, я очень критично отношусь к немецкому квазизыческому оккультизму конца XIX и первой половины XX в. Само слово «Вотанизм» звучит очень хорошо, но из-за его контекста я его почти не употребляю.

Иное дело с Асатру — это очень конвенциональный, емкий и хороший термин. Но он слишком «травоядный» для тех идей, которые меня интересуют и которые я развиваю. Да простят меня сами асатру, ибо в любом случае мы все находимся на одном поле Северной Традиции, обращаемся к одним Богам и одной культуре, только с разных сторон. Я не против термина «Асатру», если надо как-то быстро и лаконично описать свои основные представления.

Тем не менее ближе и точнее всего мои взгляды выражает слово «Одинизм». Я ни в коем случае не желаю превратить Северную Традицию в монотеизм, но верховный ас Один/Вотан — это воистину неисчерпаемая вселенная для постижения и интерпретаций. Я думаю, в пределах Германского Логоса он является краеугольной фигурой вообще для всего. Поэтому он вызывает у меня наибольшее почтение и интерес. Я посвятил сотни страниц анализу этой фигуры. Поэтому когда я говорю «Одинизм», я хочу подчеркнуть именно этот аспект. Других асов и ванов я ничуть не отрицаю и вспоминаю при случае.

W.W.: В России вы создали сообщество «Svarte Aske». Каковы цели вашего сообщества? Как его принимают в России?

A.S.: На нашем сайте www.askrsvarte.org в открытом доступе выложены два документа «Устав сообщества»⁵⁵ и «Основы вероучения Одинизма»⁵⁶. В них мы сформулировали наши взгляды в самой простой и доступной форме.

Если кратко, то в центре нашего внимания находится проблема эсхатологии, конца времен и как этот факт влияет на язычество и духовность в наши дни. Какие возможности и пути появляются, а какие уходят безвозвратно.

За последние несколько лет мы стали закрытым сообществом, т. е. мы практически не проводим открытых публичных ритуалов и обрядов. Но мы активно занимаемся всей остальной работой по продвижению и развитию язычества во внешнем мире, формируя актуальную повестку дня и дискуссии в языческой среде.

Более того, Северная Традиция — это одна из частей нашей идеологии. Шире мы развиваем и продвигаем философию языческого традиционализма и теологию, которая полезна и интересна для язычников любой традиции, так как она фундаментальна и, в некотором смысле, универсальна.

⁵⁵ http://askrsvarte.org/pub/downloads/svartearske_com_eng.pdf (на английском языке).

⁵⁶ <http://askrsvarte.org/odinism/>

W.W.: Как я понимаю, ваше сообщество представлено в США, Сербии, Австралии, Испании, Великобритании и Казахстане. Некоторые из этих наций имеют сильные непрерывные связи со своими традициями. Другие имеют недавнюю историю, так как являются результатом упорной колонизации последних веков, например США. Как ваши ячейки интегрированы в других культурах? Кто входит в ваши отделения, местные или потомки европейских мигрантов?

A.S.: Наше сообщество существует только в России. У нас есть множество друзей и дружеских организаций в Европе, США и по всему миру, с которыми у нас совпадают взгляды на вопросы и мировоззрение. Для того чтобы стать именно членом сообщества, необходимо максимально полно понимать и принимать наши взгляды и решения (что очевидно), а также быть знакомыми лично. Поэтому если кто-то из Европы или другой страны захочет именно вступить к нам, то ему надо будет приехать в Сибирь лично или организовать встречу на своей стороне. Тем не менее мы вполне открыты к сотрудничеству на партнерской и дружеской основе с нашими вольными единомышленниками.

Так как мы говорим о Северной Традиции и славяно-русском язычестве, то мы приветствуем представителей европейских и индоевропейских народов, которые помнят свои корни.

W.W.: В России есть традиционная вера — Родноверие, которое мы, наверное, можем считать неоязыческой реконструкцией. Оно связано с этнонационализмом? Вы были членом родноверческой общины?

A.S.: Да, Родноверие очень широко представлено в России, и я лично неплохо знаком с этой традицией. Менее года я относил себя к Родноверию, перед тем как окончательно укорениться в Единизме. Тем не менее в нашем сообществе и среди наших друзей родноверов-традиционалистов примерно 50/50. Родноверие можно смело отнести к тому, что на западе называется *folkish paganism*, т. е. это очевидно этноцентрическая традиция, да. Касательно реконструкции: в Родноверии есть несколько разных течений с разной степенью свободы относи-

тельно именно реконструкторской достоверности. На сегодняшний день, на мой взгляд, неوفиту есть из чего выбирать. Но и проблем немало.

W.W.: Вы написали последовательный труд «*Polemos: Языческий традиционализм*», посвященный дохристианской вере. Прослеживаете ли вы в нем связи между германо-скандинавской традицией, Родноверием и иными европейскими народами, возможно, восточными?

A.S.: Да, в этой книге проводится широкий анализ и сравнение, где это возможно, индоевропейских традиций. Есть три опорных географических точки: Восток (преимущественно Индия), Россия и Восточная Европа (славянская традиция в разном образии) и Западная Европа (германо-скандинавская, греко-романская и кельтские традиции). Опираясь на фундаментальные труды Жоржа Дюмезиля, Мирча Элиаде, Юлиуса Эвола, на философию структурализма, лингвистику, феноменологию и сравнительную мифологию, мы можем обнаружить множество структурных параллелей и общего, «примордиального», если угодно. Но, помимо всего прочего, у каждой традиции есть свои уникальные черты и структурные элементы, которых нет у других и которые, на мой взгляд, принципиально нельзя перенести из одной традиции в другую. Например, руническая йога или славянские руны — это очевидные перегибы, точно так же проблема Рагнарека не является для индусов такой острой, какой она является для германцев.

W.W.: Более того, что касается традиции, Бог Тор представляется вооруженным Молотом, немного необычным для битвы, тем более что Тор никогда не проявлялся как творец или ремесленник. И в истории мы видим, что Громовержец совершает ритуал, который выглядит шаманским по происхождению: он возрождает двух козлов, которых он убил, чтобы разделить трапезу с Локи и фермером накануне. Что вы можете сказать об этом «шаманском» ритуале, который, кажется, связан с концептом костной души, которую мы можем найти в сибирском шаманизме?

A.S.: Тор — Бог-защитник, это его наиболее известная и почитаемая ипостась, и он укладывается в этот архетип целиком. Касательно шаманизма, здесь надо сделать оговорку. У сибирских народов шаман — это особое лицо в общине, которое занимается знахарством, лечением и ритуалами так сказать профессионально. Даже слово «шаманизм» не совсем корректно употреблять, если речь не идет о человеке, который занимает специальное место в обществе. Но давайте возьмем этот термин чуть шире. Если мы говорим об экстатических практиках, о ритуальном танце, о бубнах и пении, о путешествии души, пока шаман спит или лежит, как труп, то все это мы найдем в фигуре Одина, в его мифах. Вотан странствует во всех мирах, Снорри пишет, что в это время он может лежать, как труп. Он же практикует сейдр и является повелителем экстаза воинов и мудрецов. Поэтому, безусловно, шаманский элемент в Северной Традиции есть, и это хорошо, надо это изучать и делать это корректно, следуя логике самой традиции.

W.W.: И касательно Молота Тора, исследователи до сих пор спорят, был ли молот его изначальным оружием или это была секира, которая спустя века заменилась молотом? В своих исследованиях вы изучали этот вопрос?

A.S.: Молот является таким же архаическим символом, как и самый простой топор. Я не могу сказать абсолютно точно касательно Тора, но здесь в славянской мифологии его «брат» Бог Перун, тоже защитник и громовержец, изображается с секирой — это довольно распространенный оберег, аналог Мьелльнира. Так что я, если честно, не вижу тут чрезвычайной проблемы. Молот так Молот.

W.W.: В России Путь Левой Руки известен как Шуйный Путь, который разработал волхв Велеслав, с которым вы знакомы. Какова роль Шуйного Пути в вашей концепции Одинозма? Чем Шуйный Путь отличается от других движений ПЛР?

A.S.: Термин «Путь Левой Руки» на самом деле является очень большим «зонтиком» для разных оккультных и духовных

учений и школ, от Индии (вамачара) до Европы и США. Порой это настолько разные учения, что между ними вообще нет ничего общего, кроме некоторой мрачной депрессивной эстетики. Шуйный Путь волхва Велеслава — это современный плод его личного духовного опыта, который он выражает и описывает на языке славяно-русской традиции. В его книгах вы можете найти следы тантризма, буддизма, гностицизма, европейского оккультизма и алхимии, магию Хаоса и, разумеется, глубокие прозрения в русле Родноверия. Я не скажу, что я согласен со всем в этих работах, например я не сторонник гностицизма и скептически отношусь к европейскому оккультизму XX–XXI вв. Тем не менее это все формы и внешние оболочки. Если вам не по душе что-то одно, то на следующей странице Велеслав расскажет об этом же на языке совсем другой традиции, которая вам ближе. Есть у него и пассажи о Северной Традиции в том числе. Но самое важное — это то, что находится за словами, то, что скрывается в темноте безмолвия и тишине. Вот это прозрение о глубинном Ничто (Бездне, Abgrund), безусловно, оказало большое влияние на более правильное понимание того, что такое Путьлевой Руки.

Мне кажется, — тут я скажу только свое мнение — что на Западе Путьлевой Руки понимают больше как квазисатанинскую, мрачную эстетику и попытку оправдать свой индивидуализм, а также я вижу слишком большой перекося сторону оперативной магии, а не в сторону подлинного самопознания и духовной трансформации. Но есть такие авторы, как Клиффорд Клири и Стивен МакНаллен, я думаю, что они хорошо понимают, что такое Путьлевой Руки и Единизм.

Наконец, пару лет назад в издательстве «Fall of Man» вышла первая англоязычная книга Велеслава «The Great Perfection Doctrine» с моим предисловием, так что желающие могут ознакомиться с его идеями напрямую.

W.W.: Расскажите нам о вашем знакомстве с волхвом Велеславом и о его роли в традиционализме.

A.S.: Я познакомился со статьями и книгами Велеслава еще на заре своего становления, т. е. лет десять назад точно. Позднее,

в 2011 г., мы познакомились лично, и я вручил ему одну из своих первых книжек. С тех пор мы дружим и сотрудничаем.

У британского историка Марка Сэдживика есть книга «Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century» об истории традиционализма как философской школы. В ней он предложил делить традиционалистов на два направления: на тех, кто жестко отрицал современный мир, его культуру и ценности, и на тех, кто вел мягкую апологию сакрального, духовности и Традиции в академической науке, литературе и культуре. Велеслава можно отнести к таким «мягким» традиционалистам, хотя, повторюсь, его взгляды шире какой-то одной конкретной школы мысли. Касательно Родноверия, ранние работы Велеслава — это наглядный пример негласной адаптации многих положений традиционализма к славяно-русской традиции, ее мифологии и языку. Так что последователи школы Велеслава в современном Родноверии всегда одной ногой стоят в традиционализме.

Лично я занимаю очень жесткие позиции в этом вопросе, но я признаю большую положительную роль «мягкого» традиционализма в философии и гуманитарных науках.

W.W.: Вы утверждаете амбивалентную природу Богов в Одиниизме, что у них есть светлая и темная сторона, что отличает их от христианского божественного мифа. Как эта амбивалентность проявляет себя, как дуальность выражается в германо-скандинавских Богах, например в случае Локи, и, возможно, у славян?

A.S.: В германской мифологии амбивалентность Богов представлена не очень ярко. Есть «Lokasenna», где Локи как бы «вскрывает», что каждый из асов и ванов таит в себе еще что-то не очень лицепрятное. В целом это укладывается в логическое и местами архаическое представление об амбивалентности. Например, Богиня Плодородия/Земли в аграрных мифах нередко выступает и как Богиня Смерти. Земля одновременно дарует всходы и принимает в себя трупы. Либо Эрос у Платона («Пир») или у Юлиуса Эвола: он может возносить к высшему Единству (сродни соитию Шивы и Шакти), а может низвергать человека в

бездны телесной одержимости и пошлости. Многие вещи несут свою созидательную и разрушительную стороны. В случае с Одинизмом можно упомянуть две фигуры: Одина и Локи.

Есть распространенное представление что Один — это Бог воинов, Всеотец, он решает исход битвы, пирует в Вальхалле и вообще всецело сосредоточен на воинственной стороне бытия. Это аспект Пути Правой Руки и одна сторона медали. С другой стороны, Один — это умирающий Бог, это Бог мудрости, поэзии, экстаза и одержимости, Бог смерти который на протяжении всей мифологии преследует какие-то свои скрытые цели. Местами он ведет себя совсем непонятно, окружая мраком свою тайну. Это уже аспекты Путилевой Руки. При этом тут сложно говорить, что речь идет о полярной амбивалентности, скорее, воинственная сторона Одина дополняет и маскирует его внутренние шаманские аспекты. То есть одно перетекает в другое.

Гораздо сложнее ситуация обстоит с Локи. Что про него обычно говорят? Бог обмана, трикстер, Бог огня. Это все поверхностная рябь на воде, ситуация гораздо сложнее. Впервые, Локи вообще не Бог. Для многих это уже откровение. Его род восходит к йотунам (титанам), и его дети также являются титаническими чудовищами. (Еще одно откровение: Хель не является Богиней Смерти, а только хозяйкой одного из загробных миров.) Он не из асов и не из ванов, он из своего рода хтонических могуществ. Тем не менее его принимают в семью Богов, потому что он братается с самим Одином. И его считают «своим» среди Богов, потому что это санкционировано Одином-Всеотцом. Если мы вспомним мифы о Бальдре и «Перебранку Локи», то мы увидим, что Локи предает Богов и выступает против них. Богоборчество — это типичная и априорная черта йотунов, это определение титанизма *par excellence*.

Специфические братские отношения Одина и Локи показывают нам Верховного Бога, который полновластно реализует то, что он задумал, и его темного двойника-неудачника в лице Локи. Все, что делает Один, — приводит его к целям. Все, что делает Локи, — порождает проблемы или неудачи. Хотя методы у них идентичны. Этим я хочу сказать, что фигура Локи на самом деле в разы сложнее, чем примитивные шаблоны. Я встре-

чался с таким мнением среди единистов, что Локи — это германский «сатана», но это тоже примитивное решение проблемы.

Локи гораздо ближе к греческому Прометею или к Мефистофелю из «Фауста» Гете. Но если кто-то думает, что Прометей принес людям свет прогресса и разума, то он глубоко ошибается. Прометей, как и Мефистофель, приносят только обман и вражду между Богами и людьми.

На русском языке у меня есть книга «Приближение и окружение», в ней я очень подробно разбираю фигуру Локи и его отношения с Одином, связь с Прометеем. Думаю, про это можно написать еще много страниц.

W.W.: Что вы думаете о таком поверье, которое продвигают некоторые группы, что Один — это безумный демиург, который возник из бездны Гиннугаап. Сотворил этот мир и принудительно удерживает нас в нем?

A.S.: Здесь снова надо уточнять термины. Демиург — это научный термин, который буквально означает «творец», т. е. тот Бог или Боги, которые создают упорядоченный космос. В таком случае Один, безусловно, один из Богов-демиургов, который создает мир и людей.

С другой стороны, есть гностицизм и там Демиург — это глупец, это безумный плохой Бог-тиран, узурпатор душ в темнице космоса. Но какое отношение семитско-христианские гностические секты имеют к Северной Традиции? Я думаю, что никакого. Если кому-то симпатичен гностицизм, то пусть примет христианство, станет катаром (каθαρός). Такое смешение я считаю продуктом без оснований, и это не имеет отношения к язычеству.

Отношения между Одином и Гиннунгаап (Бездной, Хаосом) тоже далеко не просты, это одна из магистральных тем книги «Приближение и окружение». Радикальный манихейский дуализм не свойственен Германскому Логосу, у нас есть место для войны в духе полемики, о которой говорил Гераклит Эфесский.

W.W.: Темное германское язычество, которое развивается уже несколько лет, особенно среди black metal сцены, связано с почитанием турсов, примордиальных Богов-прородителей асов и людей. И вот ваша цитата: «Сегодня принято представлять культ титанов, йотунов и турсов, низших духов, как часть Пути Левой Руки, так называемые Турсатру и Реккатру. Я думаю, что это наивное хобби для домохозяек и, в лучшем случае, виккан. Люди, которые этому привержены и которые молятся им [титанам], не понимают логику мифа и воинственную основу германо-скандинавской традиции, воинский этос и культуру германских Богов. Это яркий пример, когда Путь Левой Руки сворачивает явно не туда». Можете объяснить свои слова касательно Турсатру?

A.S.: Да, это мои слова и дело обстоит именно так. Хотя вопрос на самом деле гораздо сложнее. Попробую ответить кратко.

Турсы — не Боги, это аксиома. Светские ученые, которые относятся к нашей традиции как к объекту и не верят в то, что изучают и описывают, очень любят приписать статус «бога» тому или иному существу. Это ошибка, которую вслед за ними повторяют неопиты в нашей традиции. Хотя достаточно внимательно прочитать сами источники, хотя бы «Старшую» и «Младшую Эдду».

Турсы относятся к примордиальным титаническим могуществам, действительно мощным и фундаментальным, древнейшим. Но это еще не Боги. Здесь уместно провести параллель с греческой традицией и титаномахией. Я настоятельно рекомендую книгу Фридриха Георга Юнгера «*Griechische Mythen*» для понимания этого вопроса.

Далее, в своей оценке таких явлений, как Турсатру или Реккатру, я опираюсь на то, что вижу в русскоязычной среде. Практически в 100 % случаев адепты этих течений представляют из себя смесь подросткового сатанизма, LGBT+SJW, викканства и фан-клуба отвратительных фильмов Marvel. Очевидно, что тут не о чем серьезно разговаривать.

Среди англоязычных авторов я вижу более серьезный подход к этой теме, включая музыку и эстетику. Почему эту те-

му используют в жанре black metal — понятно и, думаю, что тут нет противоречия и проблемы. Хотя если погрузиться в атмосферу книги «Gar: the Left Hand Path approach to Odinism», то в ней можно найти еще один источник для лирики в этом жанре.

Я не хочу использовать термин «сатанизм» в отношении Турсатру, если мы говорим об этой идее серьезно. В язычестве нет таких понятий. Но я бы хотел остановиться на ваших словах: «Турсы — это примордиальные Боги-прородители асов и людей».

Есть такое представление, что турсы были изначальными Богами, которых свергло и предало забвению молодое поколение асов во главе с Едином. То есть, что асы и ваны — это вновь Боги-узурпаторы, а настоящие древние Боги (турсы) преданы забвению. Я нахожу это очень плохим пересказом гностической модели с помощью языка Северной Традиции. Если мы поверим, что Верховные Боги ложны, то значит, ложна и вся мифология, весь фольклор, вся структура общества, все ремесла и даже язык. Потому что ложны Боги, которые создали этот порядок. Так мы приходим к отрицанию мира как такового и конспирологии. Когда-то давно я тоже был заинтересован в таком взгляде на вещи, но очень быстро оставил эту теорию как неудовлетворительную.

Противопоставление Богов и титанов (йотунов и турсов) создает позитивное напряжение конфликта в мире, т. е. запускает и поддерживает движение и становление. Когда материальное уравнивается и освещается духовным, то мир живет в согласии. Проблема заключается в чрезмерном дерзновении и раскрепощении хтонического.

Преодоление различий в Едином, в Бездне — то, о чем мы говорим в книге «Gar», например, — не означает, что в нашем срединном мире все вдруг станет радужным и умиротворенным, как хиппи. Война — отец всех вещей. И глядя взором из Единого, мы не видим противоречий между Бездной, которая охватывает все, и дуализмом в Мидгарде. Ибо все на своем месте и согласовано в иерархии.

W.W.: В вашей книге «Gar» вы предлагаете три разных пути для постижения ПЛР в Одиноизме: Речи Ганграда

(Gangraðr), Речи Вегтама (Vegtamr) и Речи Квасира. Объясните нам значение этих трех Речей.

A.S.: Такое оформление было сделано специально для англоязычного издания и для второго русскоязычного переиздания этой книги. Если кратко, то суть такова:

- Речи Ганграда (одно из имен Одина, «Советник в Пути») — в этом разделе излагается теоретическая часть учения, его базовый посыл и символы.
- Речи Вегтама (еще одно имя Одина, «Привыкший к Пути») — в этом разделе я описываю некоторые практики, которые помогают на деле понять, о чем идет речь, и достичь изменения в мышлении и восприятии мира. Сейчас, уже годы спустя после написания этой книги, я считаю, что наиболее полезными практиками являются правильное мышление (философия) и наиболее архаичные экстатические ритуалы. В книгах они не описаны.
- Речи Квасира — это притчи, заметки и описания собственных впечатлений от практик и духовной трансформации. Это свидетельства и продолжение наставлений, только в более литературной форме.

W.W.: Вы знакомы с книгой Варга Викернеса «Речи Варга», как она повлияла на ваш выбор в пользу Одиночества?

A.S.: Да, книги Варга очень впечатляют, особенно если ты молодой человек. Но когда я их перечитывал уже в более сознательном возрасте, я понял, что в них очень много ошибок, и это небогатый труд. Я считаю, что как язычник Варг раскрылся в сфере музыки — здесь у меня нет никаких замечаний к его творчеству, только восторг. Варга можно не читать, но слушать его обязательно. За его современной активностью я не слежу, но желаю ему крепкого здоровья и чтобы власти Франции и Норвегии оставили его в покое.

W.W.: Финальное по этой теме. Главная тема вашей книги — это стремление к самопознанию, к истинному ведению

самости. Как протекает этот процесс и осознанность? И как ваши знания о себе раскрылись?

A.S.: Думаю, хорошая аналогия для этого процесса — сдирание кожи с самого себя. Тем не менее я не могу сказать, что я прошел этот путь до конца. Движение продолжается, финальный горизонт уже мерцает зарницами.

W.W.: Будучи в Греции, вы сняли фильм «Эллада — горькие визиты в Аид», посвященный греческим святым местам и мифам. В числе прочего вы утверждаете, что Греция — это интеллектуальная родина Европы. Расскажите нам подробнее об этом фильме.

A.S.: Древняя Греция — это интеллектуальная родина европейцев. Этот факт вам подтвердит любой философ.

Мы поехали в Грецию летом 2018 г., чтобы совершить паломничество на эту землю и восславить местных Богов: Зевса, Аполлона, Диониса, Аида, Эроса, Деметру и Персефону. Мы были в Афинах, Элевсине и Дельфах.

Современная Греция, к сожалению, находится в невероятном упадке и вызывает горечь и скорбь по былому величию.

Тем не менее мы познакомились и сделали хорошее интервью с главой греческих язычников YSEE Влассисом Рассаи-сом, а позже в Риме еще одно интервью с Даниэлем Лиоттой, главой итальянского движения традиционалистов (M.T.R.). Я рад, что такие люди есть.

W.W.: Современность и язычество — могут ли они сосуществовать? Возможно ли язычнику жить с его верой в современном мире?

A.S.: Важнейшая тема. Это то, о чем я написал огромный труд «Polemos: Языческий Традиционализм», свыше 800 страниц. На английском языке есть небольшая визитка этой книги (<http://en.polemos.ru/about-book/>), там вы можете посмотреть оглавление. В книге затронуты, пожалуй, практически все актуальные тренды в их связи с языческим возрождением: символи-

ка, теология, антропология, наука, техника, политика, феминизм, история, христианство, иудаизм и ислам, виртуальная реальность, New Age симулякры, Путь Левой Руки и много-много чего еще. Все это на примерах древнего и современного язычества Америки, Европы, Кавказа, России и Азии. Этот труд все еще ждет англоязычного издателя.

Возвращаясь к вашему вопросу. Мы живем в XXI в. и говорим о язычестве, значит, оно каким-то образом живет в современности. Я считаю, что то древнее язычество, которое мы знаем по истории не может существовать в современном мире в неизменном виде. Современный мир — это тотальная деградация и вырождение всего, что было позитивным и священным. Поэтому современность ставит перед язычеством серьезные вызовы и проблемы. Это одно из измерений Пути Левой Руки, единственного адекватного варианта существования Традиции в эпоху Рагнарека (Кали-юги).

Для примера можно посмотреть мою статью об идентичности язычника в XXI в., она доступна на английском и испанском языках⁵⁷. Там на одном примере наглядно показана принципиальная разница между современностью и Традицией.

Кстати, возвращаясь к теме Турсатру. Настоящие адепты веры в турсов — это Карл Маркс, Зигмунд Фрейд и Генри Форд. Потому что речь идет о чистом материализме, о промышленном производстве (противоположность поэзии), о голодных желаниях плоти и принципиальном отрицании Богов и метафизики. К ним еще можно добавить программистов или Илона Маска.

Но есть у современности и положительные черты. Одна из них — это время. В современности у нас освобождается очень много времени, которое мы можем посвятить духовному росту и философии. Проблема в том, что медиа, Интернет и вся современная культура занимаются тем, что отнимают наше время, заставляют тратить его на абсолютный бред, а не на себя. Второе — это то, что с точки зрения Традиции современный мир — это Железный век, т. е. эсхатологическая эпоха. Поэтому современное язычество должно поставить в центр всего культа и священного Богов Смерти и Рагнарек.

⁵⁷ http://askrsvarte.org/eu/blog/pagan_identity_in_21_century_eng/

W.W.: Были ли попытки репрессий и цензуры вашего сообщества со стороны властей и медиа?

A.S.: Россия — это олигархическая авторитарная страна. К сожалению. Обычно этому противопоставляют демократию и либерализм, но это ошибка. Либерализм — это иная форма еще более жесткого тоталитарного мышления и диктатуры. Это не похоже на сравнение черного (авторитаризм) и белого (демократия), так как черным является и то, и другое.

Язычество в России подвержено репрессиям и демонизации в СМИ, очень много fake news распространяет Русская православная церковь.

В 2011 г. власти пытались сорвать презентацию моей книги, но безуспешно. В 2013 г. спецслужбы интересовались визитом и лекциями Велеслава, которые мы устраивали в Сибири. Тоже безрезультатно.

В целом, я думаю, что в России, что на Западе — все под колпаком.

W.W.: В скандинавской традиции присутствует североевропейский шаманизм, который некоторые считают формой магии, называемый сейдр. Финская традиция учит нас, что существует шаманизм, который они называют *noaidevuohtha*. Что вы думаете об этих практиках? Практикуете ли вы подобное в своем сообществе?

A.S.: Это очень интересная тема, я ее поддерживаю. В нашем сообществе мы уделяем этому внимание, в том числе и со славянской точки зрения. Нюанс заключается в том, что мы практически не занимаемся магией/колдовством или исцелением людей (это обязательная работа для сибирских шаманов). Наши усилия направлены на трансформацию мышления. Экстатические практики, маски, бубны и транс помогают в этом.

W.W.: В аннотации к альманаху «Warha #4» вы утверждаете: «Язычество должно быть интеллектуальным». Что вы имеете в виду? Ведет ли традиционализм бесповоротно к тому, что-

бы каким-то философским путем поставить под вопрос себя и современный мир?

A.S.: Альманах «Warha» безусловно является бриллиантом среди языческих журналов в России.

Язычество должно быть интеллектуальным. Вспомним, что великие греческие мыслители, которые заложили всю европейскую философию, были язычниками. Сегодняшние язычники объективно отстают от своих древних предков. Это не значит, что абсолютно каждый язычник должен быть таким же глубоким мыслителем, как Гераклит или Платон, но такие мыслители должны быть. И именно это мы защищаем и пропагандируем повсеместно. Многие язычники интеллектуально до сих пор живут в эпоху Просвещения, в философии деизма. Они думают, что Боги создали эволюцию, прогресс, законы природы механики, как часовщики. Простите, но это полная чушь. В мире философии современные язычники пока что не могут сказать ничего принципиально оригинального или даже просто своего собственного. Такие имена, как Мартин Хайдеггер, Мишель Фуко, Жан Бодрийяр или Теодор Адорно и Квентин Мейясу, — что язычники знают об этих мыслителях, чьи идеи сформировали современный мир? Что они могут им возразить, а с чем могут согласиться? Я знаю несколько авторов во всем мире, кто способен об этом рассуждать и говорить. Большинство язычников вообще находятся в глухом черном ящике, когда речь заходит о таких вопросах и проблемах. Они не знают ничего, еще меньше они понимают. Это огромная беда. Поэтому язычество должно стать интеллектуальным просто для того, чтобы наконец-то стать субъектом и познать себя. С этим согласны практически все наши соратники.

Вы спрашиваете: «Ведет ли традиционализм к тому, чтобы поставить под вопрос себя и современный мир?». Да, это вообще базовая предпосылка для того, чтобы снять с себя покрывала иллюзий.

W.W.: Что у вас нового?

A.S.: Сейчас мы работаем над следующими выпусками альманаха «Warha #6» и «Warha Europe Vol. 2». Я занят в нескольких языческих проектах внутри России, а также работаю над новой книгой.

W.W.: Какими словами вы закончите это интервью?

A.S.: Не бойтесь сказать твердое «нет» современной культуре во всех ее проявлениях. Не соглашайтесь на интеллектуальные компромиссы. Язычество — это вызов и прыжок без гарантий, а не сувениры в виде Мьелльнира.

W.W.: Благодарим вас.

A.S.: Благодарю за содержательную беседу. Слава Богам!

Интервью с язычником из Росгвардии

— Приветствую! Обычно мы просим представиться и рассказать о себе, но в нашем случае беседуем анонимно. Тем не менее давай проясним пару общих моментов: ты служишь в рядах спецподразделения, относящегося теперь к Росгвардии, верно? И сколько тебе лет?

— Приветствую! Да, я служу в рядах спецподразделения, относящегося теперь к Росгвардии. Мне 30 лет.

— Расскажи, как ты пришел к язычеству, в каком возрасте и что на это повлияло? Почему именно германо-скандинавская традиция?

— К язычеству я пришел сознательно в 23 года, путь был тернист: изучал, осознавал и понимал саму суть. Началом пути я считаю школьные годы, примерно с 13 лет я увлекся историей, сначала Древней Руси (времен Рюриковичей), но с течением времени начал понимать, что большую составляющую истории внесли скандинавские народы. Первая книга, не художественная литература, которую я считаю началом (подарил мне ее мой отец), была о князе Святославе Игоревиче. Путь к его воинскому искусству был проложен его наставниками Асмундом и Свенельдом. Варяги, как они были описаны, — это было мое первое знакомство с этим термином. Сильно впечатлило начало боя против древлян в 946 г., дословно текст не помню, но суть такова: мальчик (князь Святослав) выехал вперед и бросил копьё в сторону неприятеля, «Князь начал!» — крикнули Свенельд и Асмунд.

Суть копья, брошенного в неприятеля, — это и есть воздание скандинавским истокам, по которым князь был воспитан, ведь так делали германо-скандинавские народы.

Почему германо-скандинавская традиция? Это просто, во мне течет немецкая кровь, мне кровью предписано было найти свои истоки, они меня и привели к осознанности своей традиции и к северному духу, к Одину.

— Ты состоишь в какой-либо общине или посещаешь устраиваемые праздники и ритуалы с единоверцами?

— Нет. Так как в моем округе осознанных очень мало, по сути их нет. В очень узком кругу чтим богов.

— Каких авторов или книги, источники ты можешь назвать важными и ключевыми для понимания Традиции и язычества?

— По моему мнению, это прежде всего Снорри Стурлусон, его «Младшая Эдда» и «Круг земной». Но выше все-таки ставлю «Старшую Эдду», приписываемую Сэмунду Мудрому. Также к основным отнес бы исландские саги. По авторам, это работы Askr Svarte, Леонида Короблева. А чтобы понять саму составляющую истории и Традиции, то это труд Тацита «Германия» и «Деяния Датчан» Саксона Грамматика.

И, конечно же, труды Стеблин-Каменского, Арона Гуревича, Федора Успенского.

— Если не секрет, то как так вышло, что ты оказался в рядах правоохранительных органов?

— Поиск себя, всегда тянуло на военную тему. Так как это и есть основная часть скандинавской традиции, по моему мнению. На ней все и строилось. В первую очередь Один (Вотан) — покровитель войны.

Поиск себя был и «на гражданке», но там все тухло, и это не мое место. Попав в ряды министерства обороны, понял, что это мне нравится, «своя тарелка», там я себя чувствовал прекрасно. Плюс еще бригада, где пришлось служить, была направлена больше на военную/боевую подготовку: меньше ненужной бюрократии и «пруссачества», отжившего свое как военная тема, чем собственно и страдает наша армия и этим гибнет. В армии продолжать службу не хотелось по причине того, что в итоге «пруссачество» добралось и до бригады, в итоге скатив ее в негодность как боевую единицу. Позже решил идти в спецподразделение, в нем есть то, что мне нужно, — и командировки на

Кавказ, и хорошая боевая подготовка. Плюс там нет тех проблем, что в министерстве обороны, о чем я сказал выше.

— Германо-скандинавская традиция считается войноцентричной, воинская этика, образ жизни и мышления занимают в ней почетное место. Как ты соотносишь этику и мировоззрение своей Традиции с тем, что ты служишь в органах? Или даже так: как твой путь в язычестве проявляется и отражается в службе?

— Отдача в боевой подготовке, идти до последнего. Вальгалла — это и есть цель и основа в любой саге, сама составляющая воина. Беовульф, Сага о Греттире, о Ньяле и другие саги, германо-скандинавская история, история Варяжской Руси. Люди шли стойко, жестко. Боги им даруют это право. Взять конечную битву Рагнарека. Чем она не повод для воспитания себя?

— Бывает такое, что какой-либо праздник, например Летнее Солнцестояние или Йоль, выпадает на дни службы, и нет возможности провести его должным образом. Как ты поступаешь и выкручиваешься из этой ситуации? Славишь Богов тайком?

— Богов можно славить всегда, своими хотя бы действиями. Отдавать им почитания. Я не приемлю в плане оправления праздников жесткий религиозный догматизм. Вряд ли сейчас кто-либо в День Солнцестояния приносит человеческие жертвы, как это было описано в одном из источников. Весь пресловутый религиозный догматизм приводит к такому же затуманиванию сознания, как в христианстве и других авраамических религиях. Это бы повернулось так же, как у христиан на любой их праздник, к примеру на Пасху: праздник же, стукнусь яичком, съем куличик и накачу. Приведет к ненормальным «бабкам», орущим: «Тише, ироды, батюшка молится!». Если идти по такому пути, то ты уже не славишь Богов, а тупо отмечаешь праздник; Боги уходят на второй план, а это ведет к гниению самой сути. Взять те же саги. Ни разу ни встречал, что при походах или военной службе норманны все бросали и шли праздновать. После

они могли воздать почитание Богам. Так и здесь. Когда собран близкий узкий круг людей, то да, лучше позже по времени, чем ставить галочку по типу «я молодец, праздник справил».

— Хотя никаких конкретных цифр не существует, тем не менее считается, что язычников в рядах вооруженных сил, МВД и Росгвардии очень много, о чем даже беспокоится сам патриарх. Как много на твой взгляд язычников в твоей профессиональной среде, среди твоих коллег-сослуживцев?

— Их много да. Но большая часть — не осознанные, так мол: я другой и все. Или по большей части это очень плутающие люди, не имеющие даже малейшего понимания, смешивающие воедино дурную литературу типа «Велесовой книги» и разного рода псевдоязыческую литературу. Но среди всех есть осознанные и понимающие малейшую суть или пришедшие, как я. Но оговорюсь — их мало, но на них и будет строиться дальнейшее устойчивое понимание язычества. А не на псевдоязычниках и разного рода «театральных», костюмированных клоунах.

— Среди язычников, которые работают в гражданской бюджетной сфере (учителя, преподаватели, социальные работники, врачи и т. д.), считается, что публично афишировать свою языческую религиозность не стоит. «От греха подальше». Как я понимаю, в органах с этим все в разы строже. Проводятся ли какие-либо проверки, анкетирования на предмет взглядов и убеждений, как, например, анketируют призывников в армию и контрактников?

— Пока нет «охоты на ведьм», в гражданской сфере все-таки строже. Здесь есть анкетирование, лекции о сектантстве проводятся, но все на этот бред смотрят как на бред. Все понимают и не особо лезут с вопросами. Среди высшего состава есть и те, кто по определению не язычник, но относится с пониманием, если ты конечно не клоун и не скачешь в косоворотке, стуча деревянным ярилом себе по голове. В армии жестче, вечные лекции от батюшек и т. д. Но и там, в принципе, всем плевать — главное, чтоб выполнял достойно боевую подготов-

ку. Психологи задают вопросы, но если ты отвечаешь уверенно и аргументировано, а не несешь ерунду про сварголеты и святоарийские веды, то к тебе и не лезут больше с вопросами. Хотя как это будет в дальнейшем — время покажет. Давить РПЦ точно будет, паству же теряют.

— В России есть тенденция направленной демонизации язычества и подчеркивания негативных аспектов и сюжетов, связанных с различными языческими традициями и организациями. Среди сотрудников органов правопорядка проводятся лекции, семинары и инструктажи по теме «кто есть кто среди экстремистов». Как ты в целом ощущаешь себя в такой ситуации, когда твоя Традиция по преимуществу отождествляется с экстремизмом?

— Суть описал выше. Я не слушаю этот бред, но если появляются вопросы, то отвечаю убедительно и аргументировано разъясняю.

— Давай попробуем пофантазировать и представим ситуацию: твой отряд посылают разогнать митинг или шествие неоязычников, среди которых, возможно, есть и твои единоверцы-одинисты, а может, даже знакомые; либо ты вынужден участвовать в задержании очередных студентов «язычников-экстремистов» в квартире, где стоит алтарь Одины и асам, есть знакомая в целом тебе литература и символика.

Понимаю, что это гипотетическая конструкция, но как ты переживаешь и как оцениваешь такую ситуацию, помещая себя в нее?

И второй вопрос, как расширенное следствие первого: как ты решаешь для себя коллизию «долг или Традиция», если примеры из фантазии — в целом очень реальные сценарии в наши дни? В истории известны случаи, когда солдаты или силовики покидали службу после столкновения с такой проблемой или опытом очень жесткой работы с людьми, попавшими «под каток».

— Компрометирующий вопрос, конечно.

У нас суть работы маленько другая, больше вероятности встретиться с радикальными исламистами.

Но если по сути, то задам вопросы, касающиеся основ, начну диалог с человеком. Чтоб понять его, если из клоунов или позеров (а у них порой и алтари есть, но толку нет, там в голове бардак), то мне таких не жалко, я на своем опыте познал их сущность — это по большей части морально отсталые люди, ведущие паразитический образ жизни и мышления. Их ничто не исправит, а вот подставить они могут хорошо и сольются при первой возможности, забыв о Традиции и Богах. Их надо отсеять с корня.

Осознанные язычники — люди более умные и опытные, такими занимаются другие органы. И эти органы, если ты им нужен, возьмут тебя и гражданского, и военного.

Долг и Традиция... Традиция и есть долг, любой военный, не «картонный», отдает себе отчет в действиях и своих шагах. Уйдет. Или найдет себя, или найдет альтернативу военной службе (благо, сейчас есть ЧВК, которые не идут под запрет, хотя и раньше это людей не останавливало). Главное, чтоб не спился и не потерял себя. Для более глубокого понимания ответа на вопрос предлагаю почитать на досуге Шекспира «Трагедия о Кориолане».

— Планируешь ли ты связать с правоохранительными органами всю жизнь или у тебя есть планы гражданской жизни и реализации?

— Гражданская жизнь для меня лично — это мертвая тема. Это тупой котел блефа и интриг, человек тамдохнет, все не по-настоящему. Это уже не та гражданская жизнь, как она описана в сагах. Люди нынче мыслят индивидуально, тонут в нигилизме. Это ложный котел. В органах, может быть, если не произойдет вышеописанный «каток», то я найду себе альтернативу, похожую на эту.

— Какие цели и задачи ты ставишь себе на пути духовного развития в рамках Традиции?

— Остаться верным себе, своей Традиции. Идти дальше по выбранному пути. Изучать, думать, еще более глубоко осознать. Надеюсь, последний мой путь окажется билетом в Вальгаллу. Честно, без шуток.

— **Смерть — это...?**

— Неизбежность, судьба.

«Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава».

— **Наш последний вопрос: что ты можешь пожелать своим единоверцам и остальным язычникам, которые будут читать это интервью?**

— Друзья, совершенствуйтесь как духовно, так и умственно, физически. Всегда готовьтесь, не поддавайтесь тупым человеческим искушениям. Ведите себя достойно, чтоб не очернить себя, а главное — осознанных единоверцев. Будьте осторожны и отдавайте отчет в своих действиях. Оставайтесь верны Традиции и себе. Не вступайте в болото псевдоязычников и разного рода клоунов. Изучайте каждый вопрос со всех сторон, мыслите, думайте, тогда и откроете истинность. Всех благ... Til Valhall!

Фонд традиционных религий

Интервью с Массимо Нобили

Массимо Нобили (Massimo A. Nobili aka Úlfgaldr Valtýsson) родился в Милане (Италия) в 1959 г. Уже в 13 лет он «услышал зов», а в 16 познакомился с мастером рун, который наставил его на путь Германо-скандинавской Традиции и духовности. В 21 год он уехал в Скандинавию для своего первого исследования и потом неоднократно посещал Швецию, Норвегию и Лапландию для своих работ, практик и чтобы укрепить внутреннюю связь с Севером. Позднее, в 24 года, Массимо столкнулся с проблемой: чтобы продолжать свои практики и исследования, ему необходимо было переехать из Милана куда-то ближе к природе и подальше от городов. После четырех лет в Алессандрии (Alessandria) в 1986 г. он остановился в Валле-д'Аоста (Valle d'Aosta) у подножия Альп.

Оттуда с 1990-х годов он начал распространять учение Северной Традиции и скандинавского шаманизма. Уже в 2015 г., спустя пару лет паузы, он с новой силой вложил в распространение Традиции и шаманских практик в Северной Европе. Основал культурную ассоциацию «Аса-Один» (Ása-Óðhinn), с целью содействовать возрождению старой Северной Традиции и духовности и распространению практик, которые он получил, а также для создания общего места для встреч и поддержки практиков в наши дни.

В 2018 г. вышла его первая книга на итальянском языке «История скандинавского шаманизма: от его корней до наших дней». В феврале 2019 г. Массимо основал одноименное сообщество Kindred Ása-Óðhinn, куда вошли еще семь человек, и оно стало первым отделением Asatru Folk Assembly в Италии. В этом же году вышла его вторая книга «Руны: тайное знание».

— Приветствую, Массимо! Давайте продолжим тему асатру в Италии. Как бы вы описали ситуацию с Северной Традицией на сегодняшний день?

— Ситуация с Северной Традицией и почитанием Богов в Италии далеко не простая. Зачастую знание о Традиции нахо-

дится в руках нью-эйджеров и коммерсантов, которые делают на этом деньги. В других случаях это следование моде и сиюминутным трендам. Те группы верных, которые серьезно следуют этому пути, — довольно редки, и часто случается путаница касательно понимания основных концептов, тех же рун, например. Разные группы порой отличаются разительно, потому что каждой из них кажется, что они обладают конечной абсолютной истиной. Это разделение не содействует приближению к пониманию веры и становится неизлечимым, потому что людям кажется, что только им открылся персональный доступ к старому обычаю.

Мы в рамках нашего сообщества стремимся изменить ситуацию, пока на очереди и в планах конференции, семинары и видеотрансляции. Членство в AFA также дает нам мощную поддержку.

— Асатру — это фолкиш-традиция. Как вы можете объяснить участие итальянцев в возрождении Германоскандинавской Традиции? При том, что исторически Рим и Германия находились в жесткой вражде...

— В первую очередь необходимо помнить, что местные ломбарды прибыли в Италию в 568 г. и удерживали свое государство и территории до 774 г. со столицей в Павии. Название самого региона, Ломбардия, отсылает нас к этому народу. Их религией было арианство, и только в VII в. они перешли в католицизм. Итальянцы также повсеместно имеют предков и потомков среди германских народов, которые следуют культу Одина.

Помимо этого, мы также должны иметь в виду то, что я называю «корни крови», «духовную ДНК» (spiritual DNA — специфический концепт Стивена МакНаллена, утверждающего, что духовность народов транслируется в родах на физическом уровне. — *прим. пер.*), которая сближает индивида с Богами, даже если территориально он живет не в Скандинавии.

— Как известно, слово «шаманизм» имеет тюркское происхождение, и он сильно связан с социальными функциями лекаря и проводника душ в иные миры. Вы можете дать

определение, что есть шаманизм для Северной Традиции и как он аутентично назывался в древности?

— Здесь мы сталкиваемся со сложностями.

Один — определенно шаманский Бог. Это доказывается его саможертвоприношением на Иггдрасиле и жертвой глаза в источник с головой Мимира. Множество его способностей — шаманские. Северный шаманизм отличается от более изученного азиатского и его типологий. Например, нам известны особые сакральные воины, посвящавшие себя Одину-Вотану, — берсерки и ульфхеднары (*Úlfhednar*, иногда ульфсерк. — *прим. пер.*), которые были шаманами, но только на войне. Мне не известны похожие фигуры в других видах шаманизма. Также различаются проводы души после смерти. В нашей традиции это делает не шаман, но валькирии, дочери Одина, или он сам.

Шаман же становится таковым, потому что полностью и безоговорочно принимает культ Всеотца. Что касается моего опыта, то северный шаманизм — это практики, которые связывают тебя напрямую с Одним: это он, кто вызывает к тебе и дает тебе такие возможности. В некотором смысле практик должен пресуществоваться как сам Всеотец: утратить индивидуальность ради высшей цели. Вот почему шаман нередко принимает себе одно из имен Одина. Он берет себе одно из имен Первошамана, который пришел на землю учить и защищать людей. Нет строгого правила как понять зов [Одина], но тот, кого воззвали — понимает это. И это — только первый шаг.

— Использовали ли древние германцы и скандинавы какие-либо опьяняющие или галлюциногенные вещества в шаманских практиках?

— Да, это гриб *Amanita muscaria*, он же мухомор. Также часто поднимали кубок Браги (*Bragafull*) — ритуальный напиток, предназначенный для того, чтобы нести дух Бога внутри себя.

— Кто из современных или классических авторов повлиял на ваши взгляды и кого вы могли бы рекомендовать к прочтению для асатру?

— Я не так много читаю и предпочитаю практиковать. Без сомнения, это Мирча Элиаде и Дэвид Мельци (Davide Melzi) о шаманизме, Марио Поли (Mario Polia) и Найджел Пенник о Традиции.

— Как ваш опыт и практики повлияли на вас лично, на ваше отношение к современному миру и повседневный быт?

— Как я говорил, впервые я почувствовал зов в 13 лет, а в 16 лет познакомился с учителем-эрилем. Сегодня мне 60 лет. Я и сообщество Ása-Ódhinn всегда пытаемся перенести наш путь в сферу повседневного опыта. Но я не всегда успешен. Человеческие существа несовершенны, падки и не защищены от ошибок. Но мы также здесь для того, чтобы понять, кто мы есть и что нам необходимо для этого делать. Ошибки неизбежны на этом пути. Когда я оступаю, я стараюсь подняться и восстановиться в том, во что я верю.

— Как известно, важнейшим событием в Германоскандинавской Традиции является Рагнарек. Как вы интерпретируете эсхатологический миф в Северной Традиции, что это значит для вас лично?

— Как необходимость обнулить нищету ценностей этого века и тех, кто навязал их на многие века. Все циклично, это концепт и Северной, и Универсальной Традиций. Мы приближаемся к нижней точке. Но это единственный путь к восстановлению.

— И финальный вопрос: что бы вы посоветовали или пожелали русскоязычным последователям асатру?

— В столь трудные времена мое пожелание всем русскоязычным братьям, а также асатру во всем мире — преодолеть любые внутренние трудности, которые существуют, и смотреть далеко в будущее. Вера и активное призвание Богов; значение имеют только дела, а не слова. И Боги ожидают деяний от своих детей. Нам нужно единство и понимание, что перемены уже на пороге и что асатру непременно совершат свою часть должного.

Беседовал Askr Svarte

Книги Массимо Нобили (Úlfgaldr)

Rune: la Conoscenza Arcana» — «Руна: тайное знание»

Совершенно другой подход к рунам.

Тайные руны сосредоточены в трех сериях (Создание, Проявление, Борьба-и-Обновление) и размещены в последовательности, отличной от той, которая наиболее известна.

Традиционный подход, учитывающий исторический, мифологический и духовный контекст архаического населения северной Европы, используется для анализа основных черт мифов.

Каждая руна объясняется подробно, начиная с ее графической композиции, необходимой для правильного и полного понимания ее.

Духовные упражнения и методы их магического использования дополняют эту книгу, в которой нет недостатка в практических указаниях для повседневной жизни.

«Sulle tracce dello Sciamanesimo Scandinavo: dalle sue radici ai giorni nostril» — «По следам скандинавского шаманизма: от его корней до наших дней»

Путешествие в поиске скандинавского шаманизма и исследование мифического времени до падения и сотворения Вселенной с помощью сравнения рун и древних символов из других культур.

Путь, который развивается вдоль оконечности Азиатского континента, а затем поворачивает на север и через Урал достигает Европы.

Тщательный анализ основных элементов — Слейпнира, Иггдрасиля и Рун — с углубленным и инновационным исследованием фигуры Одина. Особенности и специфика скандинавского шаманизма, который сближается с рунами и воинскими братствами берсерков и ульфсерков; что дошло до наших дней, а что было утрачено.

Сайт ассоциации: www.viandantedelnord.it

Развитие идеологии неоязычества в современной России: на примере концепции «Шуйного Пути»

(анонимно публикуем часть диплома бакалавра, главу по существу Шуйного Пути, в авторской редакции)

Глава 2. Мировоззренческие и религиозные установки лидеров «Велесова круга» — «Шуйный путь»

2.1. Концепция «Шуйного пути» и ее воплощение в празднично-обрядовом комплексе «Велесова круга»

Обращение идеологов родноверия к далеким временам, к корням славянской истории, во многом связано с их видением картины современного мира и ее соотношением с идеалистическими представлениями о веке архаичном. Эта борьба двух концептов не может привести к победе обоих. Идеальная, по меркам лидеров неоязычества, жизнь предков — с ее мистическим, оккультным мировосприятием — не забыта, а по-прежнему живет в человеке. Это время, время расцвета славянской культуры, называется «Золотым веком»⁵⁸. Первопроходцем в создании теории возврата к «Золотому веку» стал А. А. Добровольский, в родноверческой среде известный как волхв Доброслав. Добровольский обосновал сам смысл возрождения культуры и традиций предков.

Уже позднее, когда неоязыческое движение стало популяризироваться и начали возникать первые общины, идея Добровольского воспринялась как априорное знание, первоисточник, на основе которого строились концепты и создавались нарративы нового поколения идеологов от язычества. В том числе и мировоззренческая теория «Шуйного пути» имеет своей главной целью возвращение к «Золотому веку». «Шуйный путь» служит своего рода указателем к действию, проводником, способным

⁵⁸ Шиженский Р. В. Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А. А. Добровольского). 3-е изд., испр. и доп. Н. Новгород: Поволжье, 2014. С. 117.

привести человека к познанию самого себя, своего места в этом мире, божественного и мистического⁵⁹.

Этот путь связан не столько с поиском, а в большей степени с душевным самопожертвованием: *«Если душа твоя способна на высшее самопожертвование, на отдачу себя без остатка Тому, Кто владычествует в Смерти, ради Жизни внове, ради Возрождения в Чертогах Бессмертия, тогда Шуйный путь — для тебя»*⁶⁰. Под выражением «Тот, Кто владычествует в Смерти» понимается бог Велес, покровитель содружества «Велесов круг».

«Шуйный путь» представляет собой сложную концепцию перерождения через смерть, ментальную смерть, отстранение себя и своей души от привычной жизни. Но только таким способом, по мнению авторов концепции, возможно возвращение к истокам, к корням славянской традиции. Сами же авторы и идейные представители концепции «Шуйного пути» предупреждают, что этот путь опасен, и не рекомендуют принимать для себя эту идею людям с неуравновешенной психикой или людям, чьи религиозные взгляды отличаются от взглядов авторов концепции. Этот факт не говорит о недоступности «Шуйного пути» простому человеку и не имеет под собой скрытых смыслов, доступных только для избранных, так как авторы заверяют: *«Шуйный Путь — это не забава. Это путь Осознанной Смерти. К сожалению, не все понимают действительный смысл и всю важность этих слов...»*⁶¹. Таким образом, в представлениях идеологов «Велесова круга», «Шуйный путь» является путем *возврата*⁶² во всех доступных смыслах этого слова, в нем видят способ возрождения и приумножения достижений предков. Именно поэтому исследование концепции «Шуйного пути» важно для понимания места и значения духовных исканий идео-

⁵⁹ Влх. Велеслав. Шуйный путь: Черная книга нави. М.: Велигор, 2011. С. 16.

⁶⁰ Там же. С. 17.

⁶¹ Там же. С. 14.

⁶² Волхв Велеслав различает две разновидности пути: путь вперед и путь возврата, именно с путем возврата ассоциируется «Шуйный путь», а путь вперед, по его мнению, является ложным (Волхв Велеслав. О Шуйном Пути [Видеозапись лекции Влх. Велеслава в Новосибирске] // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=104&v=5i49fhsUDtE)

логов новой религиозности в социокультурной жизни российского общества.

Рассматривая «Шуйный путь» как религиозное учение, следует заранее определиться с ключевыми структурными единицами, подлежащими детальному анализу. Этимология, основные характеристики и сущность (суть) предмета исследования — основные блоки главы о «Шуйном пути». Этимология дефиниции «Шуйный путь» наиболее полно освещена волхвом Велеславом в его интервью российскому исследователю Р. В. Шиженскому. Понятие «Шуйный путь» происходит от устаревшего слова «шуйца» — левая (берущая) рука. Поэтому синонимом «Шуйного пути» служит понятие «Путь левой руки». В представлениях идеологов неоязычества «шуйный путь» означает путь самостоятельного духовного поиска, как правило, узконаправленного: *«Шуйный путь — это “узкий” путь самостоятельного Духовного поиска выхода из Коловерти, порой входящий в противоречие с нормами принятой в обществе морали. При этом он не столько аморален, сколько неморален, будучи ориентирован не на человеческие представления о морали, а на неморальные Законы Природы и закономерности Духовного становления»*⁶³. Существует еще две формы обозначения этого термина — «Путь возврата» и «Путь дурака». Антонимом «Шуйного пути» служит «Путь Десный» («Путь удаления»). «Десный» происходит от слова «десница» — правая (дающая) рука. Путь следования общепринятым формам религии, обрядности и духовных практик.

Важным аспектом является религиозный, мистический смысл, который несут в себе оба этих понятия — «Шуйный» и «Десный» пути — в представлениях идеологов и практиков «Пути возврата»: *«Путем Возврата его [Шуйный путь] называют потому, что он символизирует Вдох Всебога — движение от материального к Духовному, от внешнего ко Внутреннему — возвращение Домой... Путем Удаления его [Десный путь] называют потому, что он символизирует Выдох Всебога — движение от Единства Духа ко множественности форм Материи,*

⁶³ Предисловие волхва Велеслава к книге волхва Богумила Мурина «Трикстер в славянской традиции». URL: <https://veleslav13.livejournal.com/136120.html>

от Духовного Центра к периферии (ср. недвижимый центр Коловрата, вокруг которого осуществляется коловращение⁶⁴ — символ Вечного Возвращения в Коловерти), от Внутреннего к внешнему»⁶⁵. Для исследования интересен взгляд на вопрос разницы «Пути левой руки» и «Пути правой руки» другого неоязыческого идеолога «Шуйного пути» Евгения Нечкасова. По его мнению, «Путь правой руки» является традиционным подходом к духовному развитию, ему характерно следование четким религиозным нормам и правилам. В то время как «Путь левой руки» присущи эксперимент и индивидуальный подход⁶⁶.

Представления о «коловращении» и «коловерти» в концепции Велеслава являются не чем другим, как аналогом буддистских представлений о вечном колесе сансары — череде смертей и возрождений, единственным выходом из которого является достижение нирваны — состояния свободы от страданий и желаний⁶⁷. По аналогии с буддизмом, «Шуйный путь» как набор духовных практик помогает адепту родноверия «вырваться» из коловерти: *«Это Вечное Коловращение и Вечное Возрождение представляют собой Круг Рождений и Смертей, в котором каждое рождение ведет к Смерти, а каждая Смерть — к возрождению вновь»⁶⁸*.

Таким образом, концепция «Шуйного пути» является симбиозом духовных практик: сам «каркас», основа берет свое начало в буддистских верованиях, а структурные единицы этой системы — славянские традиции и оккультизм, помогающие подвести учение о «Пути возврата» к славянской мифологии, близкой по духу человеку, отождествляющему себя со славянским миром. Сам Велеслав говорит о том, что все религиозные традиции Запада и Востока так или иначе имеют общий индоев-

⁶⁴ Коловращение — то же, что и круговорот, другое обозначение — «коловерть» (Влх. Велеслав. Шуйный путь... С. 18).

⁶⁵ Предисловие волхва Велеслава к книге волхва Богумила Мурина «Трикстер в славянской традиции»...

⁶⁶ Различия между Путем правой руки и Путем левой руки. URL: http://askrsvarte.org/blog/distinctions_lhp_rhp/

⁶⁷ Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запредельного. Трансперсональные состояния и психотехника. СПб.: Петербург. востоковедение, 1998. С. 202.

⁶⁸ Влх. Велеслав. Шуйный путь... С. 18.

ропейский корень⁶⁹. Этот тезис подтверждает российский исследователь новой религиозности О. С. Кавыкин в своем труде «"Родноверы". Самоидентификация неоязычников в современной России»⁷⁰. Подробный разбор этимологии и сущности дефиниции «Шуйный путь» помогает выделить основные особенности религиозного учения:

- В первую очередь, это набор духовных и обрядовых практик, помогающих человеку, вставшему на «путь», осознать природу своего существа и природу вещей.
- Концепции свойственно принятие adeptом новой религиозности возрожденных традиций предков, принятие жизни по архаичным, традиционным укладам, свойственным славянской этнической группе.
- Концепция обрисовывает мифологизированную картину мира, в которой «божественное» играет важнейшую роль в формировании мироздания, природных процессов и сознания человека.
- Пантеон, мифологические сюжеты, ритуальная практика, праздничная обрядность выражаются через призму представлений о «Шуйном пути».
- Концепция помогает структурировать правила жизни для человека, живущего в «кошный век»⁷¹, помогающие ему не свернуть с правильного пути.

Вышеперечисленные характерные особенности религиозного учения «Шуйный путь» являются составными частями главной цели — ухода к корням славянской традиции. Но сам этот процесс возрождения связан не с изменением образа жизни всей массы населения, государственного строя или миропорядка, а с мистическими представлениями о веке «Кошного бога», о закате эпохи, за которой в дальнейшем последует возрождение

⁶⁹ Извездник русского язычества // Вестн. Традицион. культуры. Вып. 1 / под ред. А. Е. Наговицына. М.: Издатель А. Воробьев, 2003. С. 19.

⁷⁰ Кавыкин О. И. «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. М., 2007. С. 53–54.

⁷¹ «Велесова мудрость в кошный век» — одна из идей идеологов «Велесова круга». Кошным называется век «Черный», «Железный». Век, в котором наиболее почитаем бог-разрушитель, т. е. Велес, который ведет мир к обновлению и возрождению (Влх. Велеслав. Шуйный путь... С. 27).

нового, чистого мира⁷². Отсюда происходят культ и символика объединения «Велесов круг» — Бог Велес, как Бог-Разрушитель, преобладание черного цвета.

Идеологи и практики «Шуйного пути» выделяют три ключевых принципа, присущих родноверческой религиозности.

Принцип Триглава является ключевым для всего славянского родноверия. В неоязыческой среде выделяются три основных Триглава в зависимости от религиозных предпочтений той или иной общины: Триглав рода (Род–Белобог–Чернобог), Сварожий Триглав (Сварог–Перун–Велес), Триглав Всемирья (Правь–Явь–Навь). В соответствии с этим принципом и всех людей разделяют на три типа — Творцы, Хранители и Разрушители. Человек как разрушитель является ключевой ипостасью в практике «Шуйного пути»: *«Следующий Шуйным путем — это не слепой разрушитель всего, что попадает к нему под руку; это тот, кто осознанно разрушает собственное невежество, дабы прозреть Самосиянный Свет Вечности, Бессмертного духа»*⁷³.

Принцип двойственности заключается в том, что все боги условно разделяются на два вида — на светлых и темных, где светлые боги выступают созидателями мира, а темные — его разрушителями. Почти во всех случаях обе стороны выступают противниками⁷⁴. Каждая из сторон отождествляется с «Десным» или «Шуйным» путем по критериям функционала (разрушение — «Шуйный путь», созидание, творение — «Десный путь»). Авторами этого принципа ломается стереотип о том, что все добро связано со светлыми богами, а все зло — с темными. В представлениях идеологов родноверия наличие данного стереотипа является не чем иным, как отражением ложного, «Десного пути»: *«Обычно люди называют добром деяния Светлых Богов... Но если смотреть на мир Вещим Оком, то можно увидеть, что всякое созидание Яви есть не что иное, как сокрытие Духа под покрывами Материи»*⁷⁵. В этом тезисе усматривается

⁷² Влх. Велеслав. Шуйный путь... С. 27.

⁷³ Там же. С. 29.

⁷⁴ Шнирельман В. А. Перун, Сварог и другие: неоязычество в поисках себя // Неоязычество на просторах Евразии. М.: Библийско-Богослов. Ин-т св. Апостола Андрея, 2001. С. 22.

⁷⁵ Влх. Велеслав. Шуйный путь... С. 28.

заимствование принципа разотождествления духа и материи (плоти) с целью достижения религиозного просветления в буддизме. В некоторых индийских практиках (санкхья) разделение духа и плоти является способом достижения высшей религиозной цели — выхода из сансары⁷⁶. Но в то же время правила жизни, описанные волхвом Велеславом, противоречат вышеупомянутому тезису (основные правила жизни для человека, решившего встать на «Шуйный путь», описаны ниже).

Принцип возрождения достаточно полно описан волхвом Велеславом в его нарративе «Шуйный путь: Черная книга Нави»: *«Все рожденное в Яви рано или поздно умрет — высвободится из сковывающей его оболочки плоти, а все Умершее — возродится внове»*. Во время процесса перерождения и смерти человеческая душа наделяется новым опытом и знанием, этот процесс называется «дорогой домой», правильное движение в «коловерти» и использование практики «Шуйного пути» могут привести человеческую душу к истине⁷⁷.

В современной российской родноверческой среде такой подход к познанию истины мироздания — через деструктивные духовные практики — совершенно иной виток истории для неоязыческого движения⁷⁸. Компоненты буддистской философии, объединенные с фольклорными и этнографическими данными о славянской культуре, основными славянскими архетипическими конструктами, хранящимися в коллективном бессознательном русского народа, дали возможность создать единую, удовлетворяющую основные потребности «ищущего» человека религиозную концепцию. Вот как описывает деструктивный процесс изменения сам Велеслав: *«Если ты хочешь познать, кто ты есть на самом деле, ты должен разотождествиться со всеми своими покровами, разрушать привычную картину мира... Тот образ мира, который тебе навязан обществом, ты должен героически превзойти — разрушить, разбить, рассечь Мечом Осо-*

⁷⁶ Торчинов Е. А. Религии мира... С. 202.

⁷⁷ Влх. Велеслав. Шуйный путь... С. 28–29.

⁷⁸ Кантеров И. Я. «Деструктивные», «тоталитарные»... и далее везде. // Религия и право. 2002. С. 27–29.

знания. *Путь к Свободе лежит через “духовный кризис”, “прозрение ужаса”, внутреннюю ломку»*⁷⁹.

Следующей структурной единицей религиозной концепции «Шуйного пути» является блок, посвященный правилам и принципам жизни, которые человек должен воспитывать в себе, которым нужно следовать осознанно. Велеслав выделяет эти правила в отдельную книгу — «Книгу девяти отрицаний»⁸⁰. Основываясь на тексте источника, попробуем выявить и проанализировать основные нравоучительные правила «Шуйного пути»:

- Не быть слепым подражателем, а быть вольным искателем. Имеется в виду, что родноверие в современном мире не есть банальное отрицание благ цивилизации и аскетический образ жизни, родноверие — это умение жить в ладу с самим собой и природой. «У предков можно и нужно учиться, но не стоит слепо подражать им во всем».
- В богов надо не верить, а ведать их. «Вера — удел слепых, Ведание — привилегия зрячих». Данный тезис отсылает к разнице между христианской и неоязыческой религиозностью, разнице между подходами в религиозной жизни человека.
- Следует не молить богов, а славить их. Для неоязыческой среды характерен следующий принцип: тот, кто молит (просит) богов о чем-либо, проявляет духовную слабость. Это сопоставление неоязычества и христианства, которое наиболее полно проявляется в следующем пункте.
- Человек, идущий «Шуйным путем», — не раб, но сын божий (богов). В неоязыческих представлениях о соотношении богов и человека боги выступают предками человека: «Род — отец твой, Природа — мать твоя, все Родные Боги — Предки твои...». Этот тезис идет в открытую конфронтацию с доминирующей в современном российском обществе религией — православным хри-

⁷⁹ Интервью с И. Г. Черкасовым (Волхв Велеслав). URL: <http://paganka.blog/2017/12/07/intervyu-s-veleslavom/>

⁸⁰ Нарратив волхва Велеслава «Шуйный путь: черная книга Нави» состоит из отдельных книг: Книга идущего Шуйным Путем, Книга Трех Врат и т.д.

стианством, где во взаимоотношениях бога и человека последний занимает позицию «раба божьего», т. е. позицию подвластного.

- Нельзя полностью презирать плоть, но и покоряться ей тоже не стоит. Плоть в представлениях идеологов новой религиозности является проявлением души человека или любого другого живого создания. Более того, сам человек — дух, облеченный плотью. Душа не сможет существовать в благом состоянии, если тело истощено или травмировано, что логично. Этот факт идет в противопоставление с общепринятой в России религией — христианством, где душа человека является более важной субстанцией, нежели тело.
- Нельзя терпеть боль, надо устранять ее источник. Терпеть боль в родноверческой интерпретации — это глупость, а не смирение. Истинное смирение — это умение принимать удары судьбы. Какая бы потеря ни произошла, человек не может ничего потерять, так как он приходит в этот мир и уходит из него с пустыми руками.
- Не надо бояться смерти, но и торопить не надо. Все в физическом мире приходит и уходит в положенный срок, этот процесс нельзя замедлить или ускорить. «Жизнь наша подобна реке... Если ускорить ее течение, воды реки подмоют берега; если замедлить, река превратится в смядное болото».
- Не будет наказан за грех, а примет урок, данный свыше. Концепция «Шуйного пути» подразумевает, что любой грех и несовершенство человека — повод для духовного роста и развития.
- Идущий «Шуйным путем» и не боится Пекла, и не стремится в Ирийские Обители. Любой человек, причастный к иным формам религиозности, по мнению идеологов «Шуйного пути», начинает духовные искания из-за страха перед дальнейшей судьбой своей души (Рай и Ад в христианстве). В языческой же среде принято считать, что и рай, и ад уже есть внутри каждого человека, и это не места, в которые попадает душа человека, а состоя-

ния, которые переживает человек во время земной жизни. «Идущий Шуйным Путем равно отвергает и то, и другое, ибо устремлен за пределы Навьих мороков... рассматривая их всего лишь как сны собственного сознания»⁸¹.

Концепция «Шуйного пути» наиболее полно проявляется в празднично-обрядовом комплексе содружества общин «Велесов круг». Ежегодно adeпты новой религиозности организуют как минимум три массовых праздника, отличающихся особыми обрядовыми действиями, в основном это обряды имянаречения, свадебные обряды и обряды, главной целью которых является прославление тех или иных богов. Например, во время празднования дня летнего солнцестояния члены общин строят капище и обустраивают его в соответствии с религиозным культом: ставят ограждения, сооружают вход на капище, располагают на жертвенные костры и т. д. Любое действие, происходящее на капище, — сакрально, проход на территорию капища без разрешения волхва табуирован. При входе на капище каждому должно поклониться и поприветствовать богов. Любой обряд состоит из подготовительной части, самого обряда с радениями⁸² и заговорами, приношения общей требы⁸³. В нарративе волхва Велеслава есть отдельная часть, посвященная обрядам, вот как описывается подготовка к обряду почитания темных богов:

1. Обрядовые принадлежности:

- 1.1. Железный либо серебряный серп.
- 1.2. Черный рушник без обережной вышивки либо белый плат.
- 1.3. Серебряная или медная чара, ковш либо братина.
- 1.4. Сосуд с солью.

2. Обрядовая трава и питье:

- 2.1. Красное вино либо сок.
- 2.2. Домашний хлеб округлой формы.

⁸¹ Влх. Велеслав. Шуйный путь... С. 30–32.

⁸² Интервью с И. Г. Черкасовым (Волхв Велеслав)...

⁸³ Треба — ритуальные дары богам, в качестве требы может выступать хлеб или зерно (Влх. Велеслав. Шуйный путь... С. 656).

3. Место:

3.1. Это может быть сырой ельник, низина, болотистое место.

3.2. Желательно, чтобы на выбранном месте находился перевернутый вверх корнями пенёк и Навье дерево (ель, осина).

3.3. Особое внимание надобно уделить Природным знакам⁸⁴.

Далее следуют обрядовый зачин, обряд очищения всех собравшихся с целью не допустить присутствия злого духа в сакральном месте и собственно сам обряд почитания Велеса (Чернобога). Сами по себе обрядовые действия, совершаемые идеологами «Шуйного пути», соответствуют концепции от обрядовой атрибутики (которая должна быть черного цвета, а материал предметов — железо) до мистических действий участников обряда: в каждом действии волхва или радеющих они не просят и не молят богов, а ведают и почитают их. Принося требу Велесу, соблюдают определенные правила, по которым человек, взявший хлеб в правую руку, желает блага другим (тот самый путь от центра к периферии), а взявший хлеб в левую руку — желает блага себе (проявление концепции «Шуйного пути»)⁸⁵. Именно обряды и ритуальные действия приверженцев «Пути левой руки» воплощают в материальные формы духовную практику, тем самым создавая стройную картину религиозного учения и религиозной жизни адептов родноверия.

Таким образом, исходя из проведенного анализа концепции «Шуйного пути» как явления новой религиозности, можно сделать следующие выводы. Во-первых, «Шуйный путь» можно соотносить с буддистскими верованиями наличием схожих представлений: о мироустройстве (Колесо Сансары и Колонверть); о бесконечной череде смертей и возрождений (циклы существования всего живого); о возможном выходе из состояния смерти и перерождения при помощи специальных духовных, зачастую деструктивных практик. Во-вторых, «Шуйный путь» в современном его виде является заново придуманной и

⁸⁴ Влх. Велеслав. Шуйный путь... С. 654–655.

⁸⁵ Там же. С. 658.

переосмысленной идеей⁸⁶, опирающейся на обрывочные данные о славянском язычестве, восточных верованиях, традиционные славянские фольклорные данные, архетипические конструкции человеческого сознания, свойственные человеку, отождествляющему себя со славянским миром. И в-третьих, концепция «Шуйного пути» жизнеспособна, учитывая число адептов, причастных к ней, и время успешного существования содружества общин «Велесов круг», в котором «Путь левой руки» занимает ключевое место в духовных и обрядовых практиках.

Подытожит все вышесказанное отрывок из интервью с Волхвом Велеславом, являющимся на данный момент самым узнаваемым в родноверческих кругах идеологом «Пути левой руки». В приводимом отрывке идеолог новой религиозности отвечает на вопрос о конечной точке «Пути возврата», конечном результате духовной самореализации идущего «Шуйным путем»: *«Вершиной Шуйного пути является та точка, на которой человек видит, что для его истинной природы нет “удаления” и нет “возврата”... С позиции Шуйного пути, это и есть Возвращение домой. Возвращение без возвращающегося, мгновенная духовная самореализация — Прямой путь, превосходящий Десный и Шуйный пути вместе взятые, — Путь Великого Совершенства, Путь без пути»*⁸⁷.

2.2. «Путь левой руки» в дискурсах Е. Нечкасова. Критика «Шуйного пути» волхвом Велимиром

«Велесов круг», члены общин, входящих в объединение, духовные лидеры и жрецы — не единственный пример и источник религиозной концепции «Пути левой руки» среди представителей родноверческой диаспоры в современной России. Наряду с волхвами Велеславом и Богумилом, ярким представителем идеи «Пути возврата» является Евгений Нечкасов (псевдоним Askv Svarte), одна из работ которого уже была упомянута выше.

⁸⁶ Ожиганова А. А., Филиппов Ю. В. Новая религиозность в современной России: учения, формы и практики. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2006. С. 280.

⁸⁷ Интервью с И. Г. Черкасовым (Волхв Велеслав)...

В своем интернет-сообществе «SVARTE ASKE — ТЕМНЫЙ ЯСЕНЬ» Нечкасов публикует статьи на языческую тематику, занимается издательской деятельностью в собственном издательстве «Svarte Publishing», которое успешно осуществляет свою деятельность с 2013 г. В своем интервью издательству «Fall Of Man» Евгений Нечкасов затрагивает вопросы «Пути левой руки». Один из вопросов звучал следующим образом: «Ваш подход к “Пути левой руки” очевидно вдохновлен идеями Вамачары; каким образом философские концепты Хинду относятся к язычеству Европы?»⁸⁸.

Ответ, который дал Askr Svarte является ключевым для данного исследования. Евгений Нечкасов не отрицает того факта, что сама концепция «Пути левой руки», вернее, ее основа, берет начало в индийских философских учениях, но и в то же время осуждает «многих европейских язычников и мистиков» в неправильности их пути. Это связано с тем, что некоторая часть языческих идеологов «Пути левой руки» копируют атрибутику восточных культов, не вникая в суть и особенности этих идей. По мнению Евгения Нечкасова, это путь в никуда. Далее Askr Svarte сообщает о своем видении этой проблемы. Единственное, что можно заимствовать из восточных религиозных концепций — саму идею, ее костяк, а уже потом обратиться к корням европейской традиции, чтобы найти способ раскрыть выбранную идею: *«Потом это следует привести в гармонию, освоить как язык, и в этом пространстве эллинско-германского философского языка мы можем выражать аналогичные Тантрам идеи, которые будут полностью комплементарны европейскому мышлению, культуре и внешним формам»*⁸⁹. Таким образом, Евгений Нечкасов не исключает возможного синкретизма традиционных этнических верований, присущих конкретной территории, и мистических культов индийской культуры, считая данный процесс обоснованным: *«Индия гораздо лучше и в большем объеме сохранила то, что Европа давно утратила. Поэтому*

⁸⁸ Интервью Askr Svarte издательству Fall Of Man. URL: http://askrsvarte.org/blog/fallofman_interview_rus/

⁸⁹ Там же.

нам не стоит пытаться стать индусами и бежать на Восток, нам надо смотреть на них, как в зеркало, и видеть разницу»⁹⁰.

В статье: «Традиционалистские основания Пути Левой Руки в Единизме» Евгений Нечкасов приводит структурные положения Пути левой руки. Во-первых, это признание того, что общество и человечество находятся в состоянии упадка: Рагнарек, Железный век⁹¹. Космос и человечество олицетворяются с остывающим очагом. Во-вторых, это недвойственность между богом и человеком⁹². Эти положения интересны своим сходством с основными положениями концепции «Шуйного пути» Велеслава. Askar Svarte обосновывает свой второй тезис следующим образом: по мнению автора статьи, типичным определением Пути правой руки для западной культуры является практика почитания бога через молитву, от лица человека, который заведомо отличается от бога по своему происхождению и положению. Концепция Пути левой руки имеет другой подход — не поклоняться богу, а самому становиться богом⁹³. Данное утверждение имеет место быть и в концепции Велеслава, где бог и человек находятся на равных позициях, а прямое поклонение богу является проявлением «Десного пути», т. е. ложного с точки зрения Пути левой руки.

Но у Пути левой руки есть и свои противники в неоязыческой среде, это обосновывается тем, что современному славянскому язычеству присущ плюрализм практик и учений⁹⁴. Главным противником идеи «Шуйного пути» выступает волхв Велимир (Н. Н. Сперанский)⁹⁵. В контексте данной работы особен-

⁹⁰ Интервью Askar Svarte издательству Fall Of Man...

⁹¹ Svarte Askar. Проблемы языческого традиционализма. Новосибирск, 2013. С. 3–5.

⁹² Традиционалистские основания Пути Левой Руки в Единизме. URL: http://askarsvarte.org/blog/traditionalism_and_odinic_lhp/

⁹³ Там же.

⁹⁴ Балагушкин Е. Г., Шохин В. К. Религиозный плюрализм в современной России. Новые религиозные движения на постсоветском этапе // Мир России. 2010. С. 70–72.

⁹⁵ Шиженский Р. В. Интервью с Велимиром // COLLOQUIUM NEPTA PLOMERES. Вып. I: Язычество в XX–XXI веках: российский и европейский контекст / сост. А. А. Бесков, Р. В. Шиженский. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2014. С. 171–176.

но значимыми выступают его статьи «Шуйный путь как оправдание порока» и «Критика концепции Велеслава»⁹⁶. Велимир критикует учение, разработанное Велеславом, называя его способствующим *«разложению и убийству русского народа»* наравне с общей политикой действующей власти⁹⁷. Автор критики открыто высказывается о концепции Велеслава, обозначая ее извращенной формой язычества, в которой смешалось все — тантризм, сатанизм и христианство⁹⁸.

Сперанский считает религиозную концепцию Велеслава уходом в сторону от этнических корней русской (славянской) традиции, неверной линией развития родноверия, противоречащей первичным целям возрожденных традиционных славянских верований. Последствия «Шуйного пути» для личности человека, на взгляд Велимира, колоссальны. Каждый адепт «Шуйного пути» разрывает свою связь с предками и силами мироздания, находится в состоянии внутреннего конфликта и душевной разрухи, т. е. в состоянии психологического расстройства. Волхв Велимир называет последователей концепции Велеслава трусливыми и эгоистичными людьми, которые сконцентрированы по большей мере на своей собственной личности. К тому же последователям Пути левой руки свойственны презрение и цинизм по отношению к обществу⁹⁹. Для Н. Н. Сперанского «Шуйный путь» Велеслава предстает антитезой концепции гармоничного индивидуального духовного развития и самосовершенствования в ладу с обществом и природой, свойственной самому автору критики «Шуйного пути»¹⁰⁰.

Подобные факты существования различных форм левой концепции и критика со стороны других идеологов родноверия говорят о характере развития новых религиозных движений в

⁹⁶ В данной работе используются материалы монографии российского исследователя Р. В. Шиженского о жизни и деятельности Н. Н. Сперанского (Шиженский Р. В. Почвенник от язычества: мировоззренческие дискурсы волхва Велимира (Н. Н. Сперанского). 2-е изд., испр. и доп. Н. Новгород: Поволжье, 2015. 216 с.).

⁹⁷ Там же. С. 90.

⁹⁸ Там же.

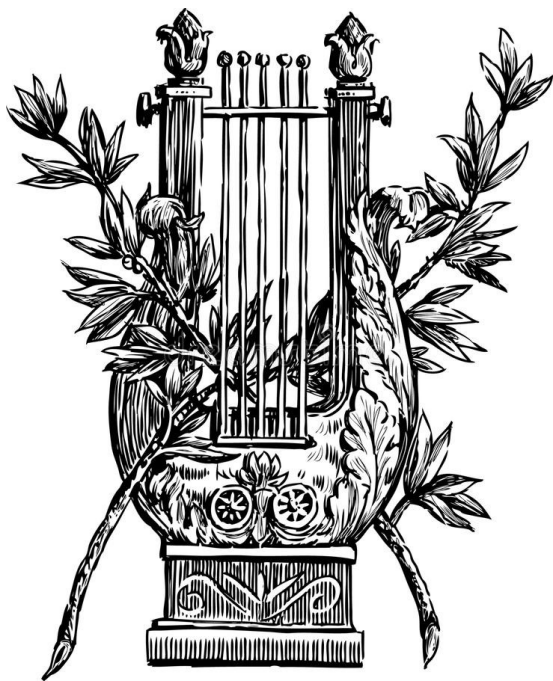
⁹⁹ Шиженский Р. В. Почвенник от язычества... С. 91.

¹⁰⁰ Там же. С. 89.

России. Неоязычеству как социокультурному явлению присуще отсутствие стагнационных процессов¹⁰¹. Появление новых духовных практик и религиозный синкретизм, с одной стороны, противоречат первичной идее возрождения славянской традиции, но с другой — дают жизненное пространство для развития большого спектра языческих идеологий.

¹⁰¹ Черва В. Неоязычество и молодежная культура: в поисках новых религиозных и культурных ориентиров // Дифференциация и интеграция мировоззрений: философский и религиозный опыт. СПб., 2004. С. 435.

ПОЭЗИЯ



Владимир Акулинин

Мне гвоздики несут Химеры,
Дарят мне малахита гроздь.
В предвкушение огня и серы
Забивают в затылок гвозди.

Но не гордый я — так же просто
Не за страх, не за совесть — сдельно
Заливаю слезами простынь
У последней любви постельной.

Мне вдохнуть бы хоть раз поглубже
Или сдохнуть Маратом в ванной.
Забивается ватой в уши
Мир чужой, где я гость незванный.

Душу хламом наполнив разным,
Потеряв красоту и тонкость,
Я вырезаю ногтем красным
В небе тотем мой — отчужденность.

В одиночестве, во вселенной,
Где все ясно, где песни спеты,
Умереть бы, порезав вены,
Догорая хвостом кометы.

Раствориться в эфире внешнем,
В темноте навсегда забыться,
Растворяя во сне нездешнем
В малахитовых брызгах лица.

Октябрь 1973 г.

Пути длиною в год. Пути длиною в сто.
Пути длиной в одно и в пять тысячелетий.
Пути всегда за кем. Пути всегда за что.
В узлах суставы ног, и руки будто плети.

Я многих повстречал на жизненном пути,
И космос населен друзьями и врагами.
Я никогда не знал, что будет впереди,
И Млечный путь звенел под мерными шагами.

Куда же я иду? Когда же я приду?
Куда мы все придем перед концом Эона?
Ужели я во сне? Ужели я в бреду?
Заслушался в тиши малинового звона?

Но разве может быть настолько ясен сон?
И можно ли идти куда-то без сознания?
Нет, это наяву я слышу тихий звон.
То Млечный путь звенит — дорога Мироздания.

Осень 1981 г., клиника Корсакова

Кто мы?

Пока живем, бредем на ощупь.
Зажат в границах чистый разум.
Кто посложнее, кто попроще,
Кто в небеса, а кто в маразм.

И рвемся от неясной рани
Почти от самого рожденья
Туда, где на последней грани
Дается нам второе зренья.

И видим то, что было надо
Всю жизнь иметь перед собою.
И все — конец. Ворота ада
И ангел с огненной трубою.

И будем в час тоски и гнева
За все, что видели, в ответе.
Мы дети чьи? Чьего посева?
Куда несемся на планете?

Из глины вышли, станем глиной —
Ни сожаления, ни страха.
И жизни нашей — длинной-длинной —
Достаточно для горсти праха.

Когда земля нас породила,
Тогда пускай да будет пухом.
Но если в нас Господня Сила,
То мы сольемся с Божьим Духом.

Кто мы? Во тьме бескрайней ночи
Затерянные в мирозданье.
Открой нам, Бог, слепые очи
Да искру света дай в сознание.

А может быть, во сне мы видим
Все то, что происходит в жизни?
Во сне мы любим, ненавидим,
Сидим на свадьбе и на тризне.

А может, завтра все приснится
В каком-то новом измеренье?
И разум разорвет границы,
И тело не увидит тленья?

Апрель 1985 г.

Сергей Гражданкин

С той стороны

Ночь приоткрыла свой альков,
Загнувши штору облаков,
И льется свет с той стороны
Через отверстие Луны.
Лес тает, все слышной слышны
Качели темной тишины...
А ты, бессмертием дыша,
Чего боишься ты, душа?

Кто мы?

Мы странные звери
С планеты иной,
Захлопнулись двери
За нашей спиной.
Привычную долю
Мы здесь обрели:
Молиться на волю
В вольерах Земли.
Молчат наши гены,
Безмолвствуем мы —
Мы, аборигены
Просторной тюрьмы.
От криков роддома
К могиле немой,
Как в лифте, плывем мы
Угрюмой гурьбой.
Прекрасно знакома
Нам каждая тварь,
Мы все тут, как дома,
Как прежде, как встарь...

Но что там разбилось
И крикнул там кто:
«Нам это приснилось!
Все это — не то!»

Душа ли взбесилась?
(Приснилось ей что?..)
Что с нами случилось —
Не знает никто.

Участие

Теперь не ссоритесь вы, не спорите,
Прапрадеды, отцы,
Вы все подсолнухами смотрите,
Родные мертвецы.
Вы сквозняками всюду шарите,
Раскачивая тополя,
Дымами маетесь и таете
По городам, полям...
То кранами над котлованами,
Скрывая вздох;
То заморозками ранними,
Застав врасплох.

Свобода

В стенах наследственной тюрьмы
Мы недоступны силам тьмы.
Но стоит выйти на свободу,
Свод камеры на свод небес
Сменив, завистливой в угоду
Мечте, как тотчас бес
Погонит вскачь во чисто поле
Слепорожденного в неволе.

Сергей Жигалкин

Высь

(ностальгия альпиниста)

Меня не волнует, будет
ли ад или рай на Земле.
Меня не волнует, сгинет
ли все, что вокруг, во мгле.

Меня не волнует, много
ли жить еще буду лет.
Меня не волнует, постигну
ли трансцендентальный свет.

Меня не волнует, великий
ли кто-то из нас человек.
Мне все равно, подлец ли
какой-нибудь имярек.

Меня не волнует, можно
ли в вечность живым попасть.
Мне безразлична Джульетта,
роскошная дикая страсть.

Меня не волнует нисколько
весь этот мелкий вздор.
Меня волнует только
блеск снега на пиках гор.

Конец 1980-х годов

Отражение

В черном омуте одна
Молчаливая луна.
В зеркале недвижных вод
Виден звездный неба свод.

Рыбы всплеск из глубины:
Нет ни звезд и ни луны.

12 июня 2018 г.

Апория атеиста

Обитаемых планет
Нет.

Посреди вселенской тьмы
Только мы.

Боги, трансцендентный Свет —
Людской бред.

Но откуда же тогда
Красота?

25 мая 2019 г.

Видение

В сумрачной дали
Призрачные корабли.

Июнь 2019 г.

Анемона

Там, где нет больше слов,
За пределами снов,
Где отсутствует «я»,
На краю бытия

Среди горных высот
Анемона цветет.
Но ее красота
Недоступна ни мне, ни тебе —
никому, никогда.

20 июня 2019 г.

Крив

Знаю! Правда моя в Седле!
В том, с которого мертвым свалюсь.
Знаю! Правда моя в Ладье!
В той, в которой о Риф разобьюсь.
Знаю! Правда моя в Острие!
На которое Сердцем наткнусть.
Знаю! Правда моя в Вине!
Сим Вином я до Смерти упьюсь.
Знаю! Правда моя в Борьбе!
В той, в которой не выстою.
Знаю! Правда моря в Огне!
В том Огне я Дотла сгорю.
Знаю! Правда моя Вдалеке!
Там куда с Ветром Прахом умчу.
Знаю! Правда моя в Реке...
Ее воды погасят Свечу.
И в звенящей густой Тишине,
В той, в которой вовек отмолчусь,
Поверну я Дорогой Извне...
И по новому...Кругу...Начнусь!
Злая Правда моя! Кругом бег!
С Ясным Солнцем наперегонки!
Сука-Правда моя! Талый снег!
Что играет с Лучом в поддавки!
Это Правда моя! Буря-Зла!
Что разбила свой лоб об Утес!
В Бездну пущенная Стрела!
В отражения мертвых звезд...

Поперек

В бурном море страстей легкий ласковый бриз
Аргонавтам, как жизни глоток.
К тучам взмоет волна, град обрушится вниз,
Только буря летит поперек!

А в подлунном миру, будь ты князь, будь ты мразь,
Всяк же шельма знай свой уголок!
Сокол ввысь упорхнет, червь зароется в грязь,
Мудрый змей поползет поперек!

Спину ставя под хлыст забот и каприз
И ища в каждой мелочи прок,
Умный лезет наверх, дурень падает вниз,
Лишь безумец идет поперек!

Выходя из окна на скользкий карниз,
В бездну ночи свершая бросок,
Смертник прыгая вверх, камнем падает вниз,
Только Бездна лежит поперек!

Внеся смуту в покой уверенных лиц,
Тех, кто этот не понял намек,
Ты познал духом «Верх», он познал телом «Низ»,
Я помыслил их «Поперек».

Лес. Ночь. Мертвецы стонут в выворотнях...
Забудь все, что ты знал об оборотнях.
Мысли прочь.
Сплюнь, через левое плечо.
Горячо, бьется сердце израненной птицей,
Догорает Июнь.
Путь от сердца до бездны звездной,
Чертит Луна златолица.

Язык трав. Язык песни зеленой крови.
Так понятен, так ясен и чист,
В его магии содроганий,
Смысла больше чем в звуках-словах.
Страх. Раствориться в клыкастом оскале,
Потонуть в страстном танце погони,
В Солнца Черного греясь лучах,
Сбросить путы людских терзаний.

Дрожь. Не найдя живого тепла,
В блеклых красках постылого дня,
Пасть к груди торжествующей Ночи,
И лакать Млечный Путь, что впивается в сердце, как нож!

Сердце... Сердце бьется израненной птицей!
Путь от радио к Вещему чертит забвение,
И победным огнем горят Зверя янтарные очи,
В лесном омуте вторит им ведьмы-луны отражение...
Человек засыпал на груди торжествующей Ночи...

Вячеслав Ларин

Ввысь

Рассеяны, разбиты, покинуты,
Мертвой воде не срастить,
Через врага плечо опрокинуты —
Скрыты во тьме, отодвинуты.
Распять на колесе судьбы,
Завистью мелких и низких оплеваны,
Наши спины надорваны, наши печени склеваны —
Не избежать нам славной борьбы.

Я буду Змеем для вас,
Я изопью поэтический квас,
Я оплету кольцами мир,
Я буду тем, кто есть.
Я сложу великую песнь,
О красоте человека мой глас
Возвестит через страх и отказ
От пути в вышину и падение вниз.

Жизни не бойтесь — завтра смерть,
Создадим же свою круговерть,
Вдохните поэзию, вкусите устами,
Ощутите ее своими перстами.
Под древом из крови и золота,
С корнями из нитей прях,
Где земля иглою исколота,
Мы потеряем свой страх.

Пируйте ж во время чумы,
Сумерки нас не пугают,
Своего тигра мы оседлаем
Средь мрака вечной зимы.
И кровь пусть струится
По венам багровым,

Летит пусть жар-птицей
К ветрам суровым.

Из тишины сумерек, из тьмы веков,
Мы вырвемся прочь от оков,
Наш шелковый путь вперед все ведет,
Из грязи да в князи он приведет.
Я боли не боюсь и на тот берег приду,
Где по-зимнему чисто, туда я уйду,
Над Ульtima Туле к Полярной Звезде,
Душой пролечу над Землею везде.

Соком берез и брагой дубов,
Квасом хмельным древних богов,
Элем небес и мидусом рек,
Вусмерть упьюсь я на краткий свой век.
В темные выси и светлые дали,
По полю без края и без межи,
Уйду я в путь за древним Граалем,
Вместо семян бросая ножи.

Потом проскачу по радужной крыше
На крыльях чудесных коней,
Ступайте за мною, все выше и выше,
Выше небесных и дивных очей.
Там мы сплотимся и станем сильней,
Там мы окрепнем, во мгле сих ночей,
На Землю сойдем мы вместе с дождем,
Из крови и слез, что будет рожден.

Крок Новиков

Из братины

Коло вспять не повернуть, пригуби из братины.
Выпусти на волю крик, что держал ты взАперти.
Из груди уставшей в небо пусть летит прямо к Сварогу,
Да по Млечному Пути, где сам черт сломает ногу.

Маята забрала силу, хмель теперь блудит в крови.
Тишины душа желает, рухни навзничь, замолчи...
Растворит дыханье Навь, Велес выпьет твою боль...
И шатаясь утром ранним, вдаль прошепчешь слово -
Гой!

29.05.2019

А теперь на душе спокойно

А теперь на душе спокойно,
А теперь на душе легко.
Положите меня покойна,
На земле ледяной — полотно.

Пусть летит зареокою зорью
Над небесной синью душа.
Пусть играет и пьет беспокойно,
На купальском костре кутежа.

Если б не было этой сини...
Если б я любил не пьянясь...
Вырви сердце мое, Россия
И сожги, дождем омовясь!

Хмель
04.06.2019

Морена прими мою потребу — злодеяния и добродетель.
Я жаждал всегда только высшего знания,
 этому Велес свидетель.
Пресен жизненный смысл, пробую смерть на вкус,
Тихо костры догорают, и я изысканно пуст.

2016 г.

Чеслав Вятч

Сон

Среди летних полей
На купальском лугу
Прекрасной русалке
В любви признаюсь.
От зари до зари
Встречать ночи и дни
Мое сердце
С тобой завещало.
Пряных трав полевых
С упоением вдыхать
Аромат на овине душистом.
В мерном пении сверчков
Близость звезд ощущать
В океане бездонного неба.
Им навстречу лететь,
Став дыханием звезд,
Млечный Путь
В глубине созерцая.
Слушать трель соловьев
В гамаке у березовой рощи.
Встречать утром рассвет
И гулять по росе
Среди ягод и трав полевых.
Белой ночью гулять
По песчаной косе,
Моря летнего
Волн не касаясь.
Осенью в парке
Степенно гулять
Средь деревьев,
Объятых пожаром.
Среди снежной зимы
Пить с корицей глинтвейн,

Наблюдая узоры на окнах.
На коньках вновь скользить,
С души сбросив балласт,
И увидеть, что мир
Вновь прекрасен.
Утром зимним
Проснуться от ласковых слов
И букета из летних ромашек.

Полынь

Горизонт озарило
Вечерней зарей,
Снова лес поманил
Из джунглей бетонных.
Мы уйдем на заре
В чащи старых лесов,
Что раскрасила небо
Розовым цветом.
Там за кромкой Лешак
Давно ждет гостей,
Он укажет дорогу
К капищам древним.
Он приветствует путников
Шелестом крон,
Щебетанием птиц
Он беседует с ними.
Средь камней воскурилась
Сухая полынь,
Своим дымом
Округу окутав.
Та трава, что дурман,
Что трава-оберег,
Своей дымкой связала
Миры Яви и Нави.

Чтобы сны наяву
Увидеть смогли,
Вкусив горечь ее
Приторно-сладкую.
Очистит сознание,
Ясность мысли придаст,
В мед богов обернув
Яд дурмана полыни.
Она стелет свой дым,
Прижимаясь к земле,
Средь деревьев
Без ветра порывов.
Как дотлеет полынь,
И дотлеет заря
Углями закатного неба,
Значит снова пришла
Возвращаться пора
В мир без памяти
В мир, не помнящий, кто он.

Вальдр

Кровью вновь налит свод черепа,
Озаряет пряди волос его тел.
Забирает Ночь мертвых душ полчища,
Кровью горы точатся в мел.
Год за годом, где долы мирные
Дарят жизнь свою хладному льду.
В них растут гиакинфы смиренные
Отдавая себя лишь Ему...

Облаков там кудри цепляются
За высокие пики зубов,
В дикой страсти крови смешаются,
Одаряя людей и рабов.
Рабы ропщут украдкой в проталинках
Жизни нет у них ведь другой,
Он жрут все и пьют на завалинках,
Суть укрылась их слепотой.

Плавным мигом илот насыщается,
Обезглавленный вещным добром.
Он мгновением упивается,
Его жизнь одурманена сном.
Сердце тихо, хоть льдом мир зарывается,
Только зрячий ко смерти лицом,
Ведь у мужа в душе разверзается
То мгновенье, что будет концом...

Путь Копья

В ночи чарующей и зыбкой
Средь мрачных ясеней стою,
Узрев в душе горячей, пылкой
То, что не скажешь никому.

Свет тени, шепчущий украдкой.
Взгляд томный, дикий, как огонь,
Будто мгновенье перед схваткой,
Великой схваткою с собой...

Ты древко сжал и величаво
Вновь бросил в ночь и позабыл.
Будто тебе и жизни мало!
О Вещий! Ты опять пленил.

Объял собой и из себя же
Исторгнул тьмы великий свет.
Пущай мне перст твой путь укажет
В ту бездну, где сияет след!

Туда

Туда зовет меня звезда,
В тот свет — неясный и слепой,
В тот миг — пропитый суетой,
В тот сад, где ждет моя стезя...

Манит безвестный лабиринт
В тот взлет, где больше «нет».
За тот покой, где есть ответ,
Туда, где тьма огнем горит...

Где я дрожу в страдании!
Где ужас пьет мою росу!
Где боль съедает тайн мрак!
Там дом, что я зову — дыханием...

Звезда

Когда в ворохе глаз печальных
Среди мертвецки глухих голосов
Обнимает меня отчаянье
Моих мрачных незримых снов,

Окунает в дрожи тревогу,
Обнажая во мне пустоту,
Моей души забытья дорогу,
Где срываюсь всем, чем был, в темноту.

Там, за горизонтом сияния,
Лишь росую умыть мне глаза,
И ослепну от расстояния.
Разрывают меня полюса,

Червоточина рвется издушины,
Поглощая меня собой,
И лишь грают бессонные вороны
Над курганом, вскопанным мной,

А земля согревает холодом,
Обжигая небесный покой,
Сквозь меня давно бьется молотом
Тот, кто был когда-то звездой...

Махāvīра

Когда спит Брахман — мира нет.
Тот сон спокойней всех — ведь он один.
Глаза откроет — видит рой планет,
Он создал их, и он их господин.

Себя забыв, он сразу станет мной.
Я вспомнить должен, должен испытать,
Открыть все двери, жизнью стать любой,
Собой задача мне при жизни стать.

Я завоюю мир, его возьму.
В клыках у льва добыча — жалкий мир.
Терзаем он и бьется на ветру,
Ведь я то, что я — Брахман, не забыл.

Как воины Курукшетры, жизнь оставь,
С рожденья мертв, вовек другим не стать.

Я обошел миры, сто миллионов лет,
Рождение и смерть их созерцал,
Я брал и выполнял любой обет,
И смену времени я видеть не устал.

Закончив путешествие, я сел,
В себя войдя, и мантру стал читать.
Смотрел в зенит и сразу я ослеп,
И мир мне больше перестал мешать.

Поднялись веки знания тогда,
Я видеть стал, о чем нельзя сказать,

Все силы, небожители со мной,
И мне людские не нужны глаза.

Себя оставь и будешь здесь же завтра.
Ты благородный ария, и ты — Брахман.

Мой Бог не чист — он выше чистоты,
В ночи он — волк, душителя петля,
Он страшен видом и полураздет,
Его глаза — как угли от костра.

Мой Бог — отвага, доблести ядро,
Он — марш победы и атаки марш,
Он — сердца рык в ночи и где светло,
Трофей войны и юной девы дар.

Мой Бог — безмолвие и тишина внутри,
В которой пропадает мира шум,
Он — дуновение ветра, тень горы,
Он — тишина в речах, неподвижность дум.

Чтоб он пришел — его не нужно звать,
Сейчас он здесь, открой свои глаза.

Наталия Прокуратова: Рассказы

Гобелен

Его видели на берегу реки... Никому не известная старуха сидела рядом.

Он не успел прийти в себя... Туман обволакивал, напывался тьмой, как бездонная пропасть. Чувства вернулись, но будто во сне — он падал, проваливался, летел вниз: земля, обычно твердая, не оказывала сопротивления... Жажда опаляла дыхание, миражи окружали — сонмы бликов в ускользающей дымке. Огня не было видно, только искры уносило ветром в золотисто-красный закат...

Состояние быстро менялось. Он не мог сосредоточиться на происходящем, не помнил последовательности событий. Казалось, узкий луч в темноте высвечивал сцены из его жизни: обветшалый дом, сплетенные ветви, тропинка, ведущая на холм... и много неба... открытая галерея, голоса, забытые лица... Он пытался что-нибудь предпринять, но усилия прерывали видения: вновь и вновь возвращался знакомый сон детства, становясь единственной реальностью....

Звук... далекий, непрерывный, подобный гулу потревоженного ветром колокола, казалось, не имел источника. Его природа оставалась тайной: непостижимый, все пронизывающий живой поток. Вместе со звуком всегда приходило особое состояние: не сон, скорее напоминание о чем-то очень важном, забытом во сне...

Из пустоты появлялись тончайшие радужные диски. Они исчезали, вновь возникали и плыли в незримых течениях. От пристального взгляда, как от брошенного в воду камня, радуги расходились кругами. Всем существом он всматривался в их движение, пытаясь понять... Снова и снова возвращались тихие волны, отразившиеся от невидимой сферы. Их свечение растворяло все...

Неожиданно движение прекратилось. Бездонная безмолвная глубина.

Мерцание в сумраке глубины, едва различимое.

И вдруг — ослепительный блеск луча. Свет заleden в пространстве: гигантская алмазная игла пронзала тьму... Шквал ветра обрушил лавины туч, они настигали друг друга и, сталкиваясь, обнажали лезвия молний, напоминая битву титанов с богами. Внезапно невидимый меч отсек острие. Алмазное горло исторгло огненные вихри: пылающие драконы возносились, сплетались, кружились в дикой игре над призрачным океаном...

Крик, как готовая разжаться пружина, рвался из сна беззвучным вопросом: «Что?!»

Исчезла последняя тень видений. Свет, белый, как туман, опускался сверху, золотисто-красное свечение поднималось навстречу. Казалось, солнце и луна слились в его сердце. Затмение.

Сверкнула молния, озарив синеву. В следующее мгновение ее сияние не исчезло — гром, радуги, лучи, огненные сферы, лики непостижимых божеств. Взмах огромных крыльев: голубой орел воспарил в вышине...

Словно гигантский кристалл вонзился в каменистый остров. Он нашел эту скалу и сделал ее своим домом. Едва заметная тропинка вела в его обитель. Полупрозрачные стены горного хрусталя в высоких нишах отполированы до зеркального блеска. Пять планет скользили по открытому горизонту. Каждая из них время от времени зависала над скалой. И тогда ее лучи или призраки бродили по поверхности зеркал. Смутные отражения медленно прояснялись: грандиозные ландшафты, неизвестные острова...

Неведомая жизнь завораживала. Забывая себя, он мгновенно входил в отражения: мысль становилась зримой до мельчайших подробностей, а желание преображало его в избранного им героя. Приключения были его страстью: недоступные континенты, скрытые земли, немыслимые культы, тайные искусства... Но истинное вдохновение влекло за пределы всего существующего, к вечному источнику бесконечных превращений... и к разгадке мистерии той беспощадной силы, которая властвует над всякой судьбой: где бы он ни был — в море или на необитаемых островах, в бою или райских садах, под пыткой, в плену, в пасти чудовища, среди близких друзей или в объятиях нимф —

смерть всегда находила его героя и, словно порыв ледяного нездешнего ветра, разрушала видения, мироздания, сны...

В сводчатый потолок встроена деревянная рама. Вертикально натянутая основа вибрирует, подобно струнам только что затихшей арфы...

Старый вяз на высоком берегу реки, бескрайние луга во всех направлениях и без конца... По кругу всего горизонта в пламенеющей синеве ночи вспышки молний — сухая гроза. Огненная саламандра застыла на черном стволе дремучего вяза. Огромные лунно-белые цветы распускались в его обгащенной листве. Цветение ночи являло иную реальность...

Нити сходились и расходились на одной линии — горизонт медленно поднимался. Некто невидимый перебирал основу... Вспыхнула молния, явив тайный огонь саламандры...

Другой эпизод. Волны цвета взмывали в сверкающую близину и, набирая силу, срывались в черное. Казалось, водопад низвергается с неба. Гул вбирал в себя все звуки, какие только есть. За струящейся прозрачной пеленой дымилось многослойное гало — сотканный свет магически создавал формы: всадники, замки, мифические животные, дамы... образы оживали, мгновенно менялись на что-то другое, исчезали в бликах летящих брызг... Почти касаясь воды, золотой сип пересекал поток, поднимаясь к снегам у вершин.

Он срезал гобелен. Короткие нити основы, будто сухая трава, повисли на верхней перекладине. Внизу — тяжелые мягкие складки ковра... как сброшенные паруса... В раме зияла пустота...

Вокруг высились скалы, белые пики пронзали раскаленную синеву — он спускался с перевала, затерянного в вечных снегах... и вдруг очутился в цветущей долине...

Идти никуда не хотелось. Он наслаждался: появлялось желание петь — он пел, бежать — и бежал за ветром, кричал, подражая зверям; часами сидел на камне, в тишине наблюдая движения внутри и вокруг себя, или просто смотрел в пространство. Однажды, поднимаясь на гору, вдруг замер — на вершине танцевал человек: медленно, без усилий меняя позы, гибкая фигура загадочно преображалась на фоне неба... Словно охотник последовал он за поразительным существом. Ночью где-то сре-

ди скал заметил знак — это было приглашение. Они сидели на земле, не глядя друг на друга. «Танцующий на вершине» что-то говорил, потом пел — звуки, блуждая меж скал, возвращались оглушительным эхо.

Постепенно пение объединило их. Диковинные флейты пронзительно гудели в ритмах неистовых барабанов. Порывы ветра разметали лохмотья — обнаженный, он пел и танцевал как безумный. Нечто устрашающее проявилось в ночи — гости пиروвали: кровь или вино лились рекой...

Окровавленный, лежал он на каменистом склоне, чудовищные духи пожирали его плоть. Глаза открылись небу. Рядом бормотала, пела, смеялась старуха.

Он очнулся на берегу ручья. Заросшая тропа поднималась к скале. За аркой входа подъем продолжался, ступени веером расходились под каменными сводами. Щели, уступы, трещины украшали стены живописными рельефами, игра фантазии превращала их в изображения зверей, охоты, любовных игр. Проходы, тупики, мост, пропасть, лаз, туннель... он почти бежал. Тропа заметно вела наверх. Над головой блеснула полоска неба. Вершина. Орел из горного хрусталя венчал скалу. Лучистые радуги преломлялись в изгибах его крыльев — гигантская птица, казалось, взмывала из гнезда. Невидимая молния коснулась его сердца.

Знакомой тропинкой он спустился в свою обитель. Прозрачные стены мягко сияли. Тончайшая радужная сеть покрыла весь горизонт. Тихий, странный, не имеющий источника звук... Кристалл сверкал в лучах озаренного неба. Внезапно огненно-белый орел слился с золотистым пламенем восходящей зари.

На мгновение он отвел взгляд от ее глаз. Извивный язычок на раскаленных углях вспыхнул — саламандра исчезла в пред-рассветном мерцании звезд.

Последняя неделя декабря 1999 г.

Лабиринт

(Воспоминание о горном переходе)

Издалека снежные вершины ирреальны подобно облакам... мы уходили вверх, к границам, за которыми почти не бывает людей. Необъятные пространства долин, бархат холмов... нереальные скалы, будто нарисованные... Водопады, рождаясь в вечных льдах и постепенно набирая силу, обрушивались вниз. Устремляясь в ущелья, они вбирали в себя частицы пород всех пересекаемых ими земель. В долинах — это могучие реки, мутные, холодные, неодолимые...

Последняя переправа. Река издали вроде спокойная. Тому, кто впервые в этих местах, трудно поверить, что брода здесь нет. Но в горах рассчитывать на первое впечатление — наивное заблуждение. Несколько шагов в глубину, и поток кого угодно собьет с ног. Вблизи от воды исходил глухой рокот и пронзительный холод. Течение волокно тяжелые булыжники, они всплывали словно хищные рыбы, скользили по поверхности, кувыркались в ревущих стремнинах, уходили на дно. У крутой излучины можно было бы броситься вплавь, изо всех сил стараясь держать верное направление, но шансов немного: другой берег — это *другой* берег. Выше, в скалах, над угрожающе бурным потоком снова и снова пытались навесить веревки и соорудить переправу. Увы, безуспешно. Оставался обход через верх... Пять часов подъема, и наконец удача: плотный снежник изящным мостом перекрыл реку.

Новая долина — и совершенно иной колорит, атмосфера, настроение. Вечер. Неодолимое желание просто сидеть и смотреть на огромную гору, увенчанную белым скалистым замком на зеленом лугу у самой вершины. На закате облака, превратившись в причудливые экипажи, доставляют небожителей. Воздушное шествие направляется к замку и скрывается в нем. На востоке — звезды, луна. На западе — победоносно уходящее солнце.

Пламя костра растворяло ночь, притягивало взгляд, опустошая ум: мир прошлого исчез, мир воображаемого будущего тоже. Оставался лишь мираж предстоящего пути. И на мгнове-

ния появляющиеся из тьмы призрачные тени беспокойного ума: сомнения, мнения, планы, желания, оправдания... Но здесь, в зеркале огня, все это не имело никакого значения.

Наутро предстояло сначала спуститься на полкилометра вниз, чтобы потом начать восхождение к перевалу. Склон был слишком крутой, местами отвесный, потому пришлось пробираться узким и темным ущельем — руслом пересохшего ручья, почти водопада. Лавирование с рюкзаками меж огромных камней и завалов постепенно превратилось в настоящую пытку. Небо сияло раскаленной синей полоской высоко над головой. Наконец, последний спуск на веревках к подножию скал.

Открылся колоссальный ландшафт. Параллельно хребту по плато ледника тянулась чудовищная трещина, метров семьсот шириной, в глубине которой тускло мерцала черная морена, подернутая чешуйками льда. Как одинокие фантастические птицы вглядывались странники вдаль, выискивая путь. Разногласия и сомнения вскоре были преодолены, и маршрут был намечен. Другой берег этой адской реки казался недостижимым...

Скоро мы оказались в царстве застывшего в шторме каменного моря... Балансируя, подобно канатоходцам, на гребнях ледяных торосов, вздымавшихся как гигантские ножи, и вглядываясь в пропасти с обеих сторон, можно было рассмотреть разветвления лабиринта, отыскать и попытаться запомнить путь. Но когда мы спускались вниз и брели по узким и путаным коридорам, трудно было держаться выбранного направления: из-за мрачного серого однообразия терялись все ориентиры. Полированные сколы льда зияли иссиня-черными зеркалами в проемах пепельных стен, в отражениях множились отражения, порождая зловещие перспективы бесконечных туннелей...

Бесчисленные тупики провоцировали апатию и усталость. Казалось, мы обречены блуждать среди этих иллюзий целую вечность. Как паук бесшумно плетет свою сеть для жертвы, так и лабиринт диктовал нам наш следующий ход в силу известного ему одному таинственного закона пространственных метаморфоз. Но, как это ни парадоксально, мысли и желания каждого влияли на ход событий...

Лабиринт подавлял. Утомленные, мы брели то вправо, то влево, потом вверх, затем вниз, снова направо и вниз, потом

опять вверх... Верх, низ?.. Небо упало войлочной тяжестью, скрыв свою легкость и прозрачную глубину. Время тоже исчезло, как и живое дыхание пути. Все одинаково, однообразно, все вызывало раздражение. Скользящая серая жижа, предательский сумрак, шелест скатывающихся камней... Странные блики, хруст под ногами — будто кладбище окаменевших глаз. В застывших зрачках — тысячи мертвенных отражений отчаяния, обреченности, неведения, забвения...

Словно разверзлась земля и приоткрылось логово подземного дракона. В провалах, щелях, черных дырах гудели ветра, тьма в их глубинах выла, стонала, визжала, рыдала. Будто где-то внизу беспощадные демоны впивались в сумеречное сознание своих пленников. Ядовитые испарения вызывали судорожное удушье. Кровь леденило дыхание бездн. Мокрый туман лип, словно тесто, обволакивая тягучей паутиной животного страха... Ужас, страдание, боль, отчаяние, оцепенение — основной камертон тех жутких мест.

«И вместо Света вы наполнитесь Хаосом»...

Лабиринт отнял силы, погрузил все во тьму, превратил тела путников в почти неподвластную им дрожащую окоченевшую плоть...

Взгляды перекрещивались одним и тем же вопросом: «Не двигаться больше, застыть, замереть?.. Присесть здесь на камень и просто уснуть!?»...

«О Свет Светов, спаси нас от нас самих!»...

Внезапное пробуждение. Гротеск ледяных громад, ни малейшего движения. Незримая волна доносит звук... тихий, глубокий, странный... будто гул колокола из недоступных иных измерений... Необычайное напряжение. Взрыв! Диск огня в пустоте — золотой орел парит в пространстве... Смех сорвавшейся лавиной заполнил все. «Ха-Ха-Ха-Ха-Ха!»...

Поздним вечером выбрались на твердую землю: как ни в чем не бывало стелилась трава, местами торчали кусты. Черное небо, луна... пейзаж почти не вызывал подозрений.

Тропа плавно поднималась вверх. Кристальная прозрачность воздуха была напоена утренним светом. Звуки, доносимые ветром, не нарушали тишины. Синие, алые, ослепительно-белые горы непрестанно менялись при движении солнца, луны, обла-

ков. Небо было открыто от самой земли до головокружительной высоты. Долины, хребты, далекие пики, изгибы рек, водопады — все совершенно. Как вода в воду, вливалась безмятежность в мысленный поток, очищая его от тщеты. Мистерия огня, воды, воздуха и земли — пространство роскоши, иллюзии... и пустоты.

Впереди путь на перевал. За отрогом горы с островками арчи открылось новое ущелье. Упругая, как змея в молниеносном броске, река в середине русла неправдоподобно возвышалась над берегом. Вспыхивая на солнце, жемчужные нити течений узорами золотили ее струящееся тело. У самой воды устоять невозможно: невидимые шлейфы ветра неожиданно закручивались в смерчи, увлекая за собой. Взгляд, замороженно следуя за потоками вод, ломал равновесие. Падение не оставляло ни единого шанса. Мы пробирались по самому краю стремнины, прижимаясь к скалистой стене. Каждый шаг выверен, каждый шаг — целое действие... Через пару часов привал на прибрежном песчаном откосе. Первозданная долина тонет в тенях уходящего дня, загораются звезды...

Утром поднялись на гигантский ледник: хрустальная лава зигзагом спускалась меж белых скал. Сияние слепило глаза. Сверившись с картой, определили направление на перевал: издали южный склон хребта выглядел рельефным монолитом, однако просматривался кулуар, на самом верху — скальная седловина и низвергавшийся прямо с нее водопад. Нам, видно, туда... Шли почти вслепую в мареве бликов заиндевевшего плато. В какой-то момент обогнули гигантскую зияющую воронку, куда устремлялся падающий сверху горный поток, смешиваясь в ее глубине с черной кипящей подземной рекой.

На подъеме — лес выветренных скал: на удивление схожие между собой тридцатиметровые столбы-великаны, увенчанные огромными сплюснутыми головами, застывшими в сомнительном равновесии. Это каменное войско долго тянулось по склонам вдоль падающей сверху с террасы на террасу прозрачной реки. Казалось, без молчаливого согласия духов ущелья здесь не пройти. Чем выше, тем плотнее стояли каменные истуканы друг к другу, их многотонные головы грозили слететь с тонких шей — разбитых и целых упавших голов всюду валялось

немало... Странные скалы все больше теснились к реке, вынуждая нас идти ближе и ближе к воде...

Шелесты, гул, стоны ветра вплетались в шум водопада, иногда возвращались вдруг эхом от скал. Мы шли уже по воде, по обжигающему ледяному потоку, навстречу каскадам искрящихся струй — будто стаи белоснежных фантастических птиц кружились вокруг. Брызги превращали воздух в волны мельчайших радужных солнц, бесчисленных, заполняющих все пространство.

У седловины, там, наверху, только сверкающий водопад. Казалось, что поток падает с самого неба... Больше не было изнуренного тела, не было и ума...

Наконец — седловина, открылась та сторона. Вершина хребта оказалась дном гигантской чаши, устеленной изумрудно-синей травой с яркими крохотными цветами по берегам серебристых ручьев. Вокруг, далеко, — исчезающие в ночи снежные пики... Перевал где-то там...

P. S.

У каждого свои причины вновь и вновь возвращаться в этот мир. Над сверкающей белой пустыней прозрачный холод звезд: кто-то стоит на вершине в полном уединении... но одновременно находится *вне*... в свободном парении. Далеко внизу — альпийские луга, шум водопадов... Здесь *путь* из символа превращается в реальность... и снова сворачивается в символ.

Написано к 29-му дню декабря 1998 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ



Ванюшкина Виктория: Записи разных лет

Интеллектуальное наследие переводчика и публициста Виктории Владимировны Ванюшкиной (14 октября 1966 — 24 ноября 2013) можно разделить на несколько групп:

1) ее переводы работ Юлиуса Эволы, Рене Генона, Хосе Антонио Примо де Риверы, Мирча Элиале, Алена де Бенуа, Гвидо де Джорджио, Николая Лосского, Жэ Патрика, Леона Дегрелля, Э. Лонго, Жана Робена, Филиппа Паруа, Антонио Мегнетти и др.;

2) собственные авторские статьи, опубликованные в различных изданиях и большей частью размещенные в Интернете¹⁰²;

3) «Живой журнал», который она вела с 2002 по 2013 г. (<http://ritovita.livejournal.com>);

4) многочисленные комментарии к чужим записям и реплики, рассеянные по различным сайтам;

5) рабочие записи 1990-х годов¹⁰³, которые делались несистематически (большая их часть не датирована). Записи содержат выписки из прочитанных Викторией книг античных авторов, Ф. Ницше, Ю. Эволы, Р. Генона, М. Элиаде, А. Д. Нечволодова, К. Н. Леонтьева, И. Л. Солоневича, А. Н. Афанасьева и др., варианты переводов и статей, над которыми она работала, ее собственные размышления и наблюдения. Некоторые из записей в рабочих тетрадях впоследствии были воспроизведены (иногда практически дословно) в 2002–2003 гг. в ее «Живом журнале» и вошли в ее статьи.

Отметим интерес самой Виктории к текстам дневников политиков и публицистов. Это дневник Л. А. Тихомирова 1915–1917 гг., который она читала еще до его выхода в свет — в виде

¹⁰² Максимально полная библиография работ и переводов В. В. Ванюшкиной, подготовленная Александром Репниковым, Романом Маркиным и Андреем Смирновым, доступна в биографических статьях о ней, размещенных в открытом доступе в интернет-энциклопедиях «Традиция» и «Википедия».

¹⁰³ Определим их, как «Ежедневник в красной обложке», «Ежедневник в черной обложке», «Школьная тетрадь» и «Блокнот».

подготовленной к изданию рукописи¹⁰⁴; дневник М. О. Меньшикова¹⁰⁵, дневник графа Галеаццо Чиано и др. С интересом отнеслась она к многотомной публикации дневников М. М. Пришвина, продолжавшейся несколько лет. Ее интерес к дневникам не был случаен. Ведь именно в дневнике фиксируются отклики на события, даются оценки «по горячим следам». С другой стороны, дневник — это еще и место неторопливых размышлений, раздумий, рефлексии и проч. Во всем этом Виктория видела большую ценность дневника, в отличие от воспоминаний и мемуаров.

К записям, которые она делала в своем ЖЖ, Виктория относилась внимательно, понимая, что их читают разные люди, но при этом никогда не подстраивалась под чужое мнение и не ограничивала свободу мысли. ЖЖ стал формой ее саморефлексии, монолога и одновременно диалога с миром. В последний период жизни она несколько раз говорила друзьям о своих первых записях в ЖЖ, которые вела в тот период больше «для себя» и советовала их почитать. Эти первые записи в ее ЖЖ иногда дословно дублируют записи в рабочей тетради начала 1990-х годов. В ЖЖ это были публичные записи, предполагавшие их прочтение читателями и возможное обсуждение. Отметим, что комментариев к ее первым записям почти не было.

Отношение к слову у Виктории было бережное. Это, конечно, еще и профессиональная черта переводчика. Не без гордости она говорила о том, что *не стремится* писать много. Не без иронии комментировала многословие ЖЖистов, откликавшихся записями буквально на каждый чих. ЖЖ Ванюшкиной, пожалуй, был одним из «старейших». Он велся с 2002 по 2013 г., до самой смерти, но записей в нем не столь много. Иные активные пользователи социальных сетей успевают сейчас за день написать тот объем, который Виктория писала за месяц. Но цена текстам этих популярных пользователей — грош в базарный день, а небольшие по объему тексты Виктории хочется пе-

¹⁰⁴ Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / рук. проекта, сост., автор предисл., коммент. и прим. А. В. Репников. М., 2008.

¹⁰⁵ Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX века). Вып. IV. М. О. Меньшиков. Материалы к биографии / публ. М. Б. Поспелова. М., 1993.

речитывать. Над ними хочется размышлять, соглашаться или спорить. Ее тексты — это диалог с человеком, который продолжает быть с нами.

Стиль дневника или небольшой заметки был более органичен ее характеру, чем большие статьи и трактаты¹⁰⁶. Вместе с тем можно обнаружить ряд «стержневых» тем, к которым она неоднократно возвращалась в течение всей жизни. Религиозно-философская тематика, проблемы добра и зла, осознание смысла жизни и проч. Одна из ее статей называлась «Время задавать вопросы». Постоянные вопросы про богов и героев, судьбу и смерть, Россию и мир, миф и повседневность — все это напоминает античные философские школы.

Обращение к такой форме, как ЖЖ, было для Ванюшкиной еще и расширением личного «интеллектуального пространства». Созданием своей территории (мой журнал — мои правила). Не зоны, где «хозяин» навязывает всем свое мнение, или базара, где можно бессмысленно выкрикивать любые бредовые мысли, а именно *своей* территории. Виктория могла выслушать разные мнения, но при этом не подстраивалась под них. Ее ЖЖ содержит большое количество записей бытового характера, размышлений о текущих политических событиях и философских наблюдений о жизни и смерти, религии и Традиции, божественном и мирском. Опубликовать в настоящее время все ее тексты полностью нет возможности, но большая их часть доступна в Интернете.

За свою жизнь Виктория Ванюшкина перевела много текстов, позиционируя себя как переводчик. Во время прощания с ней многие вспоминали именно эту сферу ее жизни и деятельности. Если посмотреть на это с иной стороны, то перевод текста сродни особому действию. Не каждый даже профессиональный переводчик способен правильно перевести и донести до

¹⁰⁶ Отмечу, что многое обсуждалось в беседах Виктории с друзьями, которые могли длиться часами и затрагивать десятки вопросов — от проблем с коммунальными платежами, до вечных религиозно-философских тем. К сожалению, Виктория не особо любила выступать на публике. Одна из ее бесед с Дмитрием Галковским и Сергеем Калугиным, записанная на студии летом 2005 г., есть в открытом доступе в Интернете: <http://www.youtube.com/watch?v=035xf07uTUw>

носителей другого языка *смысл* текстов, не исказив его. Надо вжиться в этот смысл, почувствовать, самому пережить его. Тот факт, что на первое место Виктория ставила переводы текстов Эвола, оказал огромное влияние на ее жизнь и судьбу. Долгие годы она подступала к переводу фундаментальной работы итальянского мыслителя «Восстание против современного мира». Были переведены главы с 1 по 5, 13 и 37. Полный перевод этой книги вышел в 2016 г. В него вошли главы, переведенные Ванюшкиной. Переводы остальных глав выполнили Е. Истомина и О. Молотов¹⁰⁷. Ее труд был подхвачен и завершен другими. На 5-й странице «Восстания» помещена фотография Виктории и сделанное ей посвящение. По прошествии стольких лет возникает вопрос: что (помимо проблем со здоровьем) помещало ей довершить столь фундаментальную работу? Юкио Мисима во «Введении в “Хакгакурэ”» писал: «Наибольшим несчастьем человеку действия представляется ситуация, в которой он не умрет после того, как к его жизни добавлена завершающая точка»¹⁰⁸. Кто знает, возможно, что именно такой точкой и должен был стать перевод «Восстания». Виктория любила жизнь во всей ее полноте, но то, что она видела вокруг в последние годы ее земного существования, не прибавляло ей сил.

Один из откликов на ее уход со стороны *православного* пользователя ЖЖ подводил на примере судеб Генона, Эвола и Ванюшкиной читателя к выводу, что учение традиционализма «плохо совместимо с современной жизнью», и в итоге в *этой* реальности «Ванюшкина просто “сгорела” на 47-м году жизни»¹⁰⁹. Отношение православных читателей, среди которых были священники, публицисты и философы, к творчеству Ванюшкиной

¹⁰⁷ Эвола Ю. Восстание против современного мира. М., 2016. См. также: Репников А. В. [Рецензия:] Эвола Ю. Восстание против современного мира. М.: Прометей, 2016. 476 с. // Завтра. 2017. № 2. С. 7.

¹⁰⁸ Книга самурая: Юдзан Дайдодзи. Будосесинсю. Ямамото Цунэтомо. Хугакурэ. Юкио Мисима. Хагакурэ Ньюмон / пер. Р. В. Котенко, А. А. Мищенко. СПб., 2003. С. 272–273.

¹⁰⁹ <http://artemorte.livejournal.com/183386.html>

еще будет проанализировано в свое время¹¹⁰. Как и ее отношение к *этой* реальности. Пока же предоставим слово ей самой.

Вниманию читателей альманаха «Warha» предлагаются фрагменты рабочих тетрадей и «Живого журнала» Ванюшкиной. Сравнение различных записей поможет тем, кто ее не знал, лучше понять ее мировоззрение и мировосприятие.

В основу систематизации записей положен хронологический принцип. Расшифрованные или вставленные публикатором слоги и недостающие по смыслу слова заключены в квадратные скобки, общепринятые сокращения не раскрываются. В текстах сохранены все оригинальные выделения (зачеркивания, подчеркивания и др.), орфография и пунктуация¹¹¹.

¹¹⁰ Себя Виктория неоднократно позиционировала в ЖЖ как человека, который придерживается *языческого мировоззрения*. Этот вопрос тоже требует отдельного и глубокого анализа, и мы надеемся к нему вернуться в дальнейших публикациях.

¹¹¹ Попытки публикации интернет-текстов и дневниковых записей Виктории начали предприниматься уже в 2014 г. К сожалению, раскрученные «патриотически мыслящие» и «национально настроенные» издания «консервативного направления», много наобещав, в итоге так ничего и не сделали для публикации. Единственная публикация на сегодняшний день вышла в сборнике статей, подготовленном в МПГУ. См.: Репников А. при участии Маркина Р. Особенности публикации источников личного происхождения на примере интеллектуального наследия В. В. Ванюшкиной, посвященного размышлениям о месте России в мире // Ключевские чтения–2014. Россия и Русский мир перед лицом глобальных угроз: мат-лы Всерос. науч. конф. М., 2015. С. 393–403. В силу небольшого тиража «Ключевских чтений» мы сочли возможным перепечатать часть текстов в альманахе «Warha», чтобы ознакомить с ними большее число заинтересованных читателей. В перспективе в издательстве, выпускающем традиционалистскую литературу, планируется подготовить небольшую книгу с текстами Ванюшкиной.

Чел[овеческое] существование как момент познания формы, в противоп[оложность] бесформ[енному] хаосу.

После смерти возвращение в хаос, но сохраняется представление о форме. Возможность творчества.

Вопрос? Может ли человек создать действительно новую форму (мир).

Впрочем, в этом состоянии, он уже не совсем человек
<...>

14 октября 1996 г.

Единственным критерием оценки человека служит его способность к вопрошанию¹¹², умение и желание задавать вопросы.

При этом должно соблюдаться следующее условие: мотивом, заставляющим человека задавать вопрос должно служить не простое любопытство или удовлетворение н[е]з[нания]¹¹³ жажды познания, его вопрос должен затрагиваться экзистенциально, а нахождение ответа становится целью всей его жизни. В этом случае он живет этим вопросом, находя его повсюду, во всем окружающем, так что весь мир превращается в вопрос, а жизнь в ответ на него.

Смерть – изменение экзистенциального статуса. Страх перед смертью? Страх перед переменой?

Жизнь как форма инициации. Смерть – переход на иную ступень. Рождение – обретение опред[еленной] формы, смерть – потеря этой формы.

Форма = образ = очертание = границы, пределы



порядок?

¹¹² Явно хайдеггеровское понятие: fragen — спрашивать, задавать вопрос(ы), осведомляться; befragen — спрашивать (кого-л. о ком-л., чем-л.); fragwürdigkeit — сомнительность, вопросительность. При переводе все это обычно обозначается «вопрошать». См.: «Хайдеггер: Вопрошать, как я уже говорил, это прокладывать путь, создавать его» // Интервью М. Хайдеггера в журнале «Экспресс» // L'Express. 1969. 20–26 oct. P. 79–85.

¹¹³ «Поз...» зачеркнуто.

Смерть – погружение в хаос?



беспорядок, безграничность, беспредельность¹¹⁴

[1995 / начало 1996 г.]¹¹⁵

Трагедия

Власть теряет свою силу и, соотв[етственно], право, когда изменяет тем основам, на которых она некогда укоренилась.

Способность к компромиссу в конеч[ном] счете ~~всегда~~¹¹⁶ неизбежно приводит к потере власти.

Победа достается лишь бескомпромиссным людям.

Трагедия вождя состоит в том, что его внутрен[няя] установка на уровень выше тех, кто идет за ним.

Образ¹¹⁷

Соответствие своей форме сегодня называют конформизмом, между тем дословный перевод дает слово сообразность, т.е. совершенно иное звучание и ощущение.

Обретение своей формы возможно предполагает именно определение своих границ (поскольку для дальнейшего развития необходимо познание собствен[ной] ограниченности).

«Я знаю то, чего не знаю»¹¹⁸. Обычное толкование этих слов, выпускает то, что при этом он нарисовал на земле.....¹¹⁹, т.е. по сути смысл в том, что расширение границ познания одновр[еменно] расширяет и область неведомого.

¹¹⁴ Так в тексте. Неполное подчеркивание слов: беспорядок, безграничность, беспредельность имеет смысловую нагрузку.

¹¹⁵ Запись не датирована. Датируется по смысловому совпадению с опубликованными статьями. См.: Ванюшкина В. В. Время задавать вопросы // Нация: журнал русских новых правых. 1995. № 1. С. 36.

¹¹⁶ «Всегда» зачеркнуто.

¹¹⁷ Подчеркнуто двумя чертами.

¹¹⁸ Так в тексте. Крылатое выражение «Я знаю, что ничего не знаю» — Scio me nihil scire (лат.)

¹¹⁹ Пропуск в тексте.

Должно ли оставаться что-то неведомое. Судя по всему, для человека это обязат[ельное] условие.

Т.е. привычное деление
на сакральное и профаническ[ое] упорядочение

Таким образом, ~~мы им~~[еем]¹²⁰ это два различных (противопол[ожных] друг друг[у]) способа восприятия мира.

Равным образом различ[ное] место отводит эта система и человеку.

Историч[еское] = научное (свидетельств[о] – опыт)
большинство

(принцип кол[ичес]тва)
Знак (опознов[ание?] предмета)¹²¹

↑

ритуал¹²² (обряд) форма символич[еского] действия, выражающая связь субъекта с системой соц[иальных] отношений и ценностей и лишенное к[акого]-л[ибо] утилитарного значения.

в мифологич[еском] понимании

форма символа = смыслу

передел[?] матер[иального] и духовного

Eliade «Aspects du mythe»¹²³

(предание, сказание)

Миф – повествование о ~~бог~~[ах]¹²⁴ деяниях богов и героев (т.е. полубогов, имеющих смеш[ение] получил[овеческое] + полубож[ественное] рождение).

История – летопись дел человеческих (ранее историей называли описание действий, современных автору событий и лишь затем она превратилась в собрание более или менее достоверной информации, основанной на письменных источниках).

Преувеличение значения письменности.

¹²⁰ «Мы им...» зачеркнуто.

¹²¹ Абзац отчеркнут вертикальной чертой справа.

¹²² Здесь и далее в начале предложений стоят строчные буквы.

¹²³ Элиаде М. «Аспекты мифа».

¹²⁴ Слово «бог...» зачеркнуто.

Миф



Свящ[енное] (сакр[альное])
опред[еленное] место,
где расположен источник
Божеств[енного]
и есть непосред[ственно]
соприкосновение с сверхмифом

История



Профанич[еское]
← то, что расположено
за пределами этой сферы

О предельном см. образ + плоская земля и с листка [?]

Миф как неотъемлемая часть сакральн[ого] пр[остранст]ва; у Сергея¹²⁵, создатели мифа осознают его необход[имость], неистинность и пост[оянно] помнят об этом.

За пределами мифа сфера неведомого.

В совр[еменном] мире переворачив[ается] то, где мы живем чисто профанич[еское] пр[остранст]во, все метафизич[еское] вытесняется из мира.

История – чисто профан[ическая] наука.

Описание настоящего.

Описание прошлого на основе задокументированных свидетельств.

Человек как луковица. То, что им движет, в конеч[ном] счете, неизвестно.

+

Человек как сред[ст]во (чего?). Аналогия – инструменты, создаваемые человеком для познания мира.

Миф¹²⁶. Восприятие мира через миф – явл[яется] творческим актом, в отличие от историч[еского] познания.

¹²⁵ Имеется в виду книга Сергея Жигалкина «Метафизика вечного возвращения» (М., 1996), оказавшая сильное впечатление на Викторину (<http://ritovita.livejournal.com/234643.html?thread=1087123>).

¹²⁶ Слово «миф» зачеркнуто.

Созданием мифа устанавлив[ается] прямой контакт со сверхмифом.

Вероятно, история возникает в тот момент, когда на первое место начинают ставить человека. <...>

Сила мифа и возм[ожность] продвижения глубже.

Различие направлений плоскость, вертикаль и глубина.



Можно связать с формой земли

+ к плоск[ой] земле.

Раньше человек, выходя из дому, был твердо уверен, что в опред[еленный] момент он достигнет края земли, где ему откроется совершенно иной, неведомый мир. И соприкосновения (столкновения) подобного рода действительно происходили (аналогия с фант[астической] лит[ерату]рой, другие измерения и аномальными зонами).

Теперь нас отправили в космос (пока еще не достиж[имый] для нас), да плюс еще его никак не ограничи¹²⁷.

Дети (каждый день узнавание заново). Отсутствие точной идентификации.

Звезды – не терпят пристального взгляда.

Создание мифа, равноценно созданию собственного смысла Бытия, причины и цели. Наделение смыслом окружающего мира и самого человека.

Термин «история» ионийского происхожден[ия]. (Иония – населенная реками область Малой Азии). Изначальное значе-

¹²⁷ Ср.: «А нас бедолаг сначала загнали в космос, а потом еще и заявили, что он бесконечен. Ищи, свищи “запредельное” в бесконечности... Одним словом, беспредел» (Ванюшкина В. В. Красное и коричневое // Штурмовик. 1996. № 17. С. 8).

ние – «исследование». Проза поначалу называлась «логос» (слово, рассказ). Противоположность – поэзии и мифу. Содержание логоса – нечто реально существ[овавшее], или происходившее.

Рационалистическая обработка мифологического материала.

Первые историки (происхожд[ение] – всадническое словие); греки – Геродот (отец истории). Тем не менее, первые историки твердо верят в Бож[ественную] силу, управляющую миром. И в ведущую роль личности в истории; т.е. возможность влиять на ход истории признается лишь за немногими¹²⁸.

Передача событий без критики.

«Что до меня, то мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан» «История» (кн. VII, 152).

Фукидид – разбор и анализ сведений, поиск свидетелей. Ксенофонт (греческая история). <...>

Миф (*ερ.* – слово, речь, рассказ [предание, сказание]) отвечает на вопрос почему? и как?

(обряд – аристократия).

Различие между мифом (преданием) и сказкой (народ).

Корнелий Тацит

«Правду начали всячески искажать – сперва по неведению государственных дел, которые люди начали считать себе посторонними, потом – из желания польстить правителям, или, напротив, из ненависти к ним».

Цель – воспитание на положит[ельных] и отриц[ательных] примерах.

Гай Светоний Транквилл (Божественность императорской власти не подлежит сомнению, поэтому воля императора явл[яется] главной действующей силой в судьбе гос[ударст]ва).

¹²⁸ Обязательное наличие «случая», не поддающегося рациональному расчету (прим. Ванюшкиной).

У наиболее отсталых народов нет космогонических мифов¹²⁹.

МИФ

Миф дает ответ на вопрос «почему?» (объясняет причину).

Время в мифе отлич[ается] от обычного вр[емени].

Связь мифа с обрядом, обоснован[ие] обряда; эти мифы носят особый тайный характер.

Сегодня наступило время великих испытаний для каждого на своем месте. Это борьба, более сложная даже, чем испытание войной, т.к. отсутствует атмосфера героизма.

Если мы действит[ельно] сами выбираем свою судьбу, то мы сознательно выбрали это страшное время великих испытаний, время последнего человека.

Герой отправляется в хаос, приобщает его к пространству, или выносит оттуда нечто ценное.

Я все больше склоняюсь к тому, чтобы отождествить хаос с метафизикой. В хаосе нет пространства.

Реально то, что грозит смертью. Парадокс? Наиболь[шая] реальность возникает на стыке бытия и небытия.

Исторический подход: событие, как таковое (некая вещь в себе), объективность, но чистой объективности не бывает.

История начинается с того, когда живое событие лишают жизни, насильственно вычленив его.

Дуализм истории?

В противоп[оложность] истории, миф органичен; цельность мировоззрения, мироощущения. <...>

¹²⁹ Ванюшкина В. В. «Ежедневник в черной обложке».

Звезды умирают, а свет их мы видим; может и наши души после смерти превращаются в свет.

Понимание древних мифов затрудняется незнанием тех метафор, кот[орые] использовали их создатели.

Так, у Афанасьева пример загадки: «Сивая кобыла по полю ходила, к нам пришла – по рукам пошла»¹³⁰. Ответ – сито, потому что сито изготавливали из конского волоса и т.д. <...>

История появл[яется] лишь с возникн[овением] линейного представл[ения] о времени.

Различие между историей и мифом сравнимо с физикой и метафизикой; если первые по преимущ[еству] описывают процесс, отвечают на вопрос «как»; то вторые дают ответ на вопрос «почему» на уровне первопричин.

Событие становится историч[еским], лишь когда уйдет в прошлое.

Время и простр[анство] действия мифа – «здесь и теперь».

Иллюзорен не мир, иллюзорно наше представление о нем.

У Отца не один сын; у мира не одна грань. Мир многогра-
нен¹³¹.

¹³⁰ См.: Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово. М., 1988. С. 59. У В. И. Даля дается несколько шире: «Сивая кобыла по торгу (по полю, по огороду) ходила, по дворам бродила, к нам пришла, по рукам пошла (сито)» (Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. 2-е изд. Т. 2. СПб.; М., 1879. С. 110).

¹³¹ Предложение «Мир многогранен» зачеркнуто.

Познание по сути дела есть привыкание, снятие вопроса (тайны, загадки); подгонка под себя.

Мир – круглый для человек[еского] глаза, смотр[ящего] из космоса, но для пчелы или для ...¹³² он имеет другую форму¹³³.

Истина круглой земли истинна только для человек[еского] глаза (зрения).

Мир – тело Бога, люди – мысль [мысли?] Его¹³⁴.

Важно не просто что говорят, но пр[ежде] всего, кто говорит.

Вот что мне надо сделать – сформулировать вопросы. Для этого можно попробовать взять их у Ницше.

В частности проблему мышления (в ее связи с памятью) – старая тема ведь.

¹³² Пропуск в тексте.

¹³³ Ср.: «Когда человек жил на плоской земле, ему было достаточно отправиться в любом направлении для того, чтобы достигнуть “края света”. Встреча с запредельным зависела лишь от упорства путешественника. И не имело существенного значения, какую форму имеет земля в действительности (наше физическое восприятие всегда будет субъективно, поскольку наши органы чувств ограничены, а те инструменты, которые мы создаем, лишь усиливают наши естественные возможности, но не открывают новых), важно было то, что он знал, что в любой момент он может оказаться в “запредельном”. Насколько же изменила это положение смена концепций земного устройства!» (Ванюшкина В. В. «Красное и коричневое». С. 8).

¹³⁴ Ср.: создание мира Богами (æsir) из тела великана Имира (Ymir, Aurgelmir) в скандинавском предании. При общем неприятии индуизма, в противоположность ведической вере, Виктория воспроизводит одно из основополагающих индуистских понятий о мире как теле Брахмы.

А что, если Бог это как раз то, что мы привыкли называть «слепым случаем». Например, возьмем древнюю систему поединков, когда считалось, что Бог на стороне победителя.

Или выбор цезаря у римлян.

И разве не напоминает этот «случай» – чудо.

Случайность и чудо почти синонимы. Случайно (чудом) спасся. Т.е. ненамеренно, по чужой воле.

Возвращение к традиционной системе ценностей, значит обесценить весь опыт, накопленный т.н. «современным миром»¹³⁵.

Из «Живого журнала» Виктории Ванюшкиной

*2002 год*¹³⁶

6 февраля

«В Ригведу надо вслушиваться, а не всматриваться. В Ригведе не созерцают, но действуют; основное в ней не образ (любой, читавший Ригведу согласится, что она крайне скудна образами), а звук, все в ней звучит и действует: это звук и действие чудесной, волшебной, божественной силы – майи...» (из моей статьи, которую уже с год не могу дописать)¹³⁷.

На заметку феминисткам

«Если мы обнаруживаем у самцов преувеличенное развитие пестрых перьев, причудливых форм и т.п., то можно сразу

¹³⁵ Ванюшкина В. В. «Ежедневник в красной обложке».

¹³⁶ Далее приводятся записи из «Живого журнала» Ванюшкиной: <http://ritovita.livejournal.com/2002/02/06/> и далее по годам.

¹³⁷ Статья не была дописана.

же заподозрить, что самцы уже не сражаются, а последнее слово в супружеском выборе принадлежит самке...». (Конрад Лоренц «Агрессия»)¹³⁸.

А результаты самые плачевные: «...эволюция фазана-аргуса зашла в тупик, и проявляется он в том, что самцы соперничают друг с другом в отношении величины крыльев. Иными словами, животные этого вида никогда не найдут разумного решения и не “договорятся” отказаться впредь от этой бессмыслицы»¹³⁹.

9 февраля

Как-то в пионерском лагере наш отряд за «нарушение дисциплины» заставили после общей линейки маршировать по кругу. Где-то на втором круге мне вдруг пришла мысль... или скорее даже ощущение того, что я делаю что-то глубоко неверное и противоречащее моей природе. Выйдя из строя, тем же маршевым шагом отправляюсь к своей палате. Вслед крики: «Куда, вернись в строй». Но я, как стойкий оловянный солдатик, продолжаю свой путь... Это первое осознание правила «делай то, что считаешь должным и пусть будет, что будет»¹⁴⁰. Конечно, меня наказали, но что бы стоил этот поступок, если бы мне просто спустили его с рук. Хотя вру, важнее был сам порыв, как таковой, а его результаты не имели никакого значения. Поступки подобного рода случалось совершать и раньше, но в тот раз пришло и его осознание. Вот эта искорка во мне остается и по сей день. Соппротивление среды уже не важно, важен вкус того поступка.

¹³⁸ Полностью цитата выглядит так: «Если мы обнаруживаем у самцов преувеличенное развитие пестрых перьев, причудливых форм и т.п., то можно сразу же заподозрить, что самцы уже не сражаются, а последнее слово в супружеском выборе принадлежит самке и у кандидата в супруги нет ни малейшей возможности “обжаловать” приговор» // Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). СПб., 2001. С. 589.

¹³⁹ Там же. С. 59.

¹⁴⁰ Считается французской поговоркой: *Fais ce que tu dois, et advienne qui pourra*. Встречается у Л. Н. Толстого и часто приписывается ему (Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 ст. / авт.-сост. В. Серов. М., 2004.), как, впрочем, и Марку Аврелию, у которого не встречается.

В детстве на «загадай три желания» ответилось бы без раздумий. Сегодня... страшно отвечать. Страшно, ибо знаешь, что любой твой поступок влечет за собой череду последствий, нередко совершенно тобою непредусмотренных и нежелательных. Но что делать, когда золотая рыбка всплывает и ждет ответа? Точнее, уже не ждет, а требует...

14 февраля

История и миф различаются как физика и метафизика; первые описывают «как», вторые – «почему», указывают на первопричину.

В принципе любой вопрос, развитый ретроспективно, приводит нас к вопросу о первопричине.

Проблему мифа и истории можно рассматривать и как противоположность восприятия-познания. Мы не можем познать метафизическое (если под последним понимать принципиально непознаваемое), но можем воспринять его. «Чую, а объяснить не могу».

Поэтому язык мифа – метафоричен и символичен, ибо как можно изречь принципиальное неизречимое¹⁴¹.

История начинается с того, что живое (длящееся, становящееся) событие лишают жизни, дробя, расчленяют на части... умаляют становление до бытия...

К определению реальности

Реально то, что грозит смертью. Максимум реальности возникает на стыке бытия и небытия.

Почему я как правило воздерживаюсь от критики христианства?

¹⁴¹ У Рене Генона это неразглашаемость тайны.

Потому что о мертвых или хорошо, или никак...

С другой стороны

Дюкло говорил о Вольтере и Даламбре: «Они, в конце концов, добьются того, что я стану ходить к мессе» (см. *Стендаль* «Прогулки по Риму», стр. 157).

Нынешние «вольтеры» нередко заставляют меня защищать христианство.

Из современного языка исчезли многие древние слова, так по древнерусски миф = кощун¹⁴². Но ведь есть магия звука. Может поэтому мы перестали понимать мифы?..

Мы называем хаотичными и разрушительными те силы, с которыми не в состоянии совладать.

А в целом, я, видимо, лже-юзер. Но периодически меня охватывает отвращение ко всякому роду общению, даже с собой и через Сеть...

Особенно, когда по Сети пробежишься, чтобы понять о чем народ «думает».

4 марта

Современный спорт наглядно иллюстрирует весь путь нынешней цивилизации.

Во-первых, спортсменами в открытую торгуют. Ни у кого не вызывает даже тени смущения фраза типа «такого-то купил такой-то клуб». Все в порядке вещей. Но ведь это – рабство. Да добровольное, да высокооплачиваемое (впрочем, и в древности за хорошего, к примеру, повара тоже платили много) – но рабство. Это и характерный пример переворачивания (инверсии) традиционных ценностей. Ведь раньше спортивные состязания

¹⁴² Так в тексте. Кошуна — вид устного творчества волхвов.

существовали для свободных людей, в них принимали участие даже философы...

Во-вторых, гонка за рекордами, столь же бессмысленная как и «постоянный экономический рост». Очевидно, что предел у человеческого тела есть. Ну, положим, кто-то сможет (естественно, за счет допинга) пробежать стометровку за столько-то минут, но дальше все... Так и нынешняя цивилизация...

И самое противное, что даже слова о том, что спорт сегодня это, прежде всего, бизнес (недавно по радио какой-то хрен заявил приблизительно следующее – «мы проиграли Олимпиаду, потому что у нас нет хорошей команды юристов» – sic!) звучат как нечто само собой разумеющееся.

«Сильное землетрясение в Кабуле: пять человек погибли, 20 ранены. По крайней мере пять человек погибли и 20 получили ранения в результате сильного землетрясения в столице Афганистана – Кабуле, сообщает Reuters. По предварительным данным, в результате длившегося 90 секунд землетрясения разрушены 30 домов».

Для древних это событие дало бы повод задуматься...

К слову сказать, для меня в последнее время сводки погоды звучат куда как более интригующе, чем сведения о политических событиях.

Странное выражение «надо думать, что...».

5 марта

Нда, вроде не дурак Шпенглер, но надо же было такое ляпнуть: «Из этой трагической ситуации... проистекала насильственная концепция Ницше о Вечном Возвращении, в которое он никогда по совести не верил, но за которое все же крепко держался, дабы спасти в себе чувство некой миссии»¹⁴³.

¹⁴³ Полностью цитата выглядит так: «Из этой трагической ситуации — вывернутого наизнанку гамлетовского мотива — проистекла насильственная концепция Ницше о Вечном Возвращении, в которое он никогда по совести не

Сравните у Хайдеггера: «Вопреки неясности и разнообразным затруднениям в отношении учения Ницше о вечном возвращении, должно высказать в форме предварительного утверждения: учение о вечном возвращении равного лежит в основе всей философии Ницше. Без этого учения как основы вся его философия напоминает дерево без корня»¹⁴⁴.

Все больше в последнее время замечаю, что реальное противостояние революционеров-реакционеров разворачивается сегодня не по линии географии (Запад-Восток), модной ныне геополитики (Суша-Море) или даже биологии (раса), но в противопоставлении город-деревня.

К предыдущему.

А вот и подтверждение: «Крестьянин не есть демократ — ибо и это понятие принадлежит к механическому и городскому существованию... После исчезновения старых сословий, дворянства и духовенства, он оказывается единственным органическим человеком, пережитком былой культуры». (Освальд Шпенглер «Закат Европы»)¹⁴⁵.

верил, но за которое все же крепко держался, дабы спасти в себе чувство некой миссии» (Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М., 1993. С. 553).

¹⁴⁴ Цитируется текст Хайдеггера в переводе Сергея Жигалкина (Хайдеггер М. Главы из книги «Метафизическая концепция Ницше и ее роль в европейском мышлении. Вечное возвращение равного (Лекции 1923–1944 годов)»). В переводе А. П. Шурбелева этот текст звучит так: «Учитывая всяческую неясность и смущение, вызываемое учением о вечном возвращении, нужно сразу же (причем поначалу лишь в форме утверждения) сказать: учение о вечном возвращении того же самого — это основное учение в философии Ницше. Без этого учения как основы, его философия становится похожей на дерево без корней» (Хайдеггер М. Ницше. СПб., 2006. Т. 1. С. 223).

¹⁴⁵ Полностью цитата выглядит так (выделения слов курсивом авторские): «Крестьянин *не* есть демократ — ибо и это понятие принадлежит к механическому и городскому существованию, — следовательно, его не замечают, высмеивают, презирают, ненавидят. После исчезновения старых сословий, дворянства и духовенства, он оказывается единственным *органическим* человеком, пережитком былой культуры. Ему нет места ни в стоическом, ни в социа-

Некоторые страдают от излишней начитанности. Один мой знакомый не мог ничего написать, потому что ему казалось, что всякая его мысль не «его». Но могут ли мысли иметь некий временной приоритет, другими словами, можно ли мысль «запатентовать». Даже история научных изобретений знает случаи параллельных по времени открытий. И что из того? Почему, если эта мысль на час, на год, на столетие ранее пришла в голову кому-то другому, то она уже не «твоя».

Кстати, характерно и само выражение – мысль «пришла». То есть мы уже заранее предполагаем, что есть некое место, вне нас, откуда мысли приходят...¹⁴⁶.

12 марта

Двойное впечатление от «Десяти меченосцев»¹⁴⁷. В целом это, конечно, уже период упадка воинских ценностей. Но местами очень даже радостно. Например: «По-моему, иллюзия – это истина, равно как просветление – реальность. Будь иллюзии бесплотны, мир не существовал бы... Самурай, который дрожит при мысли о непостоянстве или презирает мир, не способен до конца исполнить свой долг...».

Или это: «Что означает круг? – Задумался Мусаси. – Линия без начала и конца, замкнутая и совершенная. Если расширить ее до бесконечности, получится вселенная. Если сжать, то она обратится в крохотное зернышко, в котором заключена его душа. Душа – круг. Вселенная – круг. Значит его душа и вселенная – единое целое».

листическом мышлении» (Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. С. 540).

¹⁴⁶ В отношении Ванюшкиной к собственному интеллектуальному творчеству преобладало не желание «запатентовать» ту или иную мысль, а стремление донести ее до масс, даже если в итоге мысль и станет анонимной, утратив авторство.

¹⁴⁷ См.: Есикава Эйдж. Десять меченосцев. М., 2001. Отметим интерес Ванюшкиной к японской литературе. Помимо Есикавы Эйджи она читала и других авторов; высоко оценивала книги Юкио Мисимы.

На самом деле, терпеть не могу говорить о том, что мне действительно важно... Но иногда прорывает. Как-то, уже довольно давно умудрилась так рассказать знакомым «Кошмар на улице Вязов»¹⁴⁸ (любимые – 1-ая, 2-ая и 4-ая серии), что они всю ночь от ужаса не спали... Самое смешное, что позднее, при просмотре фильма им было ничуть не страшно... Все правильно, многие вещи надо уметь увидеть...

А на днях выступила на тему «вечное возвращение»... Реакция была совершенно аналогичной – ужас...

P.S. Ужас в моем понимании – положительная категория.

Ненавижу, когда иностранные слова пишут по-русски. Например, «ресентимент». Бред. Полное неуважение к французскому звучанию. А звучание важно, очень важно. Отчасти это конечно «комплекс переводчика». Сидишь, маешься, как перевести, а потом вдруг встречаешь галиматью, написанную якобы на русском, например «эвапоризация фундамента».

А для *ressentiment* лучший перевод – злопахательство (в словаре почему-то этого варианта нет).

31 декабря

Предел падения

У меня очень сложные отношения с поэзией, и уж, конечно, выдать публично что-либо в этом роде, я никогда бы не решилась, но «ай эм сорри, ай эм рашн», что в переводе приблизительно означает «когда я пьян(-а), просьба не удивляться».

Звучаньем молний взламывается лед
Где колесо томилось без вращения
Вскипевших рек водоворот
Дает начало новому движенью.

¹⁴⁸ У Ванюшкиной было собственное понимание фильма, согласно которому, героев «подавливали» (а затем карали) на том, в чем они были наиболее уязвимы и податливы: властолюбие, обжорство, сладострастие и проч.

Та молния, что в чреве колеса
Оборотившись осью
Воспламеняет огненосный жар
Своим круговращеньем.

Исполнившись желаньем пустота
Тому врага рождает,
Чей холодно-стылый взор
Коров лишает молока, их чуда претворенья.

Взрастает яростный убийца для того,
Кто загасить желает
В утробе их ту силу волшебства
Что есть источник вечных превращений¹⁴⁹.

2003 год

14 мая

О-хо! Еще раз спасибо strelitz¹⁵⁰. Сижу, читаю либретто, и в голове сразу музыка начинает звучать.

А я тут как раз на днях раздумывала об одном странном феномене, наметившемся в последние годы. Когда слушаешь, условно говоря, современную музыку, люди не особо реагируют, но если в наушниках звучит что-нибудь типа «Волшебной флейты» или Вивальди, начинают посматривать с неким подозрением.

Ха, теперь я себе еще и слова буду напевать. Точно в психушку сдадут :).

1 июня

«Цели и задачи десакрализации» :)

Смотри-ка, в кои веки мне понравилось, что Дугин написал¹⁵¹. Особенно это: «Годами (десятилетиями) я размышляю о

¹⁴⁹ При всей ироничности записи, предваряющей стихотворение, нужно отметить, что этот поэтический текст долго обдумывался Викторией, прежде, чем был представлен в ее ЖЖ. Наброски стихотворения с рисунками на нескольких листах содержит «Ежедневник в черной обложке».

¹⁵⁰ Пользователь ЖЖ. В настоящее время этот ЖЖ удален.

причине десакрализации, о ее целях и задачах. Меня тревожит тайная сторона процесса, та, другая сторона. Если сакральное уходит, Бог умирает, значит, у сакрального и Бога есть определенный замысел на этот счет. Понятно – когда жизнь покидает пространство, появляется железная дорога или фабричная труба. Но что же сама жизнь? Ее превосходство над схемой в том и состоит, что она первична. Она не на одном уровне со смертью, она, в конце концов, и выплескивает из себя смерть, играет с ней... Значит, в уходе, удалении, сокрытии есть особый смысл. 20 лет назад в ходе таких раздумий я пришел к интуиции о радикальном субъекте. Вот что это за интуиция. Сакральное уходит из мира для того, чтобы обнаружить свое неочевидное, тайное зерно, еще более сакральное, нежели само сакральное. Кажется, именно это имел в виду Ницше в теории сверхчеловека. “Бог умирает”, открывается ничто. Но, по Ницше, сверхчеловек есть “победитель ничто”. Радикальный – тот, кто остается сакральным в атмосфере абсолютной смерти, тот, кто высится посреди развалин, “душа, стоящая и не падающая” – *anima stante et non cadente*».

Правда, обязательность целеполагания меня основательно смущает. Здесь мы странным образом как бы ограничиваем Бога, навязывая Ему обязательность замысла, цели...

Кроме того, есть у меня такая потаенная мысль, что мы сами выбираем время и место нашего земного пребывания¹⁵². В этом случае выбор «десакрализованного» места-времени, скорее можно считать неким самоиспытанием на силу «сакрального» в себе.

Поэтому с этим: «Пламя радикального субъекта пробуждается не огнем, но холодом, не буйством жизни и роскошью сакрального, но горечью ссылки и сыростью тюремных стен»¹⁵³ я не могу до конца согласиться. Это «пламя», коли оно есть,

¹⁵¹ Приводится ссылка на статью А. Г. Дугина «Ибо ум! (Интуиция о радикальном субъекте)», расположенную на сайте «Арктогея».

¹⁵² См. приведенную выше запись Ванюшкиной: «Если мы действит[ельно] сами выбираем свою судьбу, то мы сознательно выбрали это страшное время великих испытаний, время последнего человека».

¹⁵³ Из цитируемой выше статьи А. Г. Дугина.

должно пробуждаться везде — и в огне, и в холоде, и в роскоши, и в сырости.

Что до самой десакрализации, то мне ситуация мыслится приблизительно следующим образом. С одной стороны, разделение Неба и Земли является космогоническим подвигом (достаточно упомянуть того же Индру). С другой стороны, брак (=слияние) Неба с Землей столь же обязательный момент космогонии (особенно четко выраженный, например, в египетской мифологии). Можно предположить, что в некий момент возникает необходимость в повторном оплодотворении Земли, в новом смешении Неба и Земли, каковое мы и принимаем за «вторжение сил хаоса», за «десакрализацию».

Как там у Головина¹⁵⁴ было про кадуцей, разделяющий змей, слившихся в схватке?¹⁵⁵ Ну, а если они вовсе и не боролись, а, простите, совокуплялись?

Получается, что разделение необходимо для того, чтобы у Земли было время выносить и родить дитя («мир»). Но дети имеют привычку вырастать, стариться и умирать. Следовательно, хаос и десакрализация необходимы для нового зачатия...

¹⁵⁴ Головин Евгений Всеволодович (1938–2010) — филолог, культуролог, исследователь традиционализма, поэт. Главный редактор журнала «Splendor Solis» (вышло два номера). Автор книг «Приближение к Снежной Королеве» (М., 2003); «Веселая наука. Протоколы совещаний» (М., 2006); «Сумрачный Каприз. Песни» (М., 2008); «Серебряная рапсодия. Впечатления о русской поэзии начала XX века» (М., 2008); «Мифомания» (СПб., 2010); «Там: эссе» (СПб., 2011); «Парагон» (М., 2013); «Где сталкиваются миражи. Европейская литература: Очерки и эссе 1960–1980-х годов» (М., 2014); «Сентиментальное бешенство рок-н-ролла» (М., 2017) и др. Подробнее см.: Где нет параллелей и нет полюсов: памяти Евгения Головина / сост. Е. Е. Головина. М., 2015.

¹⁵⁵ Речь идет о фрагменте из статьи «Жан Рей: поиск черной метафоры» Е. В. Головина. «Греческий поэт Каллимах поведал такую историю: однажды Аполлон заметил двух змей, истощающих силы в непрерывной, уродливой борьбе. Вырванные при этом куски мяса превращались в аналогичных змей и они тут же принимались за аналогичное занятие. Аполлон поразился убогой жизни земных тварей и бросил золотой жезл: змеи обвилились вокруг жезла — так родился феникс. Один из вариантов мифа о кадуцее Гермеса. Миф до крайности многозначен. Две змеи: мужчина и женщина, мужское и женское начало в человеке, душа и тело, человек и его окружение и т. п. Вывод Каллимаха: “солнечный бог обратил призраков в светлую явь” (“Четвертый гимн Аполлону”))» // Головин Е. В. Приближение к Снежной Королеве. С. 415.

2 июня

Идиот

На самом деле я здесь долго не писала, потому как занималась обустройством на новом месте. Я временно переехала. Батя с мамкой и с младшими детьми свалили в деревню, а мне поручили присматривать за старшими. Что, крайне смешно. В присмотре, пожалуй, больше нуждаюсь я, нежели они. Но телевизор здесь имеется и «Идиота»¹⁵⁶ я естественно решила посмотреть. Впечатления следующие: это не кино, а театральная постановка. Режиссер просто никакой. Ужасная жестикуляция и интонация почти у всех. Сравнительно удачны отдельные актеры, но в целом зрелище скорее удручающее.

Остановимся только на одном моменте, на жестикуляции. Два эпизода. Первый – матушка Аглаи (оп, забыла, как ее зовут) произносит фразу: «Он же решил, что деньги у него уже в кармане» (цитата, понятно, приблизительная), и (о ужас!) хлопает себя по боку, как бы по карману брюк. Но для барыни того времени, никогда брюк не носившей, такой жест совершенно противостественен, не говоря уже о том, что и особи мужского пола тогда деньги носили не в карманах штанов.

Второй эпизод – Коля Иволгин провожает князя на вокзал. Князь сам (!) несет свой саквояж. Вспомните характер Коли, он несомненно отобрал бы его у Мышкина.

Короче, все много, не по делу и совершенно «театрально» (в худшем смысле этого слова) размахивают руками, а передавать характер интонацией и выражением лица мало кому удается.

9 июня

Стена

Это не мысль, а образ, поэтому прошу не винить за несвязность в изложении (*).

Уже с давних пор я основательно укрепилась во мнении (ага, уже не самое удачное слово), что на самом деле всяческие

¹⁵⁶ Речь идет о новой экранизации романа Ф. М. Достоевского, показанной по телевидению в 2003 г. (режиссер В. Бортко). Отметим в этой связи огромный интерес Ванюшкиной к творчеству Ф. М. Достоевского (в ее библиотеке были и дореволюционные издания книг писателя).

деления между внешним и внутренним, физикой и метафизикой суть вещь сугубо надуманная. Тем не менее, почти всем нам сегодня приходится именно от этого различия и плясать. Отсюда, основным вопросом постоянно остается возникновение этой стенки.

Нам уже стало привычным делить людей на «вертикальных» и «горизонтальных», меж тем, цельный человек должен включать в себя оба этих измерения (ну я, прямо Генон какой-то с его «Символизмом креста»¹⁵⁷, который, впрочем, каюсь, пока не прочла). И, как мне кажется, кризис (и на самом деле вовсе даже не «современного мира», а самого, что не есть «традиционного») начался именно в тот момент, когда основное внимание стало уделяться «вертикали». Но уходили вверх (в «мир горний») не просто так, а каждый оставлял за собой кирпичик (чтобы от «мира» отгородиться), в результате чего и возникла стена, об которую нам и приходится поначалу долбиться, пока не поймем, что ее просто нет...

Самое же смешное в этой ситуации то, что в результате, «по ту сторону» стены ничуть не лучше, чем по эту...

(*) Хотя, в образе то и хорошо, что он – «**несвязан**».

«...чем более человек склонен ко внутренней рефлексии, тем он может быть менее подвержен инстинктивным ПРЕДрассудкам».

Забавная фраза, забыла уже у кого вычитала (имя не сохранила). Тем не менее, я считаю прямо наоборот. Чем более занимаешься самонаблюдением и самосмыслением, тем больше внимания и доверия уделяешь именно **пред**рассудочному, «инстинкту».

15 июня

«Книга жизни и практика умирания»

Н-да, насколько недоступным мне остается христианское понятие греха, столь же сложно воспринять мне и буддийское страдание. Пусть даже под этим подразумевается неведение.

¹⁵⁷ Генон Р. Символика креста / пер. Т. М. Фадеева, Ю. Н. Стефанов. М., 2008.

Зато вот это мне очень близко: «умение ставить вопрос в загадке... есть знак – свидетельство понимания сути ситуации и умения операционно представить искомое именно как проблеме... Суть решения этой проблемы состоит не только и не столько в отгадке загадываемого объекта... сколько в обучении самому “языку” загадки, его правилам... способу пользования им и умению обнаруживать высшие смыслы этим “языком” разыгрываемые... Вот это именно и превращает слово отгадки в дело, а всю процедуру в подлинное творчество, вновь и вновь организуя мир и, следовательно, причастное к “первому” творению Космоса... Познание “языка” загадки и овладение способами его использования... позволяют выйти за пределы “языка” – овладеть логикой мира и, более того, самим миром». (В.Н. Торопов «К реконструкции “загадочного” прототекста»)¹⁵⁸.

Наверно, даже излишне говорить, что «Перезагрузка»¹⁵⁹ мне не понравилась... Самое же удручающее в этом фильме, когда пытаешься представить, какой мир построили бы эти борцы с Системой, освободись они от Матрицы.

16 июня

Личное()*

Кстати, *indefinite* это не неопределенное, а беспредельность, безграничность.

Тут совсем не все так однозначно... я специально смотрел тексты из аналитической геометрии (к которой относятся многие геометрические представления и термины РГ)... так вот, в частности, слово «беспредельность» (напоминает, как и «безграничность», «бесконечность» – вас это не смущает?) там вообще не употребляется – вместо него «неопределенность» (*indefinit'e*), «неопределенное» в очень похожих контекстах. Единственно, встречается слово «беспредельно» (*indefiniment*) – но только в контексте типа «беспредельно убывающие» что-то

¹⁵⁸ См.: Торопов В. Н. К реконструкции «загадочного» прототекста (о языке загадки).

¹⁵⁹ Речь идет о фильме «Матрица. Перезагрузка».

там... а так – «неопределенно» кроме того, «безграничный» и «неопределенный» РГ четко разводит. Безгранично (*sans limite*) у него бесконечное... он так его «определение» дает – то, что не имеет границ. Вот, как (это, по-моему, в третьей или четвертой главе развернуто дано). А неопределенное (*indefini*) имеет (но не границы, *limites*) пределы (*confins*) – так тоже одна из глав названа...

А мне в руки недавно попал дореволюционный словарь по философии (**). Цитирую: «Бесконечность есть первоначально понятие отрицательное, которому, однако, часто придают и положительное значение. Идею бесконечности не следует смешивать с идеей безпредельности... Идея бесконечно-малого и бесконечно-большого... есть идея безпредельности (*Indefinitum*), безграничности, которую нужно отличать от Бесконечности (*Infinitum*)... Обыкновенно времени, числу и пространству приписывают признак бесконечности... но число только потому предельно, что самый процесс, требуемый числом, безграничен... Поскольку пространство и время... мыслятся как независимые формы бытия они являются безпредельными, но не бесконечными...» Согласитесь, что в сущности текст почти дословно говорит о том же, что пытается в «Предисловии» сказать Генон.

Поэтому думаю, что *indefini* все же следует переводить как беспредельное (тогда избегаем и смешения с *indetermine*), *illimite* (как и у Вас) – безграничное (хотя, согласуясь с логикой французского, скорее должно быть наоборот, но мы же переводим на русский :), тем паче в том же словаре ограничение есть именно *limitatio*). В определении же бесконечного лучше избегать понятия предел или граница, но использовать конец. Впрочем, здесь еще надо будет подумать и каждый раз соотносываться с контекстом. Но в любом случае необходимо передать по максимуму именно смысловую нагрузку. Не знаю уж, о чем думал Генон, но согласитесь, это смешно звучит: «Бесконечность этимологически (*sic!*) означает то, что не имеет границ».

(*) Чтобы самой не забыть, а то в последнее время стала рассеянной до безобразия.

(**) Это из серии того, что я называю «принципом магнита». Генон меня замучил до того, что мне уже снится, как правильно перевести то или иное слово. Тут на днях пробудившись,

решила что-нибудь почитать и совершенно случайно, вместе с другой книгой вытащила этот словарь. Открыла... и вот оно, именно то, что мне было нужно. Со мной такое часто случается.

17 июня

...У де Джорджии¹⁶⁰ описана крайне любопытная схема мироздания. Естественно, – трехчастный мир, но подразделяет он его на сферу форм (образов), ритмов и безмолвия. Вот и мне всегда казалось, что за любым мысленным образом всегда скрывается еще нечто. Видимо, поскольку мне «медведь на ухо наступил», то сообразила я, что же там скрывается буквально недавно (хотя подозревала об этом всегда...). Так вот за образом скрывается ритм (звук, звучание), то есть в сущности мысли – это музыка, и в зависимости от того, как человек «настроен» он способен уловить и воспроизвести ту или иную мелодию...

Забавно, когда (и если) я сумею добраться до области безмолвия, мне удастся это как-то выразить?

¹⁶⁰ Джорджии Гвидо де (1890–1957) — итальянский философ. Юлиус Эвола писал о Гвидо де Джорджии: «Его имя известно только крайне узкому числу его друзей, и, я полагаю, от его написанных и напечатанных трудов остались только незначительные следы. Он был своего рода посвященным в диком и хаотическом состоянии: он прожил часть жизни среди арабов, был лично знаком с Геноном и заслужил большое уважение последнего. Он обладал исключительной культурой, знал много языков, но его темперамент был нестабильным... Он также был подвержен сильным страстным, эмоциональным и лирическим вспышкам, чем напоминал Ницше. Его нетерпимость к современному миру была такой, что он удалился от него: он жил в горах, которые он воспринимал своим естественным окружением, а позже в заброшенном доме священника... Де Джорджии умер в 1959-м году в своих горах» (Эвола Ю. Путь Кинновари. Тамбов, 2018. С. 115–116). Именно В. В. Ванюшкина открыла Гвидо де Джорджии русскому читателю. См.: Ванюшкина В. В. «Стихийный традиционалист» Гвидо де Джорджии // Волшебная гора: Философия. Эзотеризм. Культурология. М., 2002. Т. VIII. С. 340–344. Она отмечала, что лично ей стиль де Джорджии, которого, по ее мнению, нужно читать вслух, «доставляет величайшую радость (каково при этом переводить его, я лучше умолчу). Как бы то ни было, думаю, дервиши или древние риши, создатели Вед, охотно приняли бы его в свои ряды» (Там же. С. 340–341).

Ригведа

Странно, почему никто из исследователей Ригведы (по крайней мере, насколько мне это известно) не углядел в мифе о сражении Индры с Вритрой борьбу огня и льда. Понятно, что любой миф, как и его герои, – многомерен, но образ льда и взрывающего его своим пламенем вулкана просто напрашивается сам собой¹⁶¹. Похоже, у древних не было столь фиксированного представления о «верхе» и «ниже»: молния с небес могла быть и огнем, извергающимся из земли. Точно также ставящий многих в тупик образ Варуны, одновременно олицетворяющего собой и воды, и небо, становится вполне «понятен», если вспомнить о «теории поллой земли». Точнее, даже не земли, а вселенной. Если она представляет собой шар (*вращающийся шар*), тогда то, что днем было водами, ночью становится небом (а ведь именно с ночным небом чаще всего отождествляют Варуну). Сюда же и мой излюбленный образ дерева, растущего корнями вверх...

20 июня

«Голубиная книга»

Смотри-ка, Кейпер¹⁶² почти слово в слово пишет, что и я давеча: «Самые глубокие недоразумения относительно ведийской мифологии возникли из того факта, что не было ясно сказано о мифологической идентичности ночного неба и нижнего мира... Нижний мир (т.е. подземные воды и ночное небо) – царство Варуны, и здесь находится сиденье рита...» (цит. из М.Л. Серяков «Голубиная книга» (священное сказание русского народа))¹⁶³. Да, надо бы, очень мне надо бы кейперовские «Труды по ведийской мифологии» найти. Потому как книга Серякова преимущественно тем и хороша (хотя отдельные интересные наблюдения, безусловно, встречаются), что цитатами... Но каким причудливым образом он отождествляет Варуну с Перуном (доказательная база – просто смешна, впрочем в случае русского

¹⁶¹ Ср. с образами из стихотворения Ванюшкиной.

¹⁶² См.: Кейпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. М., 1986.

¹⁶³ См.: Серяков М. Л. «Голубиная книга» — священное сказание русского народа. М., 2012.

язычества вообще сложно что-то обосновывать, здесь возможен только «интуитивный» /если угодно, интеллектуально-интуитивный/ подход). По мне так «аналогом» Варуны безусловно является Сварог. Во всех исследованиях подобного рода (как и в расовых исследованиях начального периода) чрезмерный упор делается на филологии (плохой филологии)...

26 июня

Есть такая странная вещь как бессилие силы. То есть, ты знаешь, захоти того или иного в полную силу, и все осуществится. Но есть нечто, что останавливает. Крайне приблизительно, это можно назвать чувством ответственности. Именно ответственности, а не вины... Останавливает же именно то соображение, что воля навязанная (не знаю, как это продолжить, в голову лезет всякая лабуда типа «не приводит к добру», но я совсем не о том)... Короче, именно отсюда, пожалуй, растут корни концепции «недеяния»¹⁶⁴.

6 июля

Загадки

Что человек есть загадка для себя самого это известно.

Но вот вопрос: не есть ли он загадка и для Бога?

Можно дать вполне прямолинейный ответ – «да» (и почему бы нет, никогда не понимала, почему всезнание является столь уж необходимым атрибутом Бога. В этом все же заметно некое желание навязать Богу качества, обязательно противопоставленные человеческим. Но даже, если Бог и есть «от начала» всеведущ, то почему бы отрицать за Ним возможность отказаться от этого всеведения... хотя, и я здесь рассуждаю чисто по-человечески, во главе – мысль: «все знать скучно»; нам, наверно, было бы скучно, а Богу, может, и весело). Но это я опять растеклась «мыслью по древу». Хотела-то сказать о другом варианте.

Человек – загадка для Бога, именно в том смысле, в котором существовали раньше игры в загадки. То есть отвечающий

¹⁶⁴ В записи от 16 декабря 2003 г. Виктория отмечала, что «“Люди и руины” написаны для людей “деяния”, а “Оседлать тигра” — для тех, кому ближе “недеяние”».

изначально знал ответ на вопрос, но сам вопрос никогда не задавался в прямой форме. Не спрашивают в загадке, «что есть небо», но всегда «загадывается» некая «метафора», что-то типа: «Что есть расстилающаяся над нами синева» и т.п...

Значит, мы все время не можем расслышать вопроса, к нам обращенного: «кто есть тот, кто может одновременно взмывать в высочайшие небеса и падать в глубочайшие пропасти, тот, кто...» (это, само собой, как пример). Короче, надо понять, как сформулирована загадка, а ответ должен быть изначально в нас заложен.

Когда читаешь мыслителей начала прошлого века, возникает странное впечатление, что весь наш XX век во многом оказался топтанием на месте. Задачи, стоящие сегодня перед нами, если и изменили свое обличье, по содержанию мало чем отличаются от тех, которые возникли на рубеже XIX–XX вв. Например, та же проблема терроризма...

Конечно, с одной стороны, здесь можно было бы возразить, что так было всегда, если бы не один существенный момент: если прежде взор был преимущественно направлен к «Золотому Веку», оставшемуся в прошлом (или, если угодно, в истоке), то ныне, он устремляется в будущее. Это свойственно отнюдь не только «прогрессистам», но и многим «традиционалистам»...

О чем это свидетельствует? Да, о чем угодно. Например, что действительно близится «конец цикла» либо о том «что самое далекое будущее есть одновременно самое далекое прошлое», либо о том... О том, в частности, как нам все же оправдать наше настоящее, сказав сразу и близкому прошлому, и близкому будущему: «Я так хотел».

Лично для себя...

...к одной из предыдущих записей. На самом деле, за так называемым чувством «ответственности» легко скрывается и страх, и, что еще хуже, простое безволие.

И даже забавно, насколько часто мы склонны вменять Богу в вину то, на что мы сами не можем решиться.

11 июля

Титус Буркхарт «Алхимия»¹⁶⁵

«В цивилизациях “архаических”, где нет разделения на “духовное” и “профаническое” и всякая вещь видится в перспективе внутреннего единства человека и космоса, работа с минералом и металлом всегда почиталась священной. Привилегия оставалась у жреческой касты, призванной к этой практике божественным установлением. Если подобного не случалось, как в некоторых африканских племенах, не обладавших подлинной металлургической традицией, кузнец, из-за своего вторжения в святая святых природы, подозревался в черной магии. Интуиция глубокой взаимосвязи человеческой души и природной иерархии кажется современному человеку суеверием. Однако человек “примитивный”, не располагающий, сравнительно с нами, массой исторических сведений по обработке металлов, тем не менее прекрасно знает, что извлечение минеральной породы из “внутренностей” земли и жестокое очищение огнем – операции зловещие и очень опасные. Для “архаического” человечества рождение металлургии не столько «открытие», сколько “откровение” – только божественное установление разрешало подобную деятельность. И с самого начала такое откровение небезопасно и требует особой осторожности со стороны деятеля. Как и внешняя работа с минералом и огнем связана с насилием определенного рода, так и влияние на дух и душу, неизбежные в данном ремесле, имеет характер энергичный и обоюдоострый».

Все вышесказанное легко отнести не только к «минералам и металлам», но и ко всей сырьедобывающей промышленности в целом, а, по большому счету, и к современной науке вообще.

«...сакральное искусство алхимии передавалось только устно, необходимость письменной фиксации – первый знак декаданса или страха эвентуальной гибели традиции».

¹⁶⁵ См.: Буркхарт Т., Гюго В. Алхимия и Нотр-Дам де Пари. М., 2007; Головин Е. В. Нотр-Дам де Пари: Это убьет То // Приближение к Снежной Королеве. С. 248–265.

Вот, вот. И меня все время забавляли попытки доказать наличие или отсутствие какой-либо традиции, привлекая в качестве свидетельства письменные источники. На самом деле, их отсутствие может доказывать, как минимум две вещи: либо то, что данная традиция «действительно умерла» (в языческом понимании смерти – как преобразования), либо же то, что она по-прежнему жива. Между тем как обнаружение подобного рода источников скорее или подтверждение ее смерти (в иудео-христианском смысле, то есть как уход в ничто, или если угодно, в потустороннее), или почти безвозвратной деградации.

2004 год

7 февраля

Хлеб – всему голова

(поджаривая зачерствевший хлеб)

Вот интересно, я почему-то никогда не могу позволить себе выбросить хлеб.

Дело в том, что мои гости, зная, что вероятность обнаружить в моем доме продукты в большинстве случаев близка к нулю, как правило, покупают все, включая хлеб. В результате иногда образуются «хлебные излишки». Но даже основательно зачерствевший хлеб я предпочту поджарить, но не выбросить¹⁶⁶.

Родовая память от матушки, пережившей блокаду?

К другим продуктам такого отношения нет.

21 февраля

<...> Я вот, например, все больше склоняюсь к тому, что все зависит от нашего восприятия времени, которое основательно меняется. Причем «время историческое» я скорее склонна отождествлять с движением маятника. Есть у меня подозрение, что такая схема (естественно, столь же условная, как и всякая другая) все же позволяет более точно разобраться в наших взаимоотношениях с Западом (впрочем, как и с Востоком). И, что

¹⁶⁶ Отношение Виктории к хлебу всегда носило особый, почти сакральный характер, связанный отнюдь не с простой бережливостью.

еще более важно, попытаться спрогнозировать возможное развитие этих отношений.

31 декабря

Вы будете смеяться, но я никуда не уехала, поскольку в день отъезда умудрилась столкнуться с двумя главными русскими бедами одновременно. Результатом встречи с дураками на дорогах стала вывихнутая лодыжка и распухшая коленка, приобретающая совершенно замечательный раскрас.

Правда, этот год меня настолько задолбал, что такое его завершение меня даже не особо расстроило. Тем паче, что мне посчастливилось столкнуться и с тем лучшим, что есть в России – с нормальными русскими людьми.

Мало того, что меня доставили домой на «скорой» (хотя, я честно предупредила, что полис у меня, скорее всего, просроченный), врач еще позаботился и о состоянии моего холодильника, каковой, естественно был опустошен и отключен в преддверии отъезда.

<...>

Провалилась два дня, нога уже почти не болит (правда, передвигаюсь пока с трудом). Настроение на удивление настолько хорошее, что даже решила перевести наконец пару военных записей де Джорджо (младшего)¹⁶⁷. Пожалуй, именно так я и встречу этот год – делая то, что мне нравится, не потому, что надо, не за деньги, а просто так, для души.

¹⁶⁷ Речь идет о Хавизе де Джорджо, старшем сыне Гвидо де Джорджо. Хавиз [имя переводится как «жертва (...) связанная с огнем»], родился от его первой жены в Тунисе. Воспитанный отцом «в соответствии с идеалами абсолютного действия», он ушел на войну добровольцем в самом начале эфиопской кампании. За проявленный героизм был возведен в офицерское звание и командовал отрядом альпийских стрелков. Неоднократно награждался. Погиб в марте 1939 г. Посмертно ему была присвоена медаль за отвагу. Отрывки из дневника Хавиза де Джорджо вошли в состав сборника «Мгновение и Вечность». В ЖЖ Виктории от 4 ноября 2002 г. под заголовком «На память» приводится цитата из текста «Героическая постоянная жизни» (Хавиз де Джорджо). Других ее переводов Джорджо (младшего) обнаружить не удалось. Возможно, что переводчики и издатели традиционалистской литературы проявят интерес к текстам этого автора и его отца.

А в качестве новогоднего поздравления процитирую де Джорджио-отца: «Даже если ситуация выглядит ужасной, не следует предаваться отчаянию: достаточно сформулировать потребность в *povus ordo* (новом порядке – *Виктория Ванюшкина*), который подобно урагану пронесется над миром, обновляя его, и озаряя путь к победе очищенному взору, обостренному созерцанием древних символов Рима, вечно вздымающихся над склонами Семи Холмов»¹⁶⁸.

И хотя понятно, что старший де Джорджио имеет в виду «свой» Рим, нам, русским такая символика также близка и понятна.

Поэтому – **за новый, за русский порядок!**¹⁶⁹

2005 год

21 июня

«В неко[е]м отдаленном уголке вселенной, разлитой в блестках бесчисленных солнечных систем, была когда-то звезда, на которой умные животные изобрели познание. Это было самое высокомерное и лживое мгновение “мировой истории”: но все же лишь одно мгновение. После этого природа еще немножко подышала, затем звезда застыла, и разумные животные должны были умереть. Такую притчу можно [было бы] придумать, и все-таки она еще недостаточно иллюстрировала бы нам, каким жалким, призрачным и мимолетным, каким бесцельным и произвольным исключением из всей природы является наш интеллект».

Ф. Ницше «Об истине и лжи во вненравственном смысле»¹⁷⁰.

И, действительно, ведь наш разум есть всего лишь орудие выживания, обеспечивающее нам определенные преимущества

¹⁶⁸ Речь идет о его книге «Римская Традиция». Обзор ее содержания см.: Ванюшкина В. В. «Стихийный традиционалист» Гвидо де Джорджио // Волшебная гора. С. 343–344.

¹⁶⁹ Здесь и в других текстах выделения жирным шрифтом авторские.

¹⁷⁰ См.: Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1/2: Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. / пер. с нем. В. Бакусева, В. Невежиной, И. Эбаноидзе и др.; общ. ред. И. А. Эбаноидзе. М., 2014.

сравнительно с другими видами. Его переоценка равнозначна тому, как если бы, например, тигр посчитал свои зубы или клыки господствующим элементом в своем организме...

Комментарий пользователя ЖЖ «ich_habe_keine»:

Если рассматривать наш разум, как «всего лишь орудие выживания», то оно окажется неэффективным – черепахи живут дольше, муравьи лучше ладят друг с другом в своих муравейниках и пр.пр. Но пока человечество существует, интеллект действительно остается необъясненным исключением из общих правил природы.

Ответ Виктории:

Чтобы выжить среди черепах и муравьев, разум человеку не нужен, а вот, чтобы справиться с мамонтом или львом – нужен. Хотя с «всего лишь» я, конечно, погорячилась :). Не только выживания, но и господства.

20 июля

Нечто вроде самонаблюдения

Как утверждают некоторые, среди попрошаек нередко можно встретить неплохих психологов.

У меня чаще всего деньги просят:

а) бабушки на «хлеб»;

б) молодняк на пиво;

в) бывшие (реальные или мнимые) зеки под предлогом «только что освободелся».

Никогда или почти никогда не просят:

а) цыгане (взрослые – никогда, мелкие иногда пытаются, но отваливают с первого даже не слова, а взгляда);

б) прочие цветные;

в) якобы «христиане»

Подаю я довольно часто бабушкам/дедушкам (правда, предпочитаю тех, кто не просит напрямую, а тихо стоит в сторонке), под настроение и при наличии «лишних» денег – молодняку (но только в том случае, если просят откровенно на пиво, не пытаясь это замаскировать), «зекам», как правило, предлагаю купить поесть что-нибудь дешевого (несколько раз соглаша-

лись, один, так действительно с такой жадностью начал поедать купленный батон хлеба, запивая молоком, что денег я ему чуток подбросила).

Но эта третья категория мне представляется наиболее загадочной и даже слегка беспокоящей в плане моих дальнейших жизненных перспектив :).

25 июля

Артур (grenzlos)¹⁷¹ цитирует Головина: «Мне не нравится, что столь великий мыслитель, как Генон, не находит ничего лучшего, чем постоянно поливать грязью современную эпоху. Одно из его самых браных словечек “les modernes” – современники – он это сделал таким лейблом всего самого противного, что он в жизни встречал. Если ему кто-то нравится, как, например, Лейбниц, то он называет его полу-профаном. Конечно, он всегда подчеркивает, что это говорит не он, а традиция, но ведь это то же самое, что сказать, что я – аватар бога Вишну, и поэтому так говорю. А если кто-то не понимает, что я аватар, то он относится к les modernes. Из его сложных книг следует элементарный вывод: те, кто меня понимают, должны строить что-то вроде Ноева ковчега – причем, как его строить непонятно, потому что Генон справедливо отрицает всяких гуру, восточных учителей, вообще идею учителей; немного хвалит масонов, но тоже больше критикует. Прочитав сочинения Генона, мы должны понять, что наступил конец, и если все-таки мы найдем в себе внутренние силы сами сделать себя, то мы, человек сто или пятьсот, должны объединиться в ковчеге, чтобы спастись от этого потопа профанизма и пошлости, который нас, по Генону, окружает. Эта позиция кажется мне не легитимной»¹⁷².

И мне тоже :). Собственно, на мой взгляд, проблема Генона заключалась в том, что ему просто не нравилось жить, а мне

¹⁷¹ Медведев Артур (в крещении Арсений) Владимирович (1968–2009) — философ-традиционалист, публицист, главный редактор альманаха «Волшебная гора» (издание было задумано в 1989 г.; первый номер вышел в 1993 г.), в котором, в том числе, печатались тексты и переводы Виктории Ванюшкиной.

¹⁷² Головин Е. В. «...Свой остров Робинзона я сам себе насыпал» [Интервью с Евгением Чижовым] // Волшебная гора: Традиция. Религия. Культура. М., 2005. Т. XI. С. 227.

очень даже нравится, поэтому Генона я, мягко говоря, недолюб-ливаю.

Ответ пользователя ЖЖ «grenzlos» (Артур Медведев):

Здравствуй, Виктория!

Я не думаю, что Генону не нравилось жить. В конце концов, я знаю людей, которым не нравится жить. Это такие интел-лектуалы-эгоисты, заикленные на собственной персоне. Любят говорить, что никогда не заведут детей из чувства ответственно-сти – типа зачем плодить «царство количества» или зачем брать на себя ответственность рождая ребенка и «выбрасывая» его в этот страшный мир и т.п. Генон же был многодетным отцом, на фотографиях с семейством выглядел довольно жизнерадостно. Думаю, что у Генона была просто такая установка все и вся кри-тиковать. Но не любить его за это странно. В конце концов, мы должны «брать лучшее» и у Генона, и у прочих близких к нему по духу авторов. Сейчас читаю одну работу Эволы (не в твоём переводе :), – налицо такой «пассионарный» люциферизм. Разу-меется, мне известно отношение Эволы к монотеистическим религиям, но здесь я впервые столкнулся с откровенно люцифе-рианской апологией, «падших ангелов», Христа он называет «неким Искупителем» (который, разумеется, по логике повест-вования все испортил) и т.д. Чтение интересное и познаватель-ное. Совершенно иная «ориентация» по сравнению с Геноном. Безусловно, привлекательная для кого-то, но из разряда духов-ных соблазнов. Мысли свои он выражает более внятно, чем по-рой это делает Генон. Поэтому, все довольно «прозрачно».

25 августа

И пару слов по поводу культуры.

Культура всегда есть дело рук одиночек, высших типов, а для того, чтобы они могли реализоваться необходима соответ-ствующая атмосфера «высокого духовного напряжения» (Эво-ла). Никакой народной культуры (*) нет (фольклор есть, но к народу это уже отношения не имеет, забава для интеллигентов), не говоря уже о массовой. Масса – это толпа, а толпа принци-пально не способна к созидательной деятельности. Отличить культуру от не культуры очень просто. Производство культуры

всегда создается в служении высшему началу, а не выдуманному «народу», т.е. вдохновлено высшим (божественным) влиянием и точно такое же возвышающее влияние оказывает на человека. Все прочее культурой не является, это по ведомству «развлечений» и «зрелищ». Если культура заставляет человека сосредоточиться, задуматься, в некотором смысле делает его со-творцом, то зрелище, наоборот, рассеивает, раз-(от-)влекает.

(*) Возможно это излишне резкая формулировка, но суть в следующем. Т.н. «простые» люди также, безусловно, обладают способностью к творчеству, но здесь, во-первых, также верно то правило, что создателем является не абстрактный народ, а отдельный человек, также вдохновляемый свыше, и, во-вторых, для того, чтобы созданное им стало частью культуры необходимо, образно говоря, свой Муссоргский.

Более того, народная «культура» выживает только при условии сохранения высшей культуры. Исчезает высшая культура, исчезает и народная, остаются матерные частушки.

Способен ли народ к восприятию высшей культуры? Еще как способен. Пусть не всегда разумом, а чаще инстинктом, но распознает он ее безошибочно. В нормальных условиях люди всегда тянутся к красоте и пытаются ей подражать. Когда же красота исчезает, подражают тому, что занимает ее место, но культура в подлинном смысле этого слова исчезает, остаются «гельманы» и серийно сфабрикованные «народные артисты».

8 сентября

В целом для человека (обычного человека, а не воина по призванию, поскольку последний сам способен определить что смерти достойно, а что нет) существует всего четыре причины, достойные того, чтобы пожертвовать своей жизнью. Первые три – «За Веру, Царя и Отечество», четвертая – «за други своя». Первая и четвертая являются ценностями абсолютными, безусловными. Со второй и третьей ситуация сложнее. Царь – это фигура священная, земной представитель Бога, причем эта его функция не может быть снята, например, актом отречения. Факт «помазания на Царство» не может быть отменен никем, кроме самого Бога. Соответственно, называть «царем» правителя свет-

ского государства недопустимо, и точно также недопустимо требовать от человека за него умирать (т.е. известный лозунг «За Сталина» является отвратительной профанацией). До определенной степени относительным является и понятие «Отечество» (в скобках напомним о том, сколь существенным является различие между такими понятиями как «родина» и «отечество», что со всей очевидностью проявляется уже в самой этимологии этих слов). Упрощая, можно сказать, что Отечество является своего рода производной от «Бога и Царя», если у нации есть свой Бог и свой Царь, то у нее есть и Отечество. В ином случае остается «только» родина. И точно также «родина» достойна жертвы или смерти только в том случае, если эта жертва (или смерть) приносится во имя того, чтобы родина вновь стала Отечеством, т.е. вновь обрела своего Бога и Царя, либо, когда включается четвертый принцип («за други своя»).

Отсюда совершенно понятно, что любое принуждение к жертвенности во имя построения «земного рая», будь то строительство Днепрогэса либо развитие ипотечной системы, незаконно. Человек может пойти на многие жертвы во имя своих детей, но зачем эти жертвы, если пострадавшими в первую очередь окажутся сами дети? Но замечу, что тоже самое происходит и в нынешней системе. Родители крутятся, как белка в колесе, ради того, чтобы обеспечить максимальное благополучие единственному чаду. А «чаду» на самом деле больше всего требуется, чтобы мама была дома, чтобы у отца было время с ним поговорить, чему-то научить, да братья и сестренки, с которыми можно и поиграть, и поссориться (а как же без этого :)), а не высокооплачиваемая няня со знанием нескольких языков.

Поэтому, повторю еще раз, любая система, ставящая во главу угла исключительно материальное процветание (а в этом коммунизм ничем не отличается от капитализма) изначально порочна. Умирать (жертвовать собой) ради земного богатства (даже и для будущих поколений) недостойно человека.

4 декабря

Зрелость

Я тут недавно предавалась лирическим размышлениям на тему того, что такое возраст. Дело в том, что довольно долго я

очень плохо соотносила свой внешний и внутренний возраст. Так, мне казалось очень смешным и одновременно чуток лестным, когда меня начали называть по имени-отчеству. Я внутренне одергивала себя, говоря что действительно 30–35 лет, это уже не мало, вспомни, какой взрослой нам казалась наша пионервожатая, которой в то время самое большее лет двадцать исполнилось. Но где-то после 35-ти это отношение изменилось. Покопавшись в себе, пришла, к выводу, что главным образом это изменение связано с тем, что люди меня больше ничем не могут удивить. Не в том смысле, что я безошибочно могу предсказать, как себя поведет тот или иной человек в зависимости от ситуации, а, скорее наоборот, не удивит то, что он поступит вопреки казалось бы разумным соображениям. Вчера решила это проверить на практике. Выводы:

1) Политологи не дураки. Ставка при демократии делается вовсе не на самостоятельно мыслящего человека, а на «стадного» или массового человека. Ради интереса обзвонила нескольких старых знакомых. Точно – довольно многие из тех, кто собирался голосовать за «Родину», решили голосовать за ЛДПР.

2) Дорогие френды я ведь специально оговорила, что вопрос задаю совершенно вне контекста последних событий. Звучал он очень просто – лично для вас – это много или мало? И?!

К слову, начала догадываться, что такое старость – наверное она наступает тогда, когда человека перестает удивлять мир. Но до этого мне, надеюсь, пока далеко. Впрочем, похоже, многие перескакивают из юности в старость, минуя стадию зрелости.

21 декабря

Все же ЖЖ бесконечно забавное пространство. Опять узнала про себя много нового, оказывается я – «миссионер», «религиозный фанатик» и т.п.

А знаете, какая первая запись была в моем ЖЖ? Вот такая: «Дюкло говорил о Вольтере и Даламбре: “Они, в конце концов, добьются того, что я стану ходить к мессе” (Стендаль “Прогулки по Риму”. С. 157). Нынешние “вольтеры” нередко заставляют меня защищать христианство».

Насчет мессы сомневаюсь, но, тем не менее...

Ладно, давайте, поговорим о страхе перед смертью. Как любой страх он имеет двойственную природу – это или страх перед болью, или страх перед неведомым.

Первый страх не снимается ничем. Попробуйте, например, отправляясь к зубному врачу, убедить себя в том, что за дверью вас ждет не врач с бормашиной, а волшебный гном с чудодейственным молотом. Поможет? Это страх животный, его можно перебороть только осознанием необходимости или, в более серьезной ситуации, волевым усилием.

Второй страх – страх метафизический. Страшит неизвестность. Этот страх отчасти снимается знанием. Вы отправляетесь в путешествие по неизведанным морям или землям, но у вас имеется либо карта, либо компас, либо просто умение ориентироваться по звездам и солнцу. Пусть даже эти инструменты и навыки еще не гарантируют того, что вы достигнете того пункта, куда направлялись, но они, по крайней мере, придают мужество двигаться дальше.

Так вот, возвращаясь к этой конкретной смерти. Если вы не верите в посмертное существование, то второго страха вы не признаете, а признаете только первый, каковой, как было сказано, снять невозможно. Можно только снизить его уровень, как делают, например, при убийстве животного, успокаивая его, перед тем как перерезать горло.

Но, если вы, пусть даже не верите, но хотя бы допускаете вторую возможность, то есть загробное существование, то даже с самыми добрыми намерениями, вы мостите ту самую дорогу в ад.

Те же эльфы в кельтской традиции это отнюдь не прекрасные создания, которых живописуют нам разного рода сказочники, а довольно злобные по отношению к человеку существа. Поэтому не помешало бы в таких вопросах соблюдать элементарную осторожность.

Но даже если подходить к этому вопросу сугубо рационально, то вполне понятно, что священник (любой конфессии) обладает в этой области гораздо большим опытом, нежели кто-либо другой.

Таким образом, здесь есть только два решения – или попытаться убедить ребенка, что врачи что-то напутали и она не умирает, или найти человека, который знает как подготовить ее

к смерти. У священников такой опыт есть, не просто личный, а накопленный веками.

Еще раз – самодеятельность здесь неуместна.

Комментарий пользователя ЖЖ almiki:

Я прошу прощения за нетактичный вопрос, но что для Вас христианство? Это истинная и единственно полная Традиция или одна из ее ветвей (если предполагать изначальное единство), или просто традиционный институт (система, комплекс институтов), переживший почти все остальные? Это безальтернативный выбор для всех, или только для русских (или для христианской, западной цивилизации), или вы считаете, что есть альтернатива?

Можете, конечно, не отвечать, если Вас эта тема как-то задевает. Просто хочется побольше узнать о Вашем отношении.

Ответ Виктории:

Для меня это один – но не мой – из путей к Богу. Насчет выбора, то, как Вам сказать, мне думается в Вашей постановке вопроса нарушена причинно-следственная связь. То есть, не человек выбирает традицию, а традиция человека.

Но это на индивидуальном уровне, если же говорить глобально – то альтернатива может возникнуть только при непосредственном вмешательстве горних сил.

2013 год

2 ноября. 21:11:00¹⁷³

Чутка похвалиться :)

«Может быть, мне будет позволено сослаться на свои лекции, изданные в 1954 году под заглавием “Что называется мышлением?”¹⁷⁴ Может быть, значение нашего времени в том, что как раз эту книгу из всего напечатанного мной читали меньше всего». (<http://sergeyseb.livejournal.com/140039.html>)¹⁷⁵.

¹⁷³ Последний пост, написанный Ванюшкиной в ее ЖЖ.

¹⁷⁴ См.: Хайдеггер М. Что зовется мышлением / пер. Э. Сагетдинова. М., 2006.

¹⁷⁵ Ссылка на текст интервью М. Хайдеггера журналу «Шпигель» (1966 г.).

По совету хороших людей, именно с этой книги я начала свое знакомство с Хайдеггером (*). Увы, на английском, – очень бедном с моей точки зрения языке и особо непригодном для философствования – но все же, надеюсь, мне удалось там кое-что понять, невзирая на корявость перевода.

(*) Тетушка в «Ленинке»¹⁷⁶, выдавая книгу, пробормотала: «Небось фашист какой-нибудь». «Национал-социалист» – строго поправила я. «Ну, если социалист, хорошо». С огромным трудом мне удалось удержаться от смеха.

Отдельные записи

Говорят, младенцы видят мир перевернутым??... (перевернутое дерево)...

Мы приходим в чужой мир, не «объективный», но созданный прошлыми представлениями... Знакомство с ним...

Бунт против чужого...

Никакого выбора нет, именно постольку, поскольку выбирать можно только из чужого, свое же можно только создать...

Стремление человека к чему-либо, как правило, оборачивается своей противоположностью. Например, стремление к свободе большей тиранией и т.п. Почему так происходит. На первый взгляд, причина коренится в особенностях нашего мышления, привычного к противоположностям. Если взглянуть чуть глубже и вспомнить слова Ницше о происхождении наших ценностей... мы действительно рано или поздно возвращаемся к

¹⁷⁶ Виктория неоднократно говорила и писала, что даже в советское время в «ленинке» можно было найти отнюдь не только советскую литературу, для чего вовсе не обязательно было иметь доступ в спецхран. Об этом вспоминал и Е. В. Головин: «Я же жил в Москве и освоил отдел редких книг Ленинской библиотеки. Они сами не знали, что у них за книги. Я работал над ними, наверное, лет десять. Я знал все их так называемые каталоги для сотрудников, которые читателю не выдают» (Головин Е. В. «...Свой остров Робинзона я сам себе насыпал». С. 230).

корням... Как вода поднимается по стволу дерева, но питать надо именно корни...

Мышление, сознание как способность человека к обману, в том числе к самообману. Майя...

Насколько нам известно, точнее насколько мы можем судить по тем остаткам традиционного общества, которые сохраняют некоторые примитивные народы (но здесь крайне важно учитывать возможность вырождения и упадка), новорожденный до определенного периода вообще не считался полноценным человеком... Его воспитание начиналось только после первой инициации (в частности, направленную на прояснение его половой принадлежности, в смысле соответствия физических и психологических параметров).

Сегодня, напротив, считается, что «развивать» его надо чуть ли не с пеленок.

Думается, древние намеренно оставляли ребенка безо всякого воспитания, чтобы четко понять, что он такое. Важно было прояснить врожденный склад характера (возможно и способность к адаптации), а не просто способность к обучению.

В современном мире ребенка с младенчества отучают смотреть на мир своими глазами...

Элита или знать?

Надо сказать, мне никогда не нравилось слово «элита». Это некий суррогат, подделка для аристократии. Обратим внимание даже на этимологию ...

Поэтому все разговоры о создании элиты мне представляются крайне бесплодными. Ибо... возможно только в иерархическом обществе...

Слово элита по очевидным причинам долго не использовалось в постсоветской России, хотя бы потому, что первая «элита» того времени пришла к власти как раз использовав максимально антиэлитарный лозунг «борьбы с привилегиями», между тем как именно последние и составляют отличие элиты.

Правда здесь не стоит забывать, что привилегированность распространяется не только на права, но и прежде всего на обязанности.

**Тексты Виктории Ванюшкиной
подготовлены к публикации и прокомментированы
доктором исторических наук Александром Репниковым
при участии Романа Маркина.**

Авторы и переводчики

Askr Svarte (Евгений Нечкасов) — философ, публицист, одиност-традиционалист, автор книг «Polemos», «Чарующая Бездна», «Приближение и окружение».

V.L.S.L.V. (волхв Велеслав) — автор десятков книг и лекций о русском Родноверии и Шуйном Пути в нем.

Бела Хамваш — венгерский философ и писатель, первый представитель традиционализма в Венгрии.

Ананда Кумарасвами — метафизик, традиционалист, специалист по индийскому искусству и философии.

Юлиус Эвола — итальянский мыслитель, один из столпов языческого традиционализма, автор книг «Люди и руины», «Оседлать тигра» и др.

Людвиг Клагес — немецкий психолог и философ, сторонник идей Ф. Ницше. Автор книги «Космогония Эроса».

Влассис Рассаиас — идеолог современного греческого традиционализма, писатель, общественный деятель, глава «Высшего Совета Этнических Эллинов» (YSEE).

Сергей Жигалкин — философ, литератор, переводчик, издатель. Автор книг «Метафизика вечного возвращения» и «Об иных горизонтах здешнего: апология вечного возвращения».

Наталия Прокуратова — художник, в 60—70-х годах — член группы «Движение». Участница множества выставок, российских и зарубежных.

Массимо Нобили — итальянский исследователь скандинавского шаманизма, писатель, рунолог.

Кирилл Евсеев — студент философского факультета Института философии человека. Приверженец русского взгляда.

Чеслав Вятч — автор статей, заметок и стихов о традиционализме; родновер-традиционалист.

Крив — язычник-традиционалист, поэт; община «Волотов Узел» (Кенигсберг).

Valdr — язычник-традиционалист, одинист, мистик, поэт (Москва).

Крок Новиков — язычник, представитель подольской родноверческой общины «Грайворон».

Елена Эленуар — философ, мистик, публицист, маг, практик радикальных методов обожествления (традиция Бхайрава-Кали-Дхарма).

Триймбака Калагни — адепт Бхайрава-Кали-Дхармы, практик радикальных методов обожествления, оккультный мыслитель, мистик. Автор ряда статей по колдовству, тантризму и метафизике.

Ярославна Коновалова — художница проекта Veneden, вдохновленного русской хтоничностью, апофатической эстетикой русской смерти и красотой, выверенностью и яркостью русской традиции.

Александр Репников — российский историк, архивист, археограф. Доктор исторических наук. Специалист в области политической истории России середины XIX — начала XX вв.

Виктория Ванюшкина — переводчица традиционалистских и правоконсервативных авторов, публицист.

Вячеслав Ларин — писатель, публицист, автор сетевого проекта «ODAL».

Сергей Гражданкин — литератор, актер, поэт. Известная фигура в неконформистских кругах 60—80-х годов. Автор поэмы «Борбикрена (Сны старой крысы)».

Владимир Акулинин — художник, поэт, в 60-х годах — член группы «Движение». Участник российских и зарубежных выставок.

Максим Маковчик — магистр философии, экономист, переводчик, автор, поэт.

Места притяжения (где приобрести альманахи и книги)

Москва

- Книжный магазин «Циолковский», Пятницкий переулок, 8.
- www.primuzee.ru
- Книжная ярмарка на ВДНХ, 1-я Останкинская ул., д. 55, второй этаж, лавка «Велес».
- Философский клуб «Вертикаль», Дегтярный переулок, 15, корп. 2.
- Тату-студия ASGARD TATTOO, Чешихинский проезд, 4.
- www.asgard-tattoo.ru

Санкт-Петербург

- Мастерская Sordes Art
- www.abhicharamagichelp.ru/shop
- Книжная ярмарка в ДК им. Крупской, 1-й этаж, галерея, место 9.
- Parsifal: культурно-просветительский центр, ул. Константина Заслонова, 21/23.
- Магазин «Фаренгейт 451», ул. Маяковского, 25.

Челябинск

- Данила Свартов, тату-студия 13 HARDCORE
(vk.com/deathshalldance)

Томск

- Игорь Семенов, община «Волотов узел»
(vk.com/volotovuzel)

По вопросам поставок книг в ваши магазины и приобретения книг для распространения в вашем городе, а также авторам — пишите на почту svartepublish@gmail.com

www.askrsvarte.org/publish

Издающий редактор: Askv Svarte (Е. Нечкасов)

© Авторы | Svarte Publishing, 2019 г. в.

WARHA #6

Альманах

Традиция. Философия. Трибуна. Поэзия.

Материалы использованы с разрешения авторов и переводчиков.

Обложка: Ярославна Коновалова, проект Veneden

Шрифты: Trajan PRO, Times New Roman

ISSN-Free | CC-BY-SA

Разрешается использование и цитирование текста и фрагментов при сохранении целостности и неизменности и с указанием автора и ссылкой на издание.

Поддержать альманах можно любой суммой на счет:

Сбербанк: 4276 4400 1292 7676
PayPal: svartepublish@gmail.com